

INSPIRIA

Люсинда
Райли

Семь Сестер

INSPIRIA

Люсинда Райли

Семь сестер

Серия «Семь сестер. Мировые хиты Люсинды Райли», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43656368
Семь сестер: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-103512-9

Аннотация

На протяжении десятка лет эксцентричный богач удочеряет в младенческом возрасте шесть девочек из разных уголков земного шара. Каждая из них получила имя в честь звезды, входящей в созвездие Плеяд, или Семи сестер.

Роман начинается с того, что одна из сестер, Майя, узнает о внезапной смерти отца. Она устремляется в дом детства, в Швейцарию, где все собираются, чтобы узнать последнюю волю отца. В доме они видят загадочную сферу, на которой выгравированы имена всех сестер и места их рождения.

Майя становится первой, кто решает узнать о своих корнях. Она летит в Рио-де-Жанейро и, заручившись поддержкой местного писателя Флориано Квинтеласа, окунается в тайны прошлого, которое оказывается тесно переплетено с легендой о семи сестрах и об их таинственном предназначении.

Содержание

Действующие лица романа:	6
Майя	8
1	9
2	27
3	41
4	57
5	79
6	100
7	120
8	146
9	153
10	169
11	193
12	201
Изабелла	215
13	216
Конец ознакомительного фрагмента.	231

Люсинда Райли

Семь сестер

Lucinda Riley

THE SEVEN SISTERS

© Красневская З., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящаю своей дочери Изабелле Роуз

*«Мы все живем в канаве, но некоторые из нас
продолжают смотреть на звезды».*

Оскар Уайлд

Действующие лица романа:

Атлантис

Па Солт (Папа-Соль) – *приемный отец сестер (умер)*

Марина (Ма) – *гувернантка сестер*

Клавдия – *экономка*

Георг Гофман – *нотариус Па Солта*

Кристиан – *шкипер, капитан катера*

Сестры Деплеси

Плеяды

(Получили свои имена в честь семи звезд, входящих в созвездие Плеяд)

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

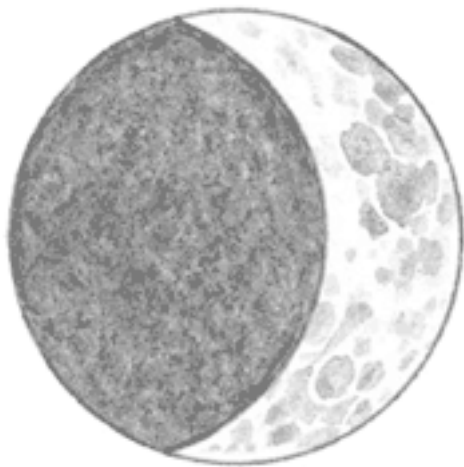
Тигги (Тайгете)

Электра

Меропа (отсутствует)

Майя

Июнь 2007 года

Луна в первой четверти

13; 16; 21

До конца своих дней буду помнить, где находилась и чем занималась в тот самый момент, когда мне сообщили о смерти отца. Я сидела в красивом саду своей старинной, еще со времен школы, подруги в Лондоне. На коленях у меня лежал экземпляр последнего романа Маргарет Этвуд под названием «Пенелопа», который был издан в 2005 году. Раскрыв книгу, я не стала ее читать, предпочитая просто наслаждаться приятным июньским солнышком, ожидая возвращения Дженни, которая отправилась забирать сынишку из детского сада.

Мне было покойно и хорошо. Какая, однако, прекрасная мысль, подумала я, уехать на время из дома. Я принялась разглядывать кусты клематиса, сплошь покрытые бутонами. Совсем скоро они распустятся под лучами живительного солнца и заиграют всем многообразием красок и оттенков. И в эту самую минуту зазвонил мой мобильник. Яглянула на дисплей. На экране высветился номер Марины.

– Привет, Марина. Как там у вас дела? – проговорила я в трубку, надеясь, что мой голос в состоянии передать ей хотя бы часть здешнего тепла.

– Майя, я...

Марина замолчала, и я тотчас же поняла, что что-то случилось. Что-то нехорошее. Но что?

– Майя, мне трудно говорить тебе об этом, но вчера у твоего отца случился сильный сердечный приступ. Уже во второй половине дня, ближе к вечеру. А сегодня на рассвете он... ушел.

Я молчала, миллион самых разных, хаотичных и даже нелепых мыслей вихрем пронеслись в моей голове. И первая – самая нелепая. Потому что в первый момент мне показалось, что Марина, по каким-то непонятным мне причинам, решила разыграть со мной вот такую безвкусную шутку.

– Я звоню тебе первой из сестер, Майя... Ты ведь у нас – старшая. Сама сообщишь своим сестрам? Или предпочитаешь, чтобы это сделала я?

– Я...

Слова застряли в горле. Наконец до меня дошло, что Марина, моя дорогая, любимая Марина, которая всегда была для меня вместо родной матери, ту я, впрочем, и не помнила вовсе, не могла так подло и бессердечно подшутить надо мной. И все, что она мне только что сообщила, *правда*. Да, все так и есть! И в ту же самую минуту весь мой мир сошел со своей оси и рассыпался на части.

– Майя, отзовись! С тобой все в порядке? О боже. Никогда еще мне не приходилось сообщать по телефону столь ужасные вещи, но что мне остается делать? Господи! И как только остальные девочки воспримут это известие?

И тут я впервые расслышала нотки отчаяния в *ее голосе*. Получается, что этот звонок сюда, в Лондон, был для нее не

менее важен и не менее сложен, чем для меня самой. Усилим воли я заставила себя включить свой главный психологический ресурс – умение утешать других.

– Конечно, Ма, я сама перезвоню сестрам, если ты не возражаешь. Вопрос в другом. Где они сейчас обитают? Насколько мне известно, Алли готовится к очередной регате.

Какое-то время мы с Мариной обсуждали предполагаемые места нахождения моих младших сестер, будто намеревались собрать их всех на застолье по поводу дня рождения одной из нас, но никак не для того, чтобы оплакать смерть отца. Отчего весь наш разговор приобрел такой немного сюрреалистический оттенок.

– А когда планировать сами похороны? Что думаешь? – поинтересовалась я у Марины. – Электра сейчас в Лос-Анджелесе, Алли торчит где-то на океане. Надо же время, чтобы собрать их всех. Раньше следующей недели никак не получится. Как считаешь?

– Полагаю, – голос Марины зазвучал как-то неуверенно, – все это мы с тобой обсудим, когда ты уже вернешься домой. Пока особой спешки нет. Более того, Майя. Если ты хочешь провести последние пару дней своих каникул в Лондоне, оставайся. Здесь ты ему уже ничем не поможешь...

Голос Марины сорвался, и она замолчала.

– Ма, что за разговоры! *Конечно же*, ближайшим рейсом я вылетаю в Женеву. Немедленно звоню в аэропорт, а уже потом начну обзванивать всех остальных.

– Мне очень жаль, шерри, – сказала Марина убитым голосом. – Я ведь знаю, как ты обожала своего отца.

– Да, – ответила я и почувствовала, как то странное спокойствие, похожее на затишье перед бурей, которое внезапно снизошло на меня, пока мы обсуждали с Мариной все вопросы, связанные с предстоящими похоронами, вдруг куда-то улетучивается прочь. – Я перезвоню тебе попозже, – бросила я в трубку. – Когда буду точно знать, в какое время прилечу домой.

– Пожалуйста, Майя, береги себя. Ты только что пережила страшный удар.

Я молча отключила мобильник и, не дожидаясь того момента, когда грозовая туча переживаний накроет меня уже с головой, побрела наверх, к себе в спальню, чтобы взять документы и начать звонить в аэропорт. Позвонила, автоответчик велел подождать. Я машинально глянула на свою постель. Сегодня утром я проснулась в ней, приготовившись встретить Еще Один Новый День, и только. А получилось вот что. Какое все же счастье, подумала я, что люди не могут предвидеть собственное будущее.

Наконец включилась линия связи с аэропортом. Новости, которые озвучила мне дежурная, были неутешительными. Свободных мест нет, все рейсы переполнены. К тому же мне грозит серьезная денежная неустойка за возврат билета. Потом женщина стала методично расспрашивать о номерах моих кредитных карточек, и я почувствовала, что силы мои на

исходе и я вот-вот взорвусь. Но мне как-то удалось вымолить у нее местечко на четырехчасовой рейс до Женевы, что означало следующее. Надо срочно хватать такси и немедленно мчаться в Хитроу, чтобы успеть на самолет. Я оцепенело уселась на кровать и какое-то время молча пялилась на обои, пока их рисунок – молоденькие веточки на светлом фоне – не заплясал у меня перед глазами.

– Ушел, – прошептала я. – Ушел навсегда. И я его больше никогда не увижу.

Я предполагала, что эти слова, произнесенные вслух, вызовут у меня бурный поток слез, но с удивлением обнаружила, что слез нет. Вместо того, чтобы плакать, я, тупо уставившись в стену, лихорадочно прокручивала в голове вопросы исключительно практического характера. Например, о том, как сообщить эту страшную новость сестрам – их же у меня пятеро. Сама мысль о предстоящих разговорах с сестрами ужасала. Кому же позвонить первой? Я быстро перебрала в своей эмоциональной памяти всех пятерых и остановила свой выбор на Тигги. Предпоследняя из нас, шестерых. Но я всегда чувствовала особую близость именно с ней.

Трясущимися пальцами я перебрала в контактах своего мобильного все номера телефонов, отыскала нужный номер и набрала его. Послышался механический голос автоответчика. Я даже растерялась в первый момент, но потом, спотыкаясь и запинаясь, промямлила в трубку несколько слов с просьбой перезвонить мне как можно скорее. Наверняка

торчит где-нибудь в высокогорье Шотландии. Она там работает в питомнике по уходу за осиротевшими и ранеными дикими оленями.

Что же до других сестер... Их реакция была мне известна заранее, по всей шкале переживаний и чувств. Во всяком случае, внешняя реакция будет колебаться в пределах от нарочитого безразличия до бурного проявления горя.

Чувствуя, что я еще и сама не готова определить, в каком именно месте шкалы находится градус моего собственного горя и на какую волну переживаний мне следует настроиться в разговоре с сестрами, я повела себя как самая последняя трусиха: разослала всем четверым эсэмэски с просьбой незамедлительно связаться со мной. После чего быстро побросала вещи в дорожную сумку, спустилась по узенькой лестнице вниз на кухню и оставила там коротенькую записку для Дженни с объяснениями, почему я в такой спешке покидаю ее дом.

В надежде побыстрее поймать такси я выскочила на улицу, быстрым шагом миновала изгибающийся в форме полумесяца зеленый переулок Челси, старательно делая вид, будто это самый обычный день, будто ничего и не случилось. Помахала рукой, приветствуя кого-то из соседей, выгуливавшего своего пса. И даже выдавила из себя некое подобие улыбки.

Разве кто-то сможет догадаться, что только что произошло в моей жизни, размышляла я, поймав такси на загружен-

ной Кингс-Роуд. Залезла в машину и велела шоферу гнать в Хитроу.

Нет, никто ни о чем не догадается.

* * *

Через пять часов, когда солнце уже лениво клонилось за кромку Женевского озера, я стояла на берегу у нашей собственной понтонной переправы в ожидании последнего рывка по направлению к дому.

Кристиан, капитан моторного катера, поджидал меня на борту нашего элегантного плавсредства под названием «Рива». По выражению его лица было понятно, что он в курсе всего случившегося.

– Как долетели, мадемуазель Майя? – участливо поинтересовался у меня Кристиан, помогая вскарабкаться на борт. В его голубых глазах плескалось сочувствие.

– Слава богу... я уже здесь, – ответила я нарочито нейтральным тоном и уселась на мягкое кожаное сиденье дивана изысканного кремового цвета, протянувшегося по всей корме. Обычно я всегда устраивалась впереди, на пассажирском кресле рядом с Кристианом, и в течение двадцати минут, пока длилось наше путешествие домой, с удовольствием наблюдала за тем, как катер стремительно рассекает воды Женевского озера. Но сегодня мне захотелось посидеть в одиночестве. Кристиан включил двигатель на всю мощь.

Последние всполохи уходящего солнца отражались в окнах роскошных вилл, разбросанных вдоль кромки озера. Раньше всякий раз, оглядывая окрестности, я думала о том, что вот еще немного, и я попаду совсем в иной, неземной мир, не имеющий ничего общего с действительностью.

То был мир Па Солта.

Впервые у меня защипало в глазах, когда я мысленно назвала отца его домашним прозвищем. Это я его придумала, когда была еще совсем маленькой. Отец всегда любил бороздить моря и океаны, и часто, когда после долгого отсутствия он возвращался в наш дом на берегу озера, от него пахло соленоватым морским воздухом. Пахло морем. Так и приклеилось к нему это прозвище: папа-соль, Па Солт. А потом и мои младшие сестренки тоже стали звать его папой-солью.

Как только катер набрал полную скорость, теплый ветерок засвистел в ушах, растрепав мои волосы. Сколько таких поездок я совершила в Атлантис в прошлом, в наш дом, в тот волшебный замок, который воздвиг Па Солт. С суши дом был абсолютно неприступен. Его построили в частных владениях, на узкой полоске суши, окруженной со всех сторон серповидной горной грядой, плавно сбегаящей к самому берегу. Единственно доступный маршрут – это добираться в Атлантис лодкой или катером напрямик по озеру. Ближайшие соседи – в нескольких десятках миль отсюда. Словом, Атлантис – это настоящее суверенное королевство, существующее отдельно от всего остального мира. И все в этом

королевстве казалось волшебным... А все его обитатели, и Па Солт, и мы, его дочери, жили здесь, словно в заколдованном царстве.

Каждая из нас, шести девочек, была удочерена Па Солтом еще в младенчестве. Он отыскал нас в самых разных уголках земли и привез к себе домой, в Атлантис, где мы и взращивались под его надежной защитой и опекой. И каждая из нас, по словам отца, была уникальной, неповторимой, ни на кого не похожей... Ведь мы же были *его девочками*. Он назвал нас в честь звезд из созвездия Плеяд, которое еще известно под названием «Семь сестер». Любимое папино созвездие. Я, Майя, самая первая звезда и самая старшая из сестер. Когда я была маленькой, отец часто брал меня в свою обсерваторию со стеклянным куполом, которая располагалась под самой крышей дома. Он поднимал меня своими большими сильными руками поближе к телескопу, давая возможность полюбоваться ночным небом.

– Вот она! Взгляни, Майя! – восклицал он, фокусируя резкость линз. – Вон та красивая сверкающая звезда, в честь которой ты названа.

И мне тогда казалось, что я действительно *вижу* ее. Потом отец начинал рассказывать мне всякие легенды, связанные с происхождением наших с сестрами имен, но я едва слушала его. Я просто наслаждалась объятиями его рук. Ведь в эти редкие неповторимые мгновения отец всецело принадлежал мне, и только мне.

Я росла, и постепенно до меня стало доходить, что Марина, которую я с раннего детства воспринимала как мать и даже сократила ее имя до привычного «Ма», была великолепной, к тому же весьма известной в педагогических кругах, гувернанткой и одновременно няней, которую отец нанял специально для того, чтобы она присматривала за мной. Ведь он так часто и подолгу отлучался по своим делам. Конечно, Марина была для нас, всех девочек, гораздо большим, чем просто няня или гувернантка. Ведь это она утирала наши детские слезы, учила нас, как следует правильно вести себя за столом, ласковой, но твердой рукой вела через все сложные перипетии возрастных перемен, которыми сопровождается превращение девочки в девушку.

Она всегда была рядом с нами, и, честное слово, я не смогла бы любить ее сильнее, если бы она и в самом деле была моей родной матерью.

Первые три года жизни мы с Мариной прожили в полном одиночестве в нашем волшебном замке на берегу Женевского озера. А Па Солт в это время бороздил моря и океаны, занимаясь бизнесом. А потом потихоньку, одна за одной, в доме стали появляться и другие сестры.

Отец всегда возвращался домой с подарком для меня. Стоило мне только слышать рев мотора нашего катера, и я тут же кубарем скатывалась по лужайкам вниз, к берегу, мчалась сквозь деревья, не разбирая дороги, чтобы встретить его прямо на пирсе. Как всякому ребенку, мне не терпе-

лось поскорее увидеть, что он там прячет в своих волшебных карманах, какой такой сюрприз приготовил мне на этот раз. В тот раз он подарил мне искусно вырезанный из дерева олений мох, ягель. По его словам, над этой поделкой трудился сам Санта-Клаус на Северном полюсе. Но тут из-за его спины выдвинулась женщина в сестринском одеянии. В руках она держала сверток, завернутый в теплую шаль. В свертке что-то шевелилось.

– На сей раз, Майя, у меня для тебя приготовлен совершенно необычный подарок, – улыбнулся отец, беря меня на руки. – Я привез тебе маленькую сестричку. Больше ты не будешь коротать время в одиночестве, пока меня не будет дома.

И жизнь наша кардинально поменялась. Патронажная сестра, которую отец привез с собой, через несколько недель уехала, и все заботы о малышке взяла на себя Марина. Я же с трудом представляла себе, как это красное, вечно хныкающее создание, от которого порой неприятно пахло и которое постоянно требовало внимания к себе, как это существо можно называть подарком. Но в одно прекрасное утро Альциона – малышку назвали в честь второй по значимости звезды из созвездия Плеяд – вдруг улыбнулась мне за завтраком, сидя на своем высоком стуле.

– Она меня узнает! – воскликнула я удивленно, обращаясь к Марине, которая как раз занималась кормлением девочки.

– Конечно, узнает, Майя! А как же иначе, моя дорогая?

Ты же ее старшая сестричка. Ты всегда будешь для нее примером. Ведь именно ты будешь обучать ее всему тому, что знаешь сама и чего она пока не знает.

И действительно, по мере взросления Альциона превратилась в мою тень. Везде следовала за мной буквально по пятам, что в равной степени и забавляло, и раздражало.

– Майя! Подожди меня! – громко кричала она требовательным голосом и быстро семенила ножками у меня за спиной.

Несмотря на то что Алли – это я так назвала сестренку – поначалу показалась мне совершенно ненужным элементом в нашем волшебном замке, со временем до меня дошло: о лучшей подруге для игр, такой милой и такой ласковой, и мечтать не приходится. Не припомню, чтобы Алли когда-нибудь плакала или капризничала, как это обычно свойственно малышам ее возраста. Выющиеся кольца золотисто-рыжих волос, огромные голубые глаза. Не ребенок, а ангелочек такой. Понятно, что Алли в избытке обладала тем естественным очарованием, которое притягивало к ней всех без исключения. Попал под этот шарм и мой отец. Однажды, вернувшись домой после долгого отсутствия, Па Солт при виде малышки так сверкнул глазами, что я невольно ревниво отметила: на меня папа так никогда не смотрел. Я вообще росла стеснительной девочкой, сторонилась незнакомых людей. А вот Алли, напротив, была душа нараспашку, и эта ее открытость и доброжелательность по отношению ко всем

без исключения еще более располагали к ней.

Ей все давалось легко. Удивительный ребенок! Особенно заметные успехи она делала в музыке, а также во всех водных видах спорта. Помню, как отец обучал нас плаванию в нашем огромном бассейне. Я отчаянно боролась с тем, чтобы не уйти под воду и кое-как удержаться на плаву, а моя младшая сестренка мгновенно почувствовала себя в воде словно рыба. Прямо такая маленькая русалка. А я к тому же еще и качку не могла переносить. Стоило мне только ступить на борт судна, и меня тут же одолевала морская болезнь. Это случалось даже на огромной, ослепительно красивой папиной яхте под названием «Титан». Когда отец бывал дома, Алли буквально умоляла его покатасть нас по озеру на своем гоночном швертботе «Лазер», который всегда был пришвартован на нашей частной пристани. Я лежала, скрючившись, припав к неровному днищу лодки, а отец и Алли в это время лихо управлялись с парусом, контролируя скорость движения, с которой яхта мчалась по зеркальной поверхности озера. Обоюдная страсть к парусному спорту сближала их. Мне такая близость с отцом и не снилась.

Хотя Алли получила музыкальное образование в Женевской консерватории, где зарекомендовала себя как очень талантливая и перспективная флейтистка, способная успешно выступать вместе с каким-нибудь профессиональным оркестром, она тем не менее после окончания консерватории предпочла заняться именно парусным спортом, заделаться,

так сказать, полноценным яхтсменом. Сейчас она регулярно принимает участие во всевозможных регатах и даже выступает за Швейцарию на некоторых международных соревнованиях.

Когда Алли исполнилось три годика, папа привез домой очередную сестренку, которую назвал Астеропой в честь третьей звезды Плеяд.

– Но звать мы ее станем Стар, Звездочка, – сказал отец, широко улыбаясь и обращаясь к нам троим, Марине, Алли и мне, пока мы разглядывали новое пополнение в нашем семействе, лежавшее в переносной колыбельке.

К моменту появления в нашем доме Стар я уже была почти взрослой девочкой, даже занималась дома с частным преподавателем, а потому появление очередной сестренки не произвело на меня такого ошеломляющего впечатления, как это в свое время случилось с Алли. А затем, спустя всего лишь полгода, в нашем доме появился еще один младенец. Трехмесячную малышку называли Келено, но Алли тут же переделала ее имя в Сиси. Разница в возрасте между Стар и Сиси составляла всего лишь три месяца, а потому неудивительно, что они с пеленок были неразлучны. Просто самые настоящие близнецы. Они и разговаривали между собой на своем особом детском языке, понятном только им двоим. Кстати, многие словечки из этого языка они до сих пор используют в своей речи, когда общаются друг с другом. Словом, эти двое создали свой собственный мир, закрытый

для нас, всех остальных сестер. Ничего не изменилось и теперь, когда обеим уже за двадцать. Верховодит в их компании Сиси, хотя она и младшая. Плотного телосложения, с кожей цвета темного ореха, полный контраст в сопоставлении с бледнолицей и тоненькой, как тростиночка, Стар.

На следующий год в доме появилась очередная малышка – Тайгете. Я же стала звать ее просто Тигги, частично потому что ее короткие темные волосики торчали в разные стороны, словно у ежика из известной сказки Беатрис Поттер про Кролика Питера.

На тот момент, когда нам привезли Тигги, мне уже исполнилось семь лет, и с самого начала я, что говорится, положила на нее глаз. Она была самой слабенькой из всех нас. В детстве Тигги переболела всеми возможными детскими болезнями, которые обрушивались на нее одна за другой, но все испытания малышка сносила стойчески и никогда ничего не требовала. Спустя несколько месяцев папа привез домой еще одну крошку, которую звали Электрой. Марина сбивалась с ног, валясь от усталости, обихаживая такую большую семью. Часто она просила меня посидеть с Тигги, пока та преодолевала очередную простуду или воспаление легких. В конце концов, врачи диагностировали у нее астму, после чего ее лишь изредка вывозили в коляске на прогулку, чтобы – не дай бог! – густые туманы и морозный воздух, характерные для женевских зим, не вызвали у малышки новых осложнений.

Итак, Электра стала самой младшей моей сестрой. Надо сказать, ей удивительно подходит это имя. Она буквально источает это самое электричество, то есть бьет током по любому поводу. К тому времени я уже привыкла к младенцам с их маленькими капризами, но Электра оказалась, пожалуй, самой непредсказуемой и самой капризной из всех моих сестер. Живая, подвижная, как *ртуть*. Одно слово, Электра. С ее появлением в доме не стало ни минуты покоя. Каждый день с утра и до позднего вечера постоянно слышался ее громкий плач, то и дело переходящий в истошный визг. Ее истерические вспышки гнева, всегда сопровождающиеся громким плачем, который до сих пор стоит у меня в ушах, – вот, пожалуй, самое яркое мое детское впечатление тех лет. Но и повзрослев, Электра осталась такой же буйной и непредсказуемой.

У нас троих – Алли, Тигги и меня – имелась для нее специальная кличка: Трики или Каприза. Мы все трое стояли перед нею навывтяжку, только бы у сестрички снова не случился резкий перепад настроения. И все же, если честно, то признаюсь, что бывали минуты, когда я буквально ненавидела ее за тот раздрай, который она учинила уже одним своим появлением в нашем доме.

Но вот что интересно. Стоило только Электре узнать, что у кого-то из нас, сестер, случилась неприятность, и она тут же первой мчалась на помощь, с готовностью подставляя свое плечо. В ней вообще начисто отсутствует эгоизм, а ее

щедрость поистине безгранична.

Итак, с появлением Электры все мы, домочадцы, затаились в ожидании седьмой сестрички. Ведь мы, шестеро, получили свои имена в честь любимого созвездия папы – созвездия Плеяд. А его, как известно, зовут еще Семь Сестер. Словом, до полного комплекта не хватает еще одной сестры. Мы даже заранее знали, как ее назовут. Мериоп. Вопрос лишь в том, когда и откуда она приедет в наш дом. Но прошел год, потом еще один, и еще. А младенцы в нашем доме больше не появлялись.

Хорошо помню, как однажды я вместе с отцом стояла возле телескопа в его обсерватории. Мне уже исполнилось четырнадцать лет, наступала пора пробуждения во мне юной женщины. Мы с папой приготовились наблюдать за затмением. По словам отца, всякое затмение – это своего рода сперма, оплодотворяющая человечество. Во всяком случае, перемены, сопряженные с этим небесным явлением, всегда неизбежны.

– Папа, – вдруг неожиданно для самой себя обратилась я к отцу. – А ты привезешь когда-нибудь домой седьмую сестричку?

На какое-то мгновение мне показалось, что мощная, сильная фигура отца застыла на месте. У него был такой вид, будто на его плечи вдруг обрушилась вся тяжесть мира. Он не повернулся ко мне, а продолжал возиться с телескопом, настраивая его на оптимальную резкость, но инстинктивно я

поняла, что мой вопрос очень сильно расстроил его.

– Нет, Майя, я не привезу седьмую девочку. Никогда. Потому что я так и не нашел ее.

* * *

Впереди показались знакомые заросли густых елей, которые закрывали наш дом от любопытных глаз со стороны озера. Я даже разглядела фигуру Марины, застывшую в ожидании на пирсе. И тут до меня постепенно стала доходить вся ужасная правда того, что случилось. Отца больше нет.

Нет больше того человека, который сотворил для нас, его принцесс, самое настоящее волшебное королевство, и больше некому продолжать творить эту сказку.

Едва я ступила на пирс, как Марина тут же крепко обняла меня за плечи. Не говоря ни слова, мы побрели в сторону дома, петляя между деревьев по широкой, сбегаящей вниз лужайке. В июне наш дом находится на пике своей красоты. Роскошные сады, окружающие его со всех сторон, утопают в цвету, так и маня обитателей дома вглубь, на поиски потаенных тропинок и спрятанных от посторонних глаз гротов среди этого цветущего изобилия.

Сам дом был построен в конце восемнадцатого века в стиле Людовика XV; он и сегодня поражает своим элегантным великолепием. Четырехэтажный дворец со стенами, окрашенными в водостойкую краску бледно-розового цвета, высокие решетчатые окна, островерхая крыша из красной черепицы, увенчанная башенками по всем четырем углам. И внутреннее убранство дома соответствующее. Современная роскошь в ее самом рафинированном виде: на полу повсюду толстые ковры, почти в каждой комнате мягкие, объемные диваны. Словом, все располагает к комфортному и удобному обитанию в этих стенах. Мы, девочки, занимали спальни на самом верхнем этаже, откуда открывается просто потрясающий вид на озеро, не затененный кронами деревьев, растущих внизу. Апартаменты Марины тоже располагались на одном этаже с нами.

Я мельком глянула на нее и подумала, какой же у нее усталый вид. Взгляд ее добрых темно-карих глаз затуманен, под глазами залегли густые тени, губы плотно сжаты, никакого намека на улыбку, обычно порхавшую по ее устам. Марине уже далеко за шестьдесят, но, конечно, этих лет ей ни за что не дашь. Высокая, с точеными чертами лица и орлиным взором, всегда подтянутая и элегантная, она, безусловно, была и по-прежнему остается красивой женщиной. А безупречный вкус и умение одеваться с самым настоящим шиком немедленно выдают в ней французские корни. Когда я была девочкой, Марина носила свои густые темные волосы распущенными, но сейчас она скручивает тяжелые шелковистые пряди в объемный узел на затылке.

В голове у меня крутилось множество вопросов, один из них следовало задать незамедлительно.

– Почему ты не позвонила мне сразу же, как только у папы случился сердечный приступ? – спросила я, входя в дом. Мы вошли в гостиную с высокими потолками, выходящую окнами на каменную террасу, сбегаящую эстакадой вниз. По всему периметру террасы выстроились вазы с ярко-красными и золотистыми настурциями.

– Поверь мне, Майя, я хотела позвонить, умоляла его позволить мне сообщить тебе и всем остальным девочкам, но он очень расстроился, узнав о моем намерении. И я вынуждена была подчиниться его желанию.

Все понятно! Папа попросту запретил Марине связывать-

ся с нами, а послушаться его она не посмела. Ведь он же здесь король, а Марина – всего лишь одна из его верных и преданных придворных дам. Или, вполне возможно, обычная служанка, не смеющая перечить своему грозному хозяину.

– А где он сейчас? – задала я свой следующий вопрос. – У себя в спальне? Можно мне зайти и взглянуть на него?

– Нет, милая. Его там нет. Что скажешь насчет чашечки чая? А я тем временем расскажу тебе и все остальное.

– Если честно, то лучше крепкий джин с тоником, – ответила я, тяжело опускаясь на сиденье одного из огромных диванов.

– Сейчас попрошу Клавдию приготовить. Пожалуй, по такому случаю я и сама не откажусь.

Я молча проследила за тем, как Марина скрылась за дверью гостиной, отправившись на поиски нашей домоправительницы Клавдии, которая жила в этом доме столько же лет, сколько и Марина. Клавдия – немка. Внешне не очень приветливая, но за суровой наружностью прячется поистине золотое сердце. Как и все мы, она обожала своего покойного хозяина. Внезапно я подумала о том, что ждет ее и Марину сейчас, когда отца уже больше нет в живых. Да и какое будущее уготовано всему дому Атлантис после смерти его владельца. Папа ушел...

Впрочем, эти последние слова немного бессмысленны и уж точно никак напрямую не связаны со смертью. Ведь отец всю свою жизнь только то и делал, что куда-то постоян-

но уходил. Подолгу отсутствовал, где-то странствовал, занимался делами, хотя никто из членов его семьи или прислуги и понятия не имели, чем именно он зарабатывает на жизнь. Однажды я спросила у него об этом напрямую. Во время летних каникул ко мне приехала погостить школьная подруга Дженни. Ее очень впечатлили то богатство и роскошь, которые нас окружали.

– Наверное, твой отец сказочно богат, – почтительно прошептала она, когда мы спускались по трапу папиного личного самолета, приземлившегося в аэропорту Ла-Моль рядом с Сен-Тропе. Прямо возле ангара нас уже поджидала машина с шофером, который доставил нас в бухту. Там мы поднялись на борт нашей роскошной яхты «Титан», огромное судно аж с десятью каютами, и отправились в ежегодный круиз по Средиземному морю с заходом в те порты и города, которые папа выбирал по собственному усмотрению.

Как известно, в детстве не сильно задумываешься над тем, растешь ты в богатстве или бедности. Вот и для меня образ нашей жизни воспринимался как нечто вполне обычное и само собой разумеющееся. Когда мы с сестрами были маленькими, учителя приезжали к нам домой. Мое домашнее обучение завершилось, когда мне исполнилось тринадцать. После чего меня отправили в закрытую частную школу. И там впервые до меня дошло, как сильно отличается наша жизнь в Атлантиде от того, как живут другие люди.

Но, когда я спросила отца напрямую, чем конкретно он

занимается, чтобы содержать всю нашу семью в такой сказочной роскоши, он лишь глянул на меня с заговорщицким видом и весело усмехнулся.

– Да вот, занимаюсь потихоньку всяческими чудесами, – был его ответ.

Который не сообщил мне ровным счетом ничего. Чего, собственно, и добивался отец.

Став постарше, я поняла, что Па Солт – самый настоящий фокусник, можно сказать, иллюзионист высшего класса. У него все вещи оказывались на поверку совсем не такими, какими представлялись вначале.

Когда в гостиную вошла Марина с подносом в руках, на котором стояли два стакана с джином и тоником, я вдруг подумала, что после тридцати трех лет, проведенных в этом доме, я по-прежнему не имею ни малейшего понятия о том, кем же на самом деле был мой отец там, в миру, за стенами нашего дома Атлантис. Может, пришло время узнавать?

– Ну, вот и я! – промолвила Марина, ставя стакан с джином на столик передо мной. – Светлая память твоему отцу. – Она приподняла свой стакан. – Упокой, Господи, душу его.

– Да, за Па Солта. Пусть покоится с миром.

Марина сделала большой глоток и поставила стакан обратно на столик, а затем взяла мои руки в свои.

– Майя, прежде чем приступить к обсуждению всех наших дел, мне нужно кое-что сообщить тебе.

– Что именно ты хочешь рассказать мне? – поинтересова-

лась я, вглядываясь в усталое лицо Марины. От напряжения весь лоб у нее собрался в морщины.

– Ты меня спросила, дома ли еще тело твоего отца. Так вот. Его уже похоронили. Такова была его последняя воля: организовать погребение сразу же после его смерти и чтобы никто из вас, девочек, не присутствовал при этом.

Я уставилась на Марину ошарашенным взглядом. Она что, совсем спятила?

– Ма! Но ведь ты же сообщила мне о смерти папы всего лишь несколько часов тому назад. Сказала, что он умер рано утром, на рассвете... Как можно было организовать похороны за столь короткий промежуток времени? *И зачем это надо было делать?*

– Майя, твой отец был непреклонен. Он распорядился, чтобы сразу же после его кончины тело доставили самолетом на яхту. На борту яхты его поместили в свинцовый гроб, который, как я думаю, хранился на «Титане» уже много лет. Ждал, так сказать, своего часа. После чего яхта должна была выйти в открытое море. Не приходится удивляться тому, что твой отец захотел упокоиться на дне океана, ведь он так обожал морскую стихию. А своим дочерям он не захотел доставлять излишних огорчений... Решил оградить их от похоронных мероприятий и не делать свидетелями этой скорбной церемонии.

– О боже! – едва слышно воскликнула я. У меня по спине пробежал холодок, и я невольно содрогнулась при последних

словах Марины. – Неужели он не понимал, что все мы захотели бы проститься с ним, как положено, по-людски? Как он мог так обойтись с нами? И что мне после этого сказать сестрам? Я...

– Дорогая моя! Мы с тобой дольше всех живем в этом доме. И обе прекрасно знаем: коль скоро речь заходит о твоём отце, то никаких «почему» и «зачем», – тихо обронила Марина. – Полагаю, он захотел уйти в мир иной так же незаметно, как и жил. Не привлекая к себе излишнего внимания.

– Да, жил незаметно, но все и всегда держал под контролем! – неожиданно вспыхнула я, чувствуя, как во мне вскипает злость. – Порой мне кажется, что он вообще никому не доверял, даже тем, кто его любил и был готов ради него на все.

– Какими бы мотивами он ни руководствовался, озвучивая свою последнюю волю, – возразила Марина, – думаю, со временем вы, девочки, будете помнить лишь одно. Каким любящим и нежным отцом он был для всех вас. Могу утверждать наверняка: вы, дочери, были смыслом всей его жизни.

– Но кто из нас, его дочерей, знал и понимал его? – воскликнула я запальчиво, чувствуя, как на глаза навернулись слезы. – Врач засвидетельствовал его кончину? Он же обязан был выписать свидетельство о смерти. Можно мне взглянуть на него?

– Доктор поинтересовался у меня некоторыми биографическими данными. Место и год рождения, к примеру. Но я

сказала, что ничего не могу утверждать с точностью. Я ведь здесь числюсь на правах обслуживающего персонала. А потому я связала его с Георгом Гофманом, семейным нотариусом. Гофман вел дела твоего отца на протяжении многих лет.

– Да, но *почему*, Ма, отец всегда был таким скрытным? Сегодня, пока я летела сюда, я подумала, что даже не припомню, чтобы он когда-нибудь приглашал сюда, в Атлантис, своих друзей. Изредка, когда мы плавали на яхте, на борт поднимались какие-то люди, скорее всего, партнеры по бизнесу, спешившие на деловую встречу с ним. Они тут же уединялись в его кабинете, а потом почти сразу исчезали. Никаких обедов, никаких приемов и прочих светских мероприятий.

– Твой отец хотел, чтобы частная жизнь вашей семьи всегда оставалась сугубо частной. Бизнес бизнесом, а семья – это совсем другое. Возвращаясь домой, он хотел всецело концентрироваться только на своих девочках.

– Которых он собрал со всего света, а потом удочерил. Но зачем, Ма? Почему?

Марина лишь молча посмотрела на меня. В спокойном взгляде ее умных глаз я так и не смогла прочитать главного. Так все же знает она ответ на мой вопрос или нет?

– Я хочу сказать вот что, – продолжила я. – Когда я была маленькой, то воспринимала окружающую жизнь как нечто вполне нормальное и естественное. Но мы-то с тобой понимаем, что ничего естественного на самом деле в нашей жизни

ни не было. Напротив! Она была крайне странной, эта жизнь. Холостяк, мужчина средних лет, удочеряет шесть девочек грудного возраста, привозит сюда, в Швейцарию, чтобы растить и воспитывать их под одной крышей.

– Твой отец *был* весьма необычным человеком, это правда, – согласилась со мной Марина. – Но что плохого в том, что он взял бедных сироток и попытался дать им шанс на лучшую жизнь? – Мне почудилась некая двусмысленность в самом этом вопросе. – Многие богатые люди, не имеющие своих детей, усыновляют приемных.

– Да, но обычно на такое решаются супружеские пары, – резко возразила я. – Ма, ты в курсе, была ли у нашего отца женщина? Любил ли он вообще кого-нибудь? Я знаю его тридцать три года, но ни разу – ни единого разу! – я не видела его в обществе женщин.

– Дорогая моя! Я прекрасно понимаю тебя. Отца больше нет в живых, и тут до тебя вдруг доходит, что столько вопросов, которые тебе хотелось бы задать отцу, остались без ответа и теперь он уже никогда не сможет ответить ни на один из них. Увы! Но я тоже ничем не смогу помочь тебе. Да сейчас, согласись, и не самый подходящий момент ворошить прошлое, – осторожно добавила Марина. – На сегодняшний день мы должны просто почтить память этого человека, вспомнить, сколь многим обязана ему каждая из нас, и сохранить его образ в своем сердце таким, каким мы все знали его здесь, в Атлантиде: добрый, любящий и забот-

ливый человек. И потом не забывай, твоему отцу было уже далеко за восемьдесят. Он прожил долгую и насыщенную жизнь.

– Да, но он еще гонял на своем «Лазере» каких-то три недели тому назад. И так лихо управлял парусом, словно ему нет и сорока, – возразила я, припоминая этот недавний эпизод. – Совсем он не был похож тогда на умирающего старика.

– Все так! И слава богу, что твой отец не повторил печальный опыт многих своих сверстников, которые умирали долго и мучительно. Как здорово, что вы все, его дочери, будете помнить его таким: здоровым, полным жизни, счастливым. Уверена, именно таким он и хотел остаться в вашей памяти, – утешающим тоном заметила Марина.

– Он не очень страдал в самом конце? – напряженно поинтересовалась я у нее, хотя в глубине души прекрасно понимала: даже если отец и мучился в момент смерти, Марина никогда не скажет мне об этом.

– Нет. Он понимал, что умирает, и был готов к этому. Думаю, Майя, он умер в мире и согласии с Господом. Мне даже кажется, что он был счастлив отойти в мир иной.

– Господи! Но как же мне сказать сестрам, что отец умер? – воскликнула я с мольбой в голосе, обращаясь к Марине. – И о том, что они даже не увидят его тела? Не смогут присутствовать при его погребении... Наверняка они испытают тот же взрыв эмоций, что и я. Узнать, что наш отец просто взял и растворился в воздухе.

– Перед смертью ваш отец подумал и об этом. Георг Гофман, его нотариус, сегодня днем звонил мне. Он заверил меня, а я заверяю тебя, что все вы, каждая из вас, получит шанс сказать своему отцу последнее «прости».

– Даже после смерти папа продолжает держать все под контролем. – Я сокрушенно вздохнула. – Я разослала эсэм-эски всем сестрам, но пока никто из них не вышел на связь со мною.

– Георг Гофман сказал, что прибудет сюда, как только узнает, что ты уже на месте. Но, Майя, пожалуйста, прошу тебя! Никаких дополнительных вопросов. Я понятия не имею, о чем именно он собирается говорить с тобой. А сейчас пойду, попрошу Клавдию, чтобы она приготовила тебе горячего супчика. У тебя же наверняка с самого утра во рту не было и макового зернышка. Останешься в доме на ночь? Или отправишься к себе, в Павильон?

– Суп похлебаю здесь, а ночевать пойду к себе, если ты не возражаешь. Хочется побыть одной.

– Конечно-конечно, какие разговоры! – Марина подалась ко мне и обняла за плечи. – Я понимаю, какой это ужасный удар для тебя. И мне очень жаль, что снова весь груз ответственности ложится на твои плечи, в том числе и ответственность за всех твоих сестер. Но твой отец попросил, чтобы именно тебе я сообщила первой. Не знаю, но, быть может, хоть это послужит тебе некоторым утешением. А сейчас пойду к Клавдии и попрошу ее подогреть суп. Думаю, мы обе

заслужили право на небольшой перекус.

После ужина я посоветовала Марине немедленно отправляться спать, поцеловала ее на прощание, пожелав доброй ночи. Было видно невооруженным взглядом, что она вымотана сверх всяких сил. Прежде чем уйти к себе, я поднялась по лестнице на четвертый этаж и заглянула, по очереди, в каждую из комнат своих сестер. Все в этих комнатах осталось прежним, таким, как было тогда, когда их обитательницы выросли и выпорхнули за стены Атлантиды, разлетевшись в разные стороны. И по-прежнему каждая комната несла на себе отпечаток индивидуальности своей хозяйки. А когда сестры время от времени заглядывали сюда, в отцовский дом на берегу озера, собираясь вместе, словно голуби у поилки с водой, судя по всему, ни у кого из них не возникало ни малейшего желания что-то поменять в интерьере своей комнаты. Кстати, и у меня тоже.

Я открыла дверь в свою детскую и подошла к полке, где хранились мои самые драгоценные детские сокровища. Сняла с полки старинную фарфоровую куклу, которую папа подарил мне, когда я была совсем маленькой. Как всегда, он сопровождал свой подарок очередной увлекательной сказкой. Якобы когда-то, давным-давно, кукла принадлежала одной маленькой русской аристократке – графине. Но девочка выросла и забыла про свою куклу, а той было очень одиноко и холодно в заснеженном московском дворце. Папа даже сообщил мне имя куклы – Леонора и добавил, что все, что ей

нужно, это пара любящих рук своей новой хозяйки.

Я вернула куклу на прежнее место и взяла коробочку, в которой лежал папин подарок по случаю моего шестнадцатилетия. Открыла коробку и извлекла из нее кулон на золотой цепочке.

— Это лунный камень, Майя, — помнится, сказал мне отец, когда я уставилась на камень, отливающий необычным матовым блеском. Но стоило упасть лучу света, и тут же в самой его глубине вдруг вспыхивали голубоватые искорки. Камень был в оправе из крохотных бриллиантиков.

— Этому украшению очень много лет, гораздо больше, чем мне самому, — признался отец. — С ним связана одна весьма интересная история. — Он замолчал, словно прикидывая, продолжить свой рассказ или нет. — Может быть, в один прекрасный день я расскажу тебе эту историю. Думаю, пока это украшение слишком взрослое для тебя. Но когда-нибудь, со временем, оно очень подойдет тебе.

Отец все рассудил правильно. В свои шестнадцать лет я, как и большинство моих школьных подружек, предпочитала увешивать себя с ног до головы дешевыми серебряными безделушками, а на шее у меня болталась кожаная тесемка с огромным массивным крестом. Я ни разу не примерила папин подарок. Так он и провалялся в коробочке все эти годы. Пылится на полке, забытый всеми.

Но сейчас я надену эту цепочку с кулоном и стану носить папин подарок постоянно.

Я подошла к зеркалу и застегнула у себя на шее миниатюрный замочек на изящной золотой цепочке, потом принялась внимательно разглядывать сам кулон. Вполне возможно, у меня немного разыгралось воображение, но мне показалось, что лунный камень буквально фосфоресцирует на моей коже. Я непроизвольно прикоснулась к нему пальцами и, подойдя к окну, бросила взгляд на Женевское озеро, все в мерцающих огоньках.

– Покойся с миром, мой дорогой Па Солт, – едва слышно прошептала я.

И, пока воспоминания детства не нахлынули на меня с новой силой, поспешила побыстрее покинуть комнату и затопилась на улицу. Прошла по узенькой тропинке к своему отдельному жилищу, где я обитала, став взрослой. Совсем рядом, всего лишь в паре сотен метров от Атлантики.

Входные двери в мой дом под названием Павильон никогда не запирались. Что ж, при такой вооруженной до зубов охране, которая бдительно несла свою службу по всему периметру наших владений, едва ли кто-нибудь рискнул бы проникнуть в мой дом и выкрасть там что-то из моих скромных пожитков.

Я переступила порог дома. В гостиной возилась Клавдия, включала свет. Я тяжело опустилась на диван, чувствуя, что очередная волна отчаяния накрывает меня с головой.

Итак, я та самая старшая сестра, которая никогда не покидала родительский дом.

В два часа ночи зазвонил мой мобильник. Я не спала. Просто лежала на кровати, тупо размышляя о том, почему я никак не могу разразиться слезами, чтобы оплакать кончину отца, как положено. В желудке у меня что-то стиснулось и перевернулось на все сто восемьдесят градусов, когда я увидела, что на дисплее высветился номер Тигги.

– Алло? – проговорила я в трубку.

– Майя, прости, что звоню так поздно, но я только что прослушала твоё сообщение. У нас ведь там, в горах, очень слабый сигнал и связь практически отсутствует. По твоему голосу я поняла, что случилось что-то серьёзное. С тобой всё в порядке?

Голосок Тигги, такой ласковый, такой нежный и родной, подействовал на меня благотворно. Я почувствовала, что вместо мертвого булыжника, в который превратилось моё сердце, внутри меня снова затеплилась жизнь.

– Да, со мной всё в порядке, но...

– Па Солт?

– Да. – Я замолчала, хватая ртом воздух, не в силах продолжать от охватившего меня напряжения. – А как ты догадалась?

– Сама не знаю как... То есть знаю... У меня сегодня с самого утра было дурное предчувствие. Я тут отправилась на

болота на поиски нашей молодой лани, которую мы окольцевали всего лишь несколько недель тому назад, и обнаружила ее мертвой. И почему-то в ту минуту я вдруг подумала о папе. Но постаралась тут же отогнать от себя нехорошие мысли. Решила, что просто расстроилась из-за лани. Папа что? Он...

– Тигги, мне так жаль огорчать тебя... так жаль... но... Сегодня рано утром папа умер. Точнее, это уже было вчера, – машинально поправила я себя.

– Ах, Майя! Не может быть! Что случилось? Что-то с его парусником? Кстати, при нашей последней встрече я ему говорила, что он должен завязывать со своей порочной практикой – гонять на «Лазере» по озеру в полном одиночестве.

– Нет, никаких происшествий на воде. Папа умер дома. Сердечный приступ.

– Ты была рядом? Он сильно страдал? Я... – Голос Тигги сорвался. – Не могу даже представить, что папа мучился перед смертью.

– Меня, Тигги, к большому сожалению, в этот момент не было дома. Я находилась в Лондоне, гостила у своей подруги Дженни. Между прочим, – неожиданно я поперхнулась, вспомнив кое-какие подробности, – между прочим, именно папа и уговорил меня отправиться в эту поездку. Сказал, что мне нужно проветриться, пожить какое-то время вдали от Атлантиды.

– Ах, Майя, представляю, как тебе сейчас тяжело. Ведь ты

же так редко покидаешь дом. И вот надо же такому случиться-ся! И именно в твоё отсутствие...

— Да, так уж вышло.

— А ты не думаешь, что он заранее предвидел свой уход и просто хотел оградить тебя от излишних переживаний?

Тигги озвучила предположение, которое мне самой пришло на ум пару часов тому назад.

— Нет, Тигги, я так не думаю. Просто сработал обыкновенный закон подлости. Но ты за меня не волнуйся. Я больше переживаю сейчас за тебя, за то, какой ужасной новостью я огорошила тебя. С тобой все в порядке? Как бы я сейчас хотела быть рядом с тобой, обнять тебя, утешить...

— Если честно, то я и сама не знаю, что со мной. Пока я просто не могу поверить в то, что это случилось на самом деле. Наверное, и не поверю до тех самых пор, пока не приеду домой. Завтра, точнее, уже сегодня, вылетаю в Швейцарию. Ты уже сообщила всем остальным?

— Разослала им эсэмэски с просьбой немедленно связаться со мной.

— Постараюсь подтянуться в Атлантис как можно скорее, чтобы помочь тебе, Майя. Представляю, сколько у тебя сейчас забот с организацией похорон.

У меня не хватило духу сообщить сестре, что вообще-то отца уже похоронили.

— Да, хорошо, что ты будешь рядом со мной, Тигги. А сейчас постарайся поспать хоть немного. Заставь себя, если смо-

жешь. А захочешь поговорить со мной, звони в любое время. Я здесь, на связи.

– Спасибо! – В голосе Тигги послышались всхлипы, значит, она уже на грани слез. – Майя, но ты же понимаешь, папа не умер. Душа ведь бессмертна, разве не так? Она просто переселилась в другой мир.

– Надеюсь, так оно и есть. Спокойной ночи, дорогая моя Тигги.

– Держись, Майя. Завтра увидимся.

Я отключила мобильник и устало откинулась на подушки, подумав при этом, как было бы здорово, если бы я тоже, как и Тигги, свято верила в этот загробный мир и в теорию переселения душ. Но в эту минуту никакие кармические причины не смогли бы объяснить мне толком, почему отец все же взял и ушел из жизни.

Когда-то, давным-давно, мне и правда *верилось* в то, что Бог действительно существует. Ну или какая-то там другая высшая сила, неподвластная разуму человека. Но очень скоро моя вера благополучно улетучилась.

И я даже хорошо помню, когда и как это произошло.

Ах, если бы я снова сумела обрести *веру*, научиться *чувствовать* по-человечески, а не быть биороботом, таким человеком-автоматом, всегда внешне спокойным и невозмутимым. И то обстоятельство, что даже на смерть собственного отца я не могу отреагировать должным образом, лишнее подтверждение тому, насколько серьезны мои психологиче-

ские проблемы.

Но при всем том, уныло размышляла я, у меня никогда не возникало проблем по части утешения других. Я прекрасно знала, что все мои сестры видят во мне главную опору семьи, такую своего рода палочку-выручалочку, которая будет всегда под рукой и тут же примчится на помощь, стоит возникнуть каким-то трудностям. Как выразилась когда-то Марина, Майя – разумная и в высшей мере практичная особа, что уже по умолчанию означает, что Майя к тому же и сильная.

А на самом деле, страхов во мне гораздо больше, чем у любой из моих сестер. Ведь все они выпорхнули из родительского гнезда и разлетелись в разные стороны, а я вот осталась рядом с отцом, частично оправдывая свой поступок тем, что папа уже стар и нужно, чтобы рядом с ним кто-то был. Нашелся и еще один благовидный предлог: работа, которую я себе выбрала, тоже требует одиночества.

По иронии судьбы, несмотря на полное отсутствие личной жизни, я умудряюсь днями напролет торчать в мире вымышленных грез и любовей. Перевожу дамские романы с русского и португальского на французский, мой родной язык.

Первым мои способности к языкам заметил отец. Я, словно попугай, повторяла за ним все слова на незнакомом языке, на котором он вдруг начинал обращаться ко мне. Будучи и сам весьма талантливым лингвистом, отец любил в разговоре переключаться с одного языка на другой и вскоре заметил, что и я с легкостью могу проделывать то же самое.

К двенадцати годам я уже свободно разговаривала на французском, немецком и английском – все три языка широко используются в Швейцарии. Плюс добавила к ним вполне профессиональное владение итальянским, латынью, греческим, а потом еще и русским с португальским.

Языки всегда были для меня настоящей страстью. Ведь в процессе изучения языков нет никаких барьеров для собственного самоусовершенствования. Каковы бы ни были твои успехи в постижении того или иного языка, всегда можно добиться новых успехов, покорить новые вершины в его освоении. Слова зачаровывали меня, мне нравилось постигать весь спектр их значений и смыслов, и то, как следует правильно употреблять то или иное слово. А потому, когда пришла пора поступать в университет, выбор будущей профессии был для меня уже очевиден.

И все же, помнится, я решила посоветоваться с отцом, на каком именно языке мне стоит сфокусировать внимание в первую очередь.

Папа бросил на меня задумчивый взгляд.

– Тебе самой решать, Майя, какой язык тебе ближе. Но я бы порекомендовал тебе выбрать что-то новенькое, а не те языки, которыми ты пользуешься практически ежедневно в повседневной жизни. Три или четыре года университетского обучения помогут тебе не только изучить новый язык, но и отшлифовать в полном объеме свои знания.

– Да, но на чем именно стоит мне сконцентрировать свой

выбор? – вздохнула я. – Ты же знаешь, папа, мне нравятся все языки без исключения. Вот я и прошу совета у тебя.

– Что ж, тогда давай порассуждаем логически. В ближайшие тридцать лет мировая экономика, по моему разумению, претерпит существенный сдвиг. Поскольку ты свободно владеешь тремя основными западными языками, я бы порекомендовал тебе посмотреть немного дальше, заглянуть, так сказать, в будущее.

– Ты имеешь в виду такие страны, как Россия или Китай? – спросила я.

– Да, но не только их. Есть ведь еще Индия, Бразилия. Другие страны, располагающие огромными природными ресурсами и самобытными, яркими культурами.

– Пожалуй, русский язык мне очень нравится... Да и португальский тоже... – помнится, я запнулась в поисках подходящих слов, – тоже очень выразительный язык.

– Вот ты и определилась со своим выбором! – улыбнулся отец. И по его лицу я поняла, что он остался доволен моим ответом. – Так почему бы тебе не заняться в университете изучением сразу двух этих языков? У тебя врожденные способности. Думаю, ты легко справишься. И заверяю тебя, Майя, имея в своем багаже знания португальского и русского, одного или двух, ты с легкостью покоришь весь мир. Да, наш мир меняется, но ты окажешься в самом авангарде этих перемен.

У меня запершило в горле. Я подхватила с кровати и пошлепала на кухню, чтобы налить себе стакан воды. Я подумала о том, как отец лелеял в своем сердце надежду, что вот я, его старшая дочь, вооружившись своими уникальными способностями и знаниями, уверенно встречу зарю нового дня со всеми его переменами, в неизбежности которых отец был уверен. Оглядываясь в прошлое, я понимала, что тогда мой жизненный путь казался предрешенным. Да мне и самой больше всего на свете хотелось, чтобы отец гордился мной.

Но как это часто бывает, жизнь преподнесла свой сюрприз, круто поменяв траекторию моего полета. И вместо того, чтобы вступить с открытым забралом в эпоху перемен и сдвигов, я, со всеми своими способностями и задатками, уединилась в доме, в котором выросла, предпочла отгородиться от всех и вся.

Когда сестры изредка осчастливливали нас своим появлением, возникая на пороге родительского дома, куда они слетались из самых разных уголков земного шара, они, бывало, подначивали меня, подшучивали над той жизнью затворницы, которую я вела. И даже запугивали, говорили, что совсем скоро я останусь в старых девах. Ибо где же мне познакомиться с кем-то из представителей мужского пола, если я

наотрез отказываюсь высунуть свой нос из Атлантида?

– Ты такая красавица, Майя. Все, кто тебя видел, говорят то же самое. А ты торчишь здесь в полном одиночестве и попусту растрачиваешь свои драгоценные годы, – укоряла меня Алли, когда мы виделись с ней в последний раз.

Наверное, в чем-то она была права. Я действительно выделялась своими внешними данными в нашей сестринской толпе. У каждой из нас, шестерых, был свой опознавательный знак, своя метка, так сказать.

Майя – красавица; Алли – лидер; Стар – миротворец; Сиси – прагматик; Тигги – кормилица; Электра – шаровая молния.

Вопрос лишь в том, смогли ли все эти качества, которыми обладала каждая из нас, обеспечить нам жизненный успех и сделать нас счастливыми.

Некоторые мои сестры еще слишком молоды, чтобы понять, чего им ждать от своей жизни. Да и не мне судить их. Что же касается меня самой, то скажу так. Именно красота поспособствовала тому, что в моей жизни случилась очень горькая и очень болезненная история. И все потому, что в те годы я была слишком наивна, чтобы понимать, какую страшную силу имеет красота. И вот я сокрыла свою красоту от посторонних глаз, отгородилась от окружающего мира, спряталась в своей конуре.

Когда папа приходил ко мне в Павильон, он изредка спрашивал меня, счастлива ли я, устраивает ли меня та жизнь,

которую я веду.

Мой ответ всегда был утвердительным.

— Конечно, папа, я всем довольна, — отвечала я. И действительно, никаких внешних причин для *недовольства* не было. Я жила в полном комфорте, а рядом со мной, можно сказать, на расстоянии вытянутой руки, находились еще две пары любящих рук. То есть по всему выходило, что весь мир и правда *лежал* у моих ног. Никаких обязательств ни перед кем, никакой ответственности ни за что... Между тем как в глубине души я страстно мечтала иметь и обязательства, и ответственность.

Я невольно улыбнулась, вспомнив, как отец всего лишь пару недель тому назад уговаривал меня поехать в Лондон, погостить у своей школьной подруги. Наверное, если бы не папа, которому мне очень хотелось угодить, поскольку всю свою взрослую жизнь я прожила с ощущением, что сильно разочаровала его, я бы никуда и не поехала. Пусть думает, решила я тогда, что его дочь вполне нормальный человек, такая, как все, хотя на самом деле это было далеко не так.

И вот я отправилась в Лондон... для того, чтобы вернуться и узнать, что отца больше нет. Что он ушел... Навсегда.

На часах было четыре утра. Я снова улеглась в кровать и постаралась заснуть. Но сон не шел. Сердце стало отчаянно колотиться в груди при одной только мысли о том, что со смертью отца я уже больше не смогу воспользоваться им, как предлогом, для того, чтобы и дальше продолжать прятаться

от жизни в Атлантисе. К тому же весьма возможно, что и дом, и само поместье придется продать. Кстати, папа никогда не заводил со мной речь о том, что будет с нашим имением после его смерти. Насколько мне известно, и с остальными сестрами он таких разговоров тоже не вел.

Надо же! Всего лишь каких-то несколько часов тому назад отец еще был полон жизненных сил, вездесущ и всемогущ. Такая незыблемая природная глыба, державшая всю семью на плаву.

Отец часто называл нас своими золотыми яблочками. Такие румяные, созревшие плоды, которые уже пора снимать с дерева. Но вот ствол сильно трянуло, и яблоки сами собой посыпались на землю. И больше нет рядом крепкой руки, которая могла бы подхватить нас прямо на лету.

* * *

Я слышала, как кто-то громко стучит в мою дверь. С трудом поднялась с кровати и поковыляла к дверям, чтобы открыть их. Уже на рассвете я, устав мучиться без сна, отыскала снотворное, которое когда-то прописал мне доктор, и приняла таблетку. Глянув на часы в холле, я обнаружила, что уже половина двенадцатого, и тут же пожалела, что поддалась соблазну и приняла злосчастную пилюлю.

Я открыла дверь и столкнулась нос к носу с Мариной.

– Доброе утро, Майя. Я все утро тщетно пыталась дозво-

ниться тебе и по домашнему телефону, и по мобильнику. Поскольку ты не отвечала, я и пришла проверить, все ли с тобой в порядке.

– Прости, Марина, но я приняла таблетку снотворного и отключилась. Проходи! – пригласила я ее, испытывая неловкость от того, что заставила Марину волноваться.

– Нет, не стану мешать тебе просыпаться окончательно. Принимай душ и все такое, а потом, когда оденешься, приходи к нам. Мне позвонила Тигги, сказала, что часам к пяти будет уже здесь. Она уже связалась со Стар, Сиси и Электрой. Все они тоже на пути домой. А от Алли есть какие-то новости?

– Сейчас проверю свой мобильник. И если нет, то снова перезвоню ей.

– С тобой все в порядке, Майя? Выглядишь ты неважно.

– Все в порядке, Ма. Правда. Я зайду к вам чуть попозже.

Я закрыла парадную дверь и направилась в ванную. Плеснула себе в лицо немного холодной воды, чтобы окончательно проснуться. Глянув на себя в зеркало, я поняла, почему Марину так встревожил мой внешний вид. Огромные темные круги залегли под глазами, а в уголках обозначились лутики морщин. Обычно блестящие и шелковистые волосы теперь висели неопрятными жирными патлами. А кожа на лице, всегда безупречно смуглая и гладкая, что позволяло мне обходиться безо всякой косметики, была бледной, да и само лицо показалось немного одутловатым.

– Да, сегодня утром с такой незавидной физиономией ты едва ли сможешь претендовать на звание красавицы номер один в своей семье, – пробормотала я, обращаясь к собственному отражению в зеркале, и принялась искать среди постельного белья мобильник. Наконец телефон отыскался, под одеялом. Глянув на экран, я увидела восемь пропущенных звонков. Включила автоответчик и прослушала все голосовые сообщения от своих сестер. Спектр эмоций широчайший, от нежелания поверить до полного потрясения. Единственная из сестер, которая не откликнулась на мой SOS-сигнал, была Алли. Я снова связалась с ее автоответчиком и еще раз попросила срочно перезвонить мне.

После чего направилась в Атлантис. Марина и Клавдия хлопотали наверху: меняли постельное белье в комнатах сестер. Было видно, что, несмотря на горе, Марина была искренне рада тому, что ее цыплятки снова возвращаются в свой родной курятник. Ведь повзрослев, мы крайне редко собирались все вместе под одной крышей. Последний раз виделись одиннадцать месяцев тому назад на папиной яхте во время круиза по греческим островам. Только четверо из нас встречали минувшее Рождество в Атлантисе. Стар и Сиси в это время путешествовали по Дальнему Востоку.

– Я отправила Кристиана забрать катером тот набор продуктов, который заказала, – сообщила мне Марина, когда мы обе стали спускаться по лестнице. – Твои сестры все такие привереды, особенно Тигги с ее вегетарианскими вкусами.

Да еще большой такой вопрос, на какой очередной причудливой диете сидит Электра, – ворчливо добавила она. Но было ясно без слов, что вся эта домашняя суета была ей очень по душе, ибо напоминала, я в этом уверена, о тех днях, когда все мы, шестеро девочек, были здесь под ее крылом. – Клавдия уже с рассвета трудится на кухне. Но сегодня, думаю, мы обойдемся обычным ужином – паста и салат.

– А когда приезжает Электра? – спросила я, входя на кухню вслед за Мариной. И тут же слюнки потекли от вкуснейших ароматов сдобы, витавших в воздухе. Сразу на память пришли детские воспоминания: выпечка Клавдии всегда была бесподобной.

– Не раньше завтрашнего утра, я думаю. Она летит из Лос-Анджелеса в Париж, а оттуда уже будет добираться до Женеви.

– Как она разговаривала по телефону?

– Плакала. Плакала навзрыд.

– А Стар и Сиси?

– Как обычно, все организационные хлопоты взяла на себя Сиси. Она, бедняжка, в полном шоке.словно шарик, из которого вдруг спустили воздух. Со Стар я даже не разговаривала. Они лишь десять дней тому назад вернулись из Вьетнама. Скушай свежего хлебушка, Майя. Ты же еще даже не завтракала.

Марина положила передо мной кусок хлеба, щедро сдобренный сливочным маслом и повидлом.

– Боюсь даже думать, что с ними будет, когда они все узнают, – едва слышно пробормотала я, откусывая хлеб.

– То и будет, что всегда. Каждая из девочек отреагирует по-своему, – ответила Марина с присущей ей мудростью.

– Но они же все уверены, что едут на похороны отца, – снова вздохнула я. – Несмотря на то что уже само по себе мероприятие грустное, оно, во всяком случае, хотя бы укладывается в существующие традиции. К тому же все мы получили бы возможность воздать должное заслугам отца, упокоить его с миром и уже затем двинуться дальше, каждая своей дорогой. А так что? Они приедут, и им сообщат, что отца уже похоронили.

– Понимаю, Майя, все это будет непросто. Но что сделано, то сделано, – печально ответила Марина.

– Остались ли у отца хоть какие-то партнеры по бизнесу, его друзья, которым нужно сообщить эту новость?

– Георг Гофман сказал, что он сам уладит все эти вопросы. Утром он снова звонил мне, узнавал, приехала ли ты. Он готов встретиться с тобой прямо сейчас, не откладывая. Я пообещала перезвонить ему после того, как свяжемся наконец с Алли. Может, Гофман и прольет немного света на все эти таинственные придумки твоего отца, касающиеся его погребения.

– Думаю, что человек, способный пролить свет на все эти непонятные папины желания, все же где-то есть. И он обязательно отыщется в свое время, – уныло откликнулась я.

– Не возражаешь, если я попрошу тебя позавтракать в одиночестве? У меня куча дел, которые нужно успеть переделать до приезда твоих сестер.

– Конечно, не возражаю. Спасибо, Ма. Что бы мы все без тебя делали! – воскликнула я с благодарностью в голосе.

– А что бы я делала без тебя, Майя? – Марина ласково погладила меня по плечу и вышла из кухни.

Всю вторую половину дня я бесцельно проходила по нашим садам, потом даже взялась за перевод, пытаясь переключить свои мысли об отце на что-то другое. Но вот уже в шестом часу вечера я наконец услышала нарастающий гул мотора. Катер приближался к берегу. Обрадовавшись, что Тигги наконец приехала и мне больше не надо будет терзаться своими невеселыми мыслями в полном одиночестве, я распахнула настежь входную дверь в своем домике и опрометью ринулась напрямик, через лужайку, к пристани, чтобы поприветствовать сестру.

Стоя на пирсе, я молча наблюдала за тем, с какой грацией она соскочила с палубы катера на причал. Отец, когда Тигги была еще маленькой, часто предлагал ей брать уроки в балетном классе. Она ведь не ходила, наша Тигги, как все простые смертные. Она у нас парила в воздухе, порхала словно пушинка. Ее гибкое, стройное тельце почти не касалось земли. Что-то в ней было ангелоподобное: широко распахнутые, огромные и прозрачные глаза, обрамленные густыми черными ресницами, маленькое личико, похожее по форме на сердечко. Глядя на нее сейчас, я вдруг подумала, что Тигги и сама похожа на одного из ее питомцев, хрупкого молодого олененка, за которыми она так ревностно ухаживает где-то высоко в горах Шотландии.

– Моя дорогая Майя! – воскликнула сестра, простирая руки мне навстречу.

На какое-то время мы обе замерли, слившись в молчаливом объятии. Когда она оторвалась от меня, я увидела, что глаза ее полны слез.

– Ну, как ты? – спросила она у меня.

– В полнейшей прострации... Убита... А ты?

– То же самое. До сих пор не могу поверить, – ответила Тигги, когда мы, обняв друг друга за плечи, стали взбираться вверх по склону, направляясь к дому.

На террасе Тигги вдруг резко остановилась и повернулась ко мне лицом.

– Папа еще?.. – Она бросила быстрый взгляд на дверь. – Если он пока еще... Мне нужно немного времени, чтобы подготовиться.

– Нет, Тигги, дома его больше нет.

– Ах вот как! Я так и предполагала, что его заберут на...

Тигги замолчала, не в силах закончить начатую фразу.

– Пошли в дом. Выпьем по чашечке чая, и я тебе все объясню.

– Знаешь, а я ведь все время пытаюсь почувствовать его... Я имею в виду его дух. – Тигги тяжело вздохнула. – Но ничего не чувствую. Сплошная дыра и только.

– Может быть, еще слишком рано искать встречи с его духом, – осторожно предположила я. К странным идеям сестры я давно привыкла, и мне не хотелось сию же минуту на-

чинать крушить их своим трезвым прагматизмом. – Я тоже пока ничего не чувствую. Не могу, – добавила я, когда мы вместе вошли на кухню.

Клавдия возилась с посудой у раковины. Она тотчас же повернулась навстречу Тигги. Подозреваю, та всегда числилась в ее любимицах. Глаза Клавдии были полны сочувствия.

– Какое горе, да? – воскликнула Тигги, обнимая домоправительницу. Пожалуй, она единственная из всех нас шестерых, кто осмеливался на подобные нежности с этой внешне суровой женщиной.

– Да, ужасное горе, – согласилась с ней Клавдия. – Ступайте обе в гостиную. Чай я принесу вам туда.

– А где Ма? – поинтересовалась у меня Тигги, пока мы шли в гостиную.

– Наверху. Хлопочет, наводя идеальный порядок в ваших комнатах. Наверное, решила, что какое-то время нам с тобой надо побыть наедине, – добавила я, усаживаясь на диван.

– Она была здесь? То есть, я хочу сказать, она присутствовала при кончине папы?

– Да.

– Но почему же она сразу не связалась с нами? – задала Тигги вопрос, который ранее я сама задала Марине.

Следующие полчаса ушли на то, чтобы ответить на все вопросы, которые волновали сестру не меньше, чем меня саму. Ведь еще вчера я бомбардировала ими бедняжку Ма. Разумеется, я сообщила Тигги, что тело отца в свинцовом гробу

покоится в данную минуту где-то на морском дне. По правде говоря, я ожидала от нее такого же взрыва чувств, который случился у меня самой. Но Тигги лишь понимающе пожала плечами.

– Он просто захотел вернуться в ту стихию, которую любил больше всего на свете. Пожелал упокоиться на дне океана. В какой-то мере, Майя, я даже рада, что не видела его... то есть *его тела*. Зато я всегда буду помнить его живым.

Я бросила на сестру удивленный взгляд. Несмотря на то что Тигги была самой чувствительной из нас, новость о смерти отца, казалось, не сильно подействовала на нее, во всяком случае, внешне. А я ведь так боялась за Тигги. И вот вам, пожалуйста! Ее густые каштановые кудри блестящей пеленой обрамляли миленькое личико, огромные карие глаза безмятежно смотрели на меня. Лишь легкая тень удивления мелькала где-то в самой их глубине, а в целом сверкающий взгляд был позитивным, и ни капли испуга. Поразительное самообладание Тигги вселило в меня надежду, что и остальные сестры постараются продемонстрировать, хотя бы внешне, подобное хладнокровие и выдержку. В отличие от меня...

– Несмотря ни на что, выглядишь замечательно, Тигги, – похвалила я сестру от чистого сердца. – Судя по всему, здоровый свежий воздух шотландского высокогорья тебе только на пользу.

– Это точно, – согласилась она со мной. – Все детство

я промучилась со своими болезнями в четырех стенах, без глотка свежего воздуха. И вот наконец-то вырвалась на волю. Я просто без ума от своей работы, хотя сама по себе работа очень тяжелая. Да и условия проживания... В домике лишь минимальный набор удобств. Достаточно сказать, что туалет у нас на улице.

– Вау! – невольно воскликнула я, восхитившись, с какой самоотверженностью Тигги отринула от себя самый обыкновенный человеческий комфорт, и все во имя своей непреодолимой страсти к животным. – То есть твоя нынешняя работа приносит тебе больше удовольствия, чем тогда, когда ты торчала в лаборатории при женевском зоопарке Сервион?

– О господи! Конечно! – Тигги удивленно вскинула брови. – В лаборатории, если честно, тоже было интересно, но все равно сама работа мне не нравилась. Ведь там я практически не соприкасалась с животными, просто сидела в кабинете и анализировала имеющийся в нашем распоряжении генофонд. Быть может, тебе кажется, что я совсем спятила. Бросила перспективную работу, карьеру ученого и подалась куда-то в горы, где приходится вкалывать сутками напролет за мизерную зарплату. Но лично мне такой расклад больше по душе.

Она подняла глаза и улыбнулась Клавдии, которая появилась на пороге гостиной с подносом в руках. Его она поставила на низенький столик рядом с диваном и тотчас же покинула комнату.

– Ничего ты не спятила, Тигги! – возразила я. – Лично я тебя очень хорошо понимаю.

– Честно, до нашего с тобой разговора вчера ночью я чувствовала себя самым счастливым человеком на свете.

– Потому что ты нашла себя. Уверена в этом, – улыбнулась я в ответ.

– Да... нашла... и не только себя, – согласилась Тигги и слегка покраснела. – Но об этом потом. А остальные девочки уже дома?

– Сиси и Стар должны приехать к семи вечера. А прибытия Электры ждем где-то ближе к утру, – сказала я, разливая чай по чашкам.

– Как отреагировала Электра, когда ты разговаривала с ней? – поинтересовалась у меня Тигги. – Хотя можешь не отвечать. Догадываюсь.

– Вообще-то с ней разговаривала Ма. Говорит, рыдала навзрыд прямо в трубку.

– Могу себе представить! – Тигги сделала глоток из своей чашки и тяжело вздохнула. Свет внезапно померк в ее глазах. – Знаешь, у меня такое странное чувство... Будто папа сейчас войдет в эту комнату. А он уже никуда и никогда не войдет.

– Это точно! – печально подтвердила я.

– Какие-то дела у нас сейчас есть? – Тигги пружинисто поднялась с дивана и подошла к окну, уставившись куда-то вдаль. – Нам надо срочно заняться... *хоть чем-то*.

– Когда приедут все остальные, в Атлантис пожелует папин нотариус. Он должен многое объяснить нам. А пока, – я сокрушенно пожала плечами, – все, что нам остается, это заpastись терпением и дожидаться приезда остальных сестер.

– Ты права.

Тигги прижалась лбом к оконному стеклу.

– А ведь никто из нас не знал его по-настоящему. Правда ведь? – тихо спросила она.

– Не знал, – коротко согласилась я с ней.

– Майя, можно я задам тебе еще один вопрос?

– Можно.

– Тебя никогда не интересовало, откуда мы все взялись? Как сюда попали? То есть, я хочу сказать, тебе не интересно узнать, кто твои настоящие родители?

– Иногда подобные вопросы приходили мне в голову. Но, Тигги, отец для меня был всем. Его я считаю своим *родным отцом*. А другие мне и не нужны. Даже думать о них не хочу.

– Считаешь, это будет нечестно по отношению к папе – попытаться выяснить свое настоящее происхождение?

– Может, и так. В любом случае отцовской любви мне всегда хватало с лихвой. Ведь трудно представить себе более любящего и более заботливого отца.

– Понимаю. Вас с отцом действительно связывали особые узы. Наверное, потому что ты старшая. Так всегда в семьях и бывает.

– А по-моему, у каждой из нас были с ним свои особые

узы. Ведь он любил нас всех.

– Да, я знаю, как он любил меня, – едва слышно согласилась со мной Тигги. – Но все равно не перестаю думать о том, кто же я есть на самом деле. Мне часто хотелось спросить отца, но я боялась спрашивать, не хотела расстраивать его. Так и не рискнула. А сейчас уже поздно. – Тигги подавила зевок. – Не возражаешь, если я пойду к себе и прилягу на часок? Что-то на меня вдруг навалилась страшная усталость. То ли пережитый шок начал действовать, то ли тот факт, что последние несколько недель я работала без выходных. Но просто сил нет никаких...

– Конечно, ступай. Приляг, переведи дыхание.

Я молча проследила за тем, как Тигги направилась к дверям.

– Увидимся позже, ладно? – бросила она напоследок.

– Постарайся поспать хоть немного, – посоветовала я.

Дверь за сестрой закрылась, и я снова осталась в комнате одна. И меня вдруг охватило *странное раздражение*. Неужели дело во мне? Нет. Внезапно до меня дошло очевидное. Врожденная отчужденность от всего на свете у этого воздушного, неземного создания по имени Тигги с годами проступала все резче, все отчетливее, она стала даже бросаться в глаза. В конце концов, чего же я от нее хочу сейчас? Не я ли сама страх как боялась чрезмерно эмоциональной реакции сестер на известие о смерти отца? Так что надо только радоваться тому, насколько уравновешенно восприняла эту

страшную новость Тигги.

Впрочем, вполне возможно, причина кроется в другом. Просто все мои сестры уже давно живут каждая своей жизнью, далеко за пределами дома Па Солта и всего того, что связано с их детскими годами, проведенными под крышей Атлантиды. А лично для меня и сам отец, и Атлантида по-прежнему составляют суть и смысл всей моей жизни.

* * *

Стар и Сиси прибыли уже после семи вечера. И снова я встречала их на пирсе. Обычно не любящая всяческие нежности, Сиси на сей раз даже позволила мне слегка обнять ее за плечи и тут же отстранилась.

– Ужасно, Майя! Просто ужасно, – воскликнула она. – Стар очень расстроена.

– Могу себе представить, – ответила я. Стар действительно выглядела бледнее обычного.

– Ну, как ты, моя родная? – Я протянула руки к ней, намереваясь заключить ее в объятия.

– Полностью раздавлена, – прошептала в ответ Стар и положила свою головку, обрамленную серебристо-белыми кудряшками, мне на плечо.

– Но, слава богу, мы все вместе, – сказала я, наблюдая за тем, как Стар оторвалась от моего плеча и снова вернулась к Сиси, которая тут же обхватила ее своей крепкой рукой за

талию.

– Что нужно делать? – спросила меня Сиси, пока мы все трое шли домой.

И я снова, как и в случае с Тигги, проводила сестер в гостиную и усадила на диван. А потом коротко повторила все подробности, связанные с кончиной отца и его последней волей, согласно которой он не захотел, чтобы кто-то из нас присутствовал при его погребении.

– Так кто тогда доставил его тело на борт яхты? – спросила у меня Сиси, как всегда самая дотошная и логически мыслящая из всех нас, ее сестер. Я поняла, что она вовсе не хотела показаться такой уж бесчувственной особой. Ей, как всегда, нужны были факты, и только факты.

– Если честно, я даже не спрашивала. Но мы это легко выясним. Наверное, кто-то из членов команды «Титана».

– И где именно опустили гроб с его телом в воду? Вблизи Сен-Тропе? Ведь именно там яхта стояла на приколе. Или они все же вышли в открытое море? Наверняка вышли, – задумчиво бросила Сиси.

Нас обеих, и меня, и Стар, невольно передернуло от этого неумного желания сестры узнать как можно больше подробностей.

– Ма сказала мне, что его похоронили в свинцовом гробу, который уже давно находился на борту яхты. Но конкретно, где и как опустили гроб в воду, я не знаю, – ответила я, надеясь, что на этом дальнейшие расспросы со стороны Сиси

прекратятся.

– Вполне возможно, нотариус ознакомит нас с его завещанием. Огласит нам его, так сказать, последнюю волю, – не успокаивалась Сиси.

– Очень даже возможно.

– Итак, отныне для всех, кто нас знает, мы – сестры, оставшиеся без средств к существованию, – слегка пожалала плечами Сиси. – Ты же помнишь, отец всегда повторял нам, что надо научиться зарабатывать себе на жизнь. Впрочем, вполне возможно, какой-то кусок он и кинул нам в качестве благотворительного дара, – добавила она.

И хотя я понимала, что за врожденным цинизмом Сиси, который особенно заметно проступил в ее последней реплике, наверняка скрывалось желание хоть как-то совладать с той болью и горечью потери, которые она испытывала в глубине души, но, честно, я немного разозлилась. Намеренно оставив ее замечание без комментариев, я повернулась к Стар. Та молча застыла на диване рядом с сестрой.

– Ну, как ты? – мягко поинтересовалась я у нее.

– Я...

– Она в шоке, как и все мы, – тут же сказала, как отрубил, Сиси, не дав сестре даже раскрыть рот. – Но вместе мы как-то с этим справимся, верно?

Она протянула свою сильную смуглую руку к Стар и сжала в своей ладони ее тоненькие белые пальчики.

– Какая жалость! А у меня была припасена для папы такая

хорошая новость.

– И что за новость? – осторожно поинтересовалась я.

– Мне предложили годичный курс со стипендией в Королевском колледже искусств в Лондоне. Занятия начнутся в сентябре.

– Действительно, очень хорошая новость, – сказала я, хотя, по правде говоря, никогда не понимала довольно странных «инсталляций» Сиси, как она сама называла свои творения. Даже в современном искусстве я предпочитала более традиционные направления. Но я знала, что для Сиси ее эксперименты и самовыражение значили очень и очень многое, а потому искренне обрадовалась за сестру.

– Здорово! – воскликнула я. – Мы все за тебя очень рады. Правда, Стар?

– Да, – послушно согласилась со мной Стар, хотя никакой особой радости я на ее лице не прочитала. Я даже заметила, как у нее слегка задрожала нижняя губка.

– Мы поселимся в Лондоне, – оповестила нас Сиси. – Если, конечно, средства позволят. Но это мы узнаем после встречи с папиным нотариусом.

– Если честно, Сиси, – не выдержала я наконец, – то я думаю, что сейчас совсем не время думать о подобных вещах.

– Прости, Майя. Я, как всегда, на своей волне. Но ты же знаешь, как сильно я любила папу. Он был изумительным человеком и всегда так горячо поддерживал меня в моей работе.

На какую-то долю секунды на лице Сиси отразилась растерянность, а в ее светло-коричневых глазах в крапинку мелькнул испуг.

– Все так, – коротко подтвердила я.

– Тогда мы со Стар пойдем к себе наверх и распакуем наши вещи. Пошли, Стар! – скомандовала Сиси. – А во сколько ужин, Майя? Мы можем помочь что-то приготовить. Вообще-то уже кушать хочется.

– Пойду, скажу Клавдии, чтобы она поскорее накрывала на стол. Больше ждать некого. Электра ведь появится здесь только под утро. А от Алли у меня вообще пока нет никаких известий.

– Хорошо. Тогда до встречи за ужином, – проговорила Сиси, поднимаясь с дивана. Стар мгновенно подхватила следом. – Если я чем-то могу помочь, только скажи, и я буду тут как тут. – Грустная улыбка тронула губы сестры при этих последних словах. Какой бы черствой она ни казалась чисто внешне, я знала, что она не кривит душой.

После того как обе покинули гостиную, я еще некоторое время сидела, раздумывая о том, что за странная связь существует между этими двумя моими сестрами. Мы с Мариной не раз обсуждали эту тему еще тогда, когда они были маленькими, и потом, когда стали взрослеть, и пришли к выводу, что Стар просто прячется в тени своей сестры, а Сиси, как более сильная личность, целиком подавляет ее своей волей.

– Такое впечатление, что у Стар и мнения-то своего нет, –

не раз раздраженно повторяла я. — Вот я, к примеру, понятия не имею, о чем она думает на самом деле. Ну разве это нормально?

Марина всегда соглашалась со мной. Но, когда я однажды поделилась своими соображениями с отцом, тот лишь улыбнулся в ответ своей неуловимой и немного таинственной улыбкой и посоветовал мне не волноваться понапрасну.

— Вот увидишь: в один прекрасный день наша Стар расправит крылышки и взлетит высоко в небо, воспарит, словно ангел в небесах. Впрочем, она и есть ангел. Так что подожди немного и сама убедишься в том, что я был прав.

Помнится, в тот момент слова отца не очень успокоили меня. Потому что я видела, что не только Стар прикипела к Сиси, но и сама Сиси, несмотря на всю свою внешнюю самостоятельность, точно так же намертво приклеилась к сестре. А значит, если в один прекрасный день Стар *расправит свои крылышки* и взлетит в небо, как в том был уверен отец, то Сиси тут же почувствует себя брошенной. И страшно одинокой...

* * *

За столом у всех было подавленное настроение. Сестры заново привыкали к родительскому дому, где буквально каждая вещь напоминала нам о том, сколь велика наша потеря. Марина изо всех сил старалась расшевелить девочек,

хоть чуть-чуть поднять настроение, но, видно, она и сама плохо представляла себе, с какой стороны к нам лучше подступиться. Она беспрестанно сыпала вопросами, интересовалась в мельчайших подробностях тем, чем сегодня живут ее дорогие девочки, но тень отца незримо витала в комнате, а случайные воспоминания о том или ином эпизоде, связанном с ним, моментально вызывали слезы на наших глазах. В результате все разговоры увяли сами собой, и за столом воцарилось тяжелое молчание.

– Я буду только рада, если Алли наконец-таки объявится и мы сможем услышать из уст нотариуса, что именно Па Солт хотел сказать нам. – Тигги издала протяжный вздох. – Простите меня, но я отправляюсь спать.

Она перецеловала всех нас по очереди и ушла. Через пару минут ее примеру последовали Сиси и Стар.

– Ах, боже мой! – тяжело вздохнула Марина, когда мы с ней остались за столом вдвоем. – Девочки полностью сломлены... Убиты горем. Я согласна с Тигги. Чем быстрее мы отыщем Алли и она приедет домой, тем скорее все мы сможем двигаться дальше.

– По всему получается, что Алли сейчас находится в таких местах, где отсутствует мобильная связь, то есть вне зоны связи, – предположила я. – Ма, у тебя страшно усталый вид. Ступай тоже в постель. А я останусь и буду дожидаться Электру.

– А у самой сил хватит, милая?

– Хватит-хватит, – заверила я Ма. – Не беспокойся за меня.

Я прекрасно знала, как непросто в прошлом складывались отношения Марины с моей младшей сестрой, а потому сознательно решила пощадить ее на сей раз.

– Спасибо тебе, Майя, – прочувствованно поблагодарила меня Марина, не сильно сопротивляясь. Она поднялась из-за стола, ласково поцеловала меня в макушку и вышла из кухни.

Следующие полчаса ушли на мытье посуды. Я сама настояла на том, чтобы помочь Клавдии убрать со стола. Все какая-то работа, помогающая скоротать время в ожидании Электры. Зная обычную неразговорчивость нашей домоправительницы, сегодня я даже была благодарна ей за то, что она продолжала хранить упорное молчание. Тишина действовала на меня успокаивающе.

– Запирать парадную дверь, мисс Майя? – спросила она у меня.

– Пока не надо. У вас, Клавдия, тоже сегодня выдался очень трудный день. Ступайте спать, а дверь я запру сама.

– Как пожелаете. *Gut nacht!* – пожелала она мне доброй ночи по-немецки и тоже покинула кухню.

Я неспешно прошлась по дому, зная, что в запасе у меня как минимум два часа до того момента, как приедет Электра. Спать не хотелось совершенно. Наверное, все же успела выспаться. Утром ведь проспала полдня, что для меня абсо-

лютно нетипично. Но вот и папин кабинет. Внезапно мне захотелось хоть как-то почувствовать его присутствие рядом. Я дернула дверную ручку, чтобы зайти в комнату, но дверь оказалась заперта.

Странно, подумала я, и мне почему-то сделалось не по себе. Когда папа бывал дома и занимался делами у себя в кабинете, двери всегда были широко распахнуты. Полный и беспрепятственный доступ к нему всех девочек. Как бы он ни был занят, он всегда улучал минутку, чтобы встретить меня дружелюбной улыбкой, когда я тихонько царапалась в дверь. А мне страшно нравилось просто сидеть в папином кабинете. Здесь он был самым собой, и все предметы вокруг отражали его истинную суть. Ряд мониторов на письменном столе с самой свежей банковской информацией. Большой видеозэкран на стене, всегда готовый включиться в режим интерактивной связи через спутниковые ретрансляторы с деловыми партнерами, разбросанными по всему земному шару. С особым интересом я разглядывала папины любимые и дорогие его сердцу сокровища, которые в беспорядке теснились на полках за его спиной.

Впрочем, ничего из ряда вон. Он сам как-то сказал мне, что собирал эти свои сокровища, странствуя по всему миру. Среди прочего на полке хранился образ Богородицы в изящной позолоченной рамочке. Образок был такой миниатюрный, что с легкостью помещался на ладони. А рядом – старинная скрипка, потрепанный кожаный кошелек и разорван-

ная книженция со стихами совершенно не известного мне английского поэта.

Словом, никаких раритетов, ничего ценного. Вещи, которые дороги исключительно отцу как память о чем-то.

Надо сказать, что в нашем доме вообще было мало по-настоящему ценных и дорогих вещей, хотя я не сомневалась ни на секунду: при желании папа мог бы с легкостью забить весь дом под самую крышу дорожными предметами антиквариата и произведениями искусства. Но ничего подобного у нас не было, разве что пару живописных полотен и еще несколько каких-то артефактов. Мне даже казалось, что отец испытывал некую изначальную неприязнь к самому коллекционированию произведений искусства. Так, он откровенно надсмехался над своими богатыми приятелями, тратившими баснословные суммы на приобретение известных произведений искусства. Не раз он говорил мне, что в итоге все их покупки обретут свое место в какой-нибудь бронированной комнате, похожей на сейф, и все ради того, чтобы их – не дай бог! – не украли.

– Произведение искусства должно быть доступно любому, – часто повторял отец. – Ведь в каждую картину художник вкладывает свою душу. Полотно, которое спрятано от людских глаз, превращается в пустышку. Оно ничего не стоит.

А когда я осторожно возражала ему, говорила, что вот он, дескать, тоже имеет в своем распоряжении и огромную рос-

кошную яхту, и целый самолет, он лишь удивленно вскидывал брови в ответ.

— Ну как ты не понимаешь, Майя! — кипятился Па Солт. — Это всего лишь транспортные средства. Они имеют практическую ценность, и только. Сгори они завтра ясным пламенем, и я ни капельки не расстроюсь. С легкостью заменяю их на новые. Что же до произведений искусства, то с меня вполне хватит и шестерых моих дочурок. Вот они действительно настоящие произведения искусства, мое самое главное богатство и сокровище. И все они незаменимы для меня. Потому что те, кого мы любим, эти люди поистине *незаменимы*. Запомни мои слова, Майя, ладно?

И я действительно запомнила навсегда отцовские слова, сказанные много-много лет тому назад. Лишь один-единственный раз память меня подвела... О, как же я изнывала всеми фибрами своей души о том, что в тот момент, когда должна была вспомнить эти папины слова, я ничего не вспомнила.

Немного опустошенная нахлынувшими на меня воспоминаниями, я тихонько отошла от кабинета Па Солта и направилась в гостиную, продолжая недоумевать по дороге, кто и зачем запер отцовский кабинет на ключ. Надо будет завтра расспросить об этом Марину, рассеянно подумала я, усаживаясь в кресло возле журнального столика. Машинально взяла в руки фотографию в рамочке, стоявшую на столе. Снимок был сделан на «Титане» несколько лет тому назад: отец

в окружении нас, шестерых сестер. Сгруппировались прямо возле поручней на борту яхты. Отец широко улыбается, красивые черты его лица разглажены, роскошную шевелюру седых волос растрепал морской бриз, загорелое мускулистое тело, крепкое, никаких следов старческой дряблости.

– Так кто же ты, папа, *есть на самом деле?* – спросила я его, слегка нахмурившись.

Чтобы чем-то заняться, я включила телевизор и стала переключать каналы, пока не отыскала новостную программу. Как всегда, пугающая информация: войны, страдания, разрушения. Я уже приготовилась выключить телевизор, но тут диктор объявил, что найдено тело Крига Эсзу, известного магната и воротилы бизнеса, владельца множества международных компаний, занимающихся вопросами коммуникации и связи. Тело вынесло волной на берег небольшой бухты на одном из греческих островов.

Я подалась к экрану, забыв о том, что держу в руках пульт дистанционного управления. Между тем диктор сообщил, что, согласно информации, полученной от семьи покойного, у Крига сравнительно недавно диагностировали рак в последней стадии. Вывод из сказанного напрашивался сам собой. Дескать, человек, узнав свой страшный диагноз, не стал дожидаться мучительного конца, а решил сам свести счеты с жизнью.

Я почувствовала, как глухо заколотилось сердце в моей груди. И не только потому, что мой отец тоже предпочел

встретить вечность на дне океана. Просто вся эта история имеет самое прямое отношение ко *мне самой...*

Далее диктор сказал, что сын покойного, Зед, который все последние годы трудился вместе с отцом и под его началом, незамедлительно возложил на себя обязанности исполнительного директора компании «Артениан Голдингс». На экране мелькнуло лицо Зеда, и я тут же инстинктивно закрыла глаза.

– О боже! – Из моей груди вырвался стон. Ну почему судьба выбрала именно этот момент, чтобы напомнить мне о человеке, которого я старалась забыть все последние четырнадцать лет?

И вот она, ирония судьбы. По всему выходит, что за какие-то несколько часов мы с ним потеряли своих отцов. И оба они упокоились в морской пучине.

Я поднялась с кресла и стала нервно расхаживать по комнате, пытаясь изгнать из своей памяти лицо Зеда, только что мелькнувшее передо мной на экране. А он за минувшие годы стал еще красивее, невольно отметила я про себя. Гораздо красивее, чем был тогда.

«Подумай, Майя, о том, сколько горя он тебе причинил, – попыталась я привести себя в чувства. – Все кончено, все закончилось много лет тому назад. Не смей возвращаться в прошлое. Ни под каким предлогом».

Я вздохнула и почти рухнула без сил на диван. Как себя ни уговаривай, но в глубине души я хорошо понимала, что

такое никогда не закончится. Никогда!

Пару часов спустя я услышала негромкое жужжание моторки, причаливавшей к пирсу. Приехала Электра. Я сделала глубокий вдох, пытаясь привести себя в норму. Потом вышла из дома и направилась через сад, залитый ярким лунным светом, навстречу сестре. Предрассветная роса приятно холодила мои босые ноги. Я увидела, как Электра спешит ко мне, быстрым шагом пересекая лужайку. Ее красивая кожа цвета слоновой кости светилась, облитая сверху лунным сиянием. А длиннющие ноги, которые, казалось, никогда не закончатся, проворно делали свою работу, сокращая расстояние между нами.

Рядом с высоченной, почти в два метра ростом, Электрой я всегда чувствовала себя мелкой и незначительной. Величавая стать, безупречная элегантность. Есть на что посмотреть. Но вот она подбежала ближе и сама заключила меня в крепкие объятия, прижав мою голову к себе с такой силой, что она буквально вдавилась в ее грудь.

– Ах, Майя! – воскликнула она с надрывом в голосе. – Ну скажи же мне, что это неправда. Папа не мог просто так вот взять и уйти от нас. Не мог, и все тут! Я...

Электра громко разрыдалась. Я решила, что не стоит беспокоить остальных сестер и будить их ее истощенным ревом. Возьму-ка я ее лучше к себе, в Павильон. Я осторожно по-

вела сестру по дорожке к своему дому. Всю дорогу Электра жалобно всхлипывала. Мы вошли в дом, я закрыла за собой дверь, и мы направились в гостиную. Я бережно усадила сестру на диван.

– Майя, что мы все будем делать без него? – спросила она, устремив на меня требовательный взгляд своих светлых янтарных глаз. То есть ответ был нужен незамедлительно.

– Папин уход невозможно восполнить ничем. Боль от его утраты всегда будет с нами. Но я надеюсь, что горе еще больше сблизит всех нас и вместе мы как-то справимся. – Я торопливо сняла с полки коробочку с бумажными носовыми платками и положила ее на диван рядом с сестрой. Электра взяла платок и промокнула глаза.

– Все время плачу, не могу остановиться, – пожаловалась она. – С тех самых пор, как мне позвонила Ма. Я не в силах это слышать! Просто не могу, Майя.

– Никто из нас не может, – согласилась я с сестрой. Глядя на рыдающую Электру, я невольно задалась вопросом: как может в этом красивом, физически сильном теле уживаться душа маленькой девочки, почти совсем ребенка? Ее фотографии постоянно мелькают в глянцевых журналах. То она под руку с какой-нибудь кинозвездой, то в обнимку с очередным богатым плейбоем. На всех снимках выглядит потрясающе: уверенный взгляд, полное самообладание. И всякий раз, разглядывая ее фотографии, я спрашиваю себя: неужели эта неприступная, холодная светская красавица и есть моя

плаксивая и эмоционально ранимая сестра? Постепенно я пришла к выводу, что Электре нужна постоянная подпитка любовью и вниманием, и тогда все те детские страхи, которые кроются где-то в глубине ее души, отступят и она почувствует себя в полной безопасности.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – поинтересовалась я у нее, улучив момент между ее всхлипами. – Может, бренди? Он поможет тебе немного успокоиться.

– Нет. Я уже несколько месяцев как не прикасаюсь к спиртному. Митч тоже в завязке.

Митч – это нынешний бойфренд моей младшей сестры. Впрочем, всему остальному свету он известен как Митчелл Дагган, всемирно знаменитый американский певец, который как раз сейчас совершает свой гастрольный тур по всем странам и континентам, собирая огромные стадионы зрителей. Все трибуны забиты до отказа ревущими от восторга фанатами.

– А где он, кстати, сейчас? – сделала я попытку переключить внимание Электры на что-то другое.

– В Чикаго. А на следующей неделе будет выступать в Мэдисон-сквер-гарден. Майя, расскажи мне, как умер Па Солт? Я хочу знать.

– Уверена, что хочешь? Ты сейчас очень расстроена. К тому же такой долгий перелет. Думаю, тебе сейчас лучше поспать, и тогда тебе полегчает.

– Нет, Майя, нет! – энергично затрясла головой Электра

и сделала видимое усилие, чтобы совладать со своими слезами. – Пожалуйста, расскажи мне все прямо сейчас.

И вот, уже в третий раз, я принялась повторять все то, что мне, в свою очередь, сообщила Марина, по мере сил смягчая подробности. Электра слушала меня молча, буквально впитывая в себя каждое слово.

– А что насчет самих похорон? Митч пообещал, что сможет вырваться и побыть рядом со мной во время церемонии, если только похороны пройдут на следующей неделе.

В первый раз я подумала, что отец все же поступил правильно, пожелав упокоиться в отсутствие семьи и прочих знакомых и друзей. Представляю, что бы это было за зрелище. Звездный кавалер Электры в окружении толпы репортеров и прочих папарацци. Они бы уж точно превратили похороны в цирковое представление. От одной только этой мысли я невольно содрогнулась.

– Электра, мы сейчас обе страшно устали. Давай...

– Что такое? В чем дело? – Сестра мгновенно уловила нерешительные нотки в моем голосе. – Нет уж! Говори мне все как есть... сейчас. Пожалуйста...

– Хорошо! Так и быть, скажу. Но я тебя прошу не расстраиваться, ладно?

– Постараюсь. Обещаю.

Итак, мне пришлось снова сообщить очередной сестре о весьма необычных похоронах, которые уже состоялись. Надо отдать должное Электре. Я видела, как сжались у нее кулач-

ки, как побелели костяшки пальцев, но она не заплакала.

– Ну зачем он так поступил? – недоуменно спросила она меня. – Ведь это жестоко – лишать нас возможности сказать ему последнее «прости». Разве не так? – В янтарно-золотистых глазах Электры вспыхнули искорки гнева. – Впрочем, это так на него похоже. Эгоист! Вот он кто! И поступил как самый последний эгоист.

– Не согласна! Думаю, папа просто хотел оградить всех нас, шестерых, от лишних волнений и переживаний, связанных с процедурой прощания.

– Но как иначе мне понять, как прочувствовать всем сердцем, что отца больше нет? Как всем нам принять это? В Америке церемонию прощания с усопшим недаром называют «завершением» и постоянно твердят о том, насколько она важна. А какое завершение получили мы?

– Если честно, Электра, то не очень я верю во все эти высокие слова... Завершение, заключение, занавес опускается и прочее. О каких благостных настроениях может идти речь, когда ты теряешь близкого человека?

– Может, ты в чем-то и права. И все же похороны нужны! – Электра сверкнула на меня глазами. – Ты же знаешь, мы с Па Солтом никогда и ни в чем не сходились взглядами. То есть я хочу сказать, что отец категорически не одобрял способ, которым я зарабатываю себе на жизнь. Кстати, по-моему, он был единственным человеком на свете, кто считал, что у меня есть мозги. Ты же помнишь, в каком он был бешенстве,

когда я благополучно завалила все школьные экзамены.

Кто-кто, а я-то уж *прекрасно помню*, какие вопли доносились из папиного кабинета и какие скандалы сотрясали воздух всякий раз, когда папа получал очередной отчет об успеваемости дочери. Да и многое другое в жизни Электры, по мере ее взросления, его категорически не устраивало. Для нее все правила и нормы жизни – это лишь весомый повод для того, чтобы их нарушить. И она единственная в нашей семье осмеливалась перечить отцу и всегда настаивала на своем. Но при этом я видела, с каким восхищением смотрел отец во время этих жарких споров на свою строптивую дочь.

– Вот в ком есть настоящая сила духа, – не раз повторял он мне. – И это качество всегда будет выделять нашу Электру из толпы.

– Электра, отец обожал тебя, – постаралась я хоть как-то утешить сестру. – Да, конечно, ему хотелось, чтобы твои мозги работали в правильном направлении и приносили тебе пользу. А какой отец не хочет того же для своего дитяти? Но в любом случае ты стала самой успешной и знаменитой из всех нас. Только сравни свою жизнь с той, что веду я. Ведь у тебя есть все.

– Нет, не все. – Внезапно из груди Электры вырвался тяжелый вздох. – Это все, знаешь ли, одна мишура, внешний блеск, за которым нет ничего стоящего. Но так уж сложилось... Я устала, Майя. Можно я посплю сегодня здесь вместе с тобой?

– Разумеется, можно. Я уже постелила тебе постель. Спи, сколько тебе захочется. У нас все равно задержка из-за Алли. Пока она не объявится, нам остается только ждать.

– Спасибо. И прости, что я тут перед тобой распустила нюни. Митч недавно свел меня с каким-то психоаналитиком, который пытается помочь мне избавиться от резких перепадов настроения, – неожиданно призналась Электра и добавила, поднимаясь с дивана: – Можно я тебя обниму?

– Сколько угодно.

На сей раз в свои объятия ее заключила я и крепко прижала к себе. После чего она достала из чемодана футляр с принадлежностями для сна и направилась к двери, замешкавшись у порога.

– У меня страшно болит голова. Может, у тебя случайно завалялась таблеточка кодеина?

– К сожалению, нет. Но есть парацетамол.

– Нет, спасибо, не надо. Не беспокойся. – Электра слабо улыбнулась. – Тогда до завтра.

Я выключила свет в гостиной и пошла к себе в спальню. Вот так дела. Меня поразила более чем прохладная реакция Тигги на смерть отца. Но реакция Электры тоже подкинула материал для размышлений. Есть в ней что-то такое, что безошибочно выдает, до какой степени она несчастна. Во всяком случае, так мне показалось сегодня.

Когда я улеглась в кровать, которую Клавдия уже успела перестелить заново после вчерашней бессонной ночи, я

вдруг подумала, что смерть отца может стать неким поворотным моментом для всех нас, его дочерей.

* * *

Когда на следующее утро я пришла к Марине, чтобы узнать, есть ли новости от Алли, то все остальные сестры еще крепко спали.

– Никаких новостей, – ответила мне Марина с отчаянием в голосе.

– Папа, тот бы знал, что делать. Он всегда ее находил.

– Это правда, – согласилась со мной Ма. – Ну, как там Электра?

– Убита, огорошена и очень-очень зла из-за того, что не может по-человечески проститься с отцом. Однако ей удалось удержать свои чувства под контролем. Это уже кое-что.

– Хорошо. Мне недавно звонил Георг Гофман, интересовался, сумели ли мы отыскать Алли. Я вынуждена была признаться, что пока нет. И что будем делать, Майя?

– Ничего. Просто запасемся терпением. Между прочим, Ма, – заметила я, наливая себе в кружку чай, – вчера мне захотелось заглянуть в папин кабинет, но я обнаружила, что он заперт. Интересно, почему?

– Так попросил меня твой отец незадолго до своей кончины. И даже потребовал, чтобы я сию же минуту отдала ключ ему. Понятия не имею, куда он его положил потом. Ес-

ли честно, такая сумятица воцарилась в доме, что стало уже не до ключей. Ничего не помню... Все начисто выветрилось из моей памяти.

– Но ключи нужно отыскать во что бы то ни стало. Уверена, Георг обязательно захочет попасть в кабинет. Ведь там папа хранил все свои бумаги.

– Конечно-конечно. А сейчас, пока все твои сестры еще спят, несмотря на то что время близится к полудню, пойду, попрошу Клавдию, чтобы она приготовила нам нечто среднее между завтраком и ланчем.

– Отличная мысль. А я тем временем вернусь к себе в Павильон. Посмотрю, не проснулась ли Электра.

– Хорошо, милая, – понимающе улыбнулась Марина. – Думаю, в любом случае наше ожидание скоро закончится.

– И я на это надеюсь.

Я вышла из дома и направилась к себе, но тут среди деревьев различила одинокую фигуру, сидевшую на пирсе. Это была Стар. Она отрешенно глядела куда-то вдаль, за кромку озера. Я подошла к ней и осторожно тронула за плечо, чтобы не напугать.

– Стар, с тобой все в порядке?

– Все в порядке, – ответила она, слегка поежившись.

– Можно мне присесть рядом?

Стар едва заметно кивнула в ответ. Я уселась рядом на краю пирса и стала слегка размахивать ногами. Глянула на Стар сбоку и увидела, что ее лицо залито слезами.

– А где Сиси? – спросила я.

– Еще спит. Она всегда, когда чем-то расстроена, лечит себя сном. А я всю минувшую ночь не сомкнула глаз.

– И я тоже плохо спала, – призналась я.

– Майя, я просто не могу поверить в то, что папа ушел от нас.

Я молча придвинулась к ней поближе, боясь спугнуть такое редкое у Стар настроение поделиться своими переживаниями с кем-то еще, кроме Сиси. Решила ничего не говорить, чтобы не помешать выговориться ей самой.

– Я чувствую себя... – начала она после долгой паузы, – такой потерянной. Ведь я всегда знала, что папа – единственный человек на свете, который меня понимает полностью. Именно так: *полностью*.

Она повернулась ко мне: черты ее ангелоподобного лица исказила гримаса отчаяния.

– Ты понимаешь меня, Майя? Да?

– Да, – медленно обронила я. – Думаю, что я тебя понимаю. И, пожалуйста, Стар, помни, если тебе вдруг захочется с кем-то поговорить по душам, я всегда рядом. Договорились?

– Да.

– А, вот вы где!

Мы обе инстинктивно подпрыгнули и отвернулись. На встречу нам торопилась Сиси. Может быть, я и ошибаюсь, но мне показалось, что в этот миг в прозрачно-голубых глазах

Стар промелькнула легкая тень раздражения.

– Вот решила подышать свежим воздухом, пока ты спишь, – сказала Стар, поднимаясь с деревянного настила.

– Однако я уже проснулась. И Тигги тоже. А Электра приехала? Я заглянула к ней в комнату. Кровать не тронута. Такое впечатление, что в ней никто не спал.

– Электра спала у меня в Павильоне. Пойду, посмотрю, может, она уже тоже встала.

Я поднялась с настила и проследовала за сестрами вверх по лужайке, к дому.

– Представляю, какая у тебя выдалась ужасная ночь, Майя, – посочувствовала мне Сиси. – Электра, как обычно, закатывала свои истерики, да?

– Представь себе, Электра на сей раз вела себя относительно спокойно, – дипломатично ответила я, зная, что Сиси и Электра откровенно недолюбливают друг друга. Да и по жизни они полная противоположность друг другу: практичная Сиси, не любящая выставлять свои чувства на показ, и несдержанная, взрывная, почти буйная Электра.

– Думаю, надолго ее не хватит, – презрительно фыркнула Сиси. – До скорого!

Я направилась к себе в Павильон, размышляя по дороге над тем, что так могло расстроить Стар. Хотя она ни словом не обмолвилась о своих взаимоотношениях с Сиси, но интуитивно я догадалась, что проблемы есть. Видно, Стар стало уже тяготить постоянное доминирование сестры. Войдя в

дом, я услышала, что на кухне что-то происходит.

Электра, ослепительно прекрасная в своем изумрудно-зеленом пеньюаре, возилась у плиты с чайником.

– Как спалось? – спросила я у нее.

– Спала как убитая. У меня всегда крепкий сон, ты же знаешь. Чай будешь?

Я подозрительно оглядела пачку с чаем.

– Что за чай?

– Зеленый. «Вирджиния». В Калифорнии его все пьют. Митч говорит, он очень полезный.

– Ты же знаешь, я предпочитаю старый добрый английский чай, тот, который называется «Чай для завтрака». А потому я – пас.

– У всех имеются свои предпочтения, Майя. На твоём месте я бы не стала так уж заикливаться на чае. Есть новости от Алли?

Я слово в слово пересказала ей все то, что недавно сообщила мне Марина.

– Я хорошо знаю, что терпение не входит в число моих добродетелей, о чем мне постоянно напоминает и мой психотерапевт. Но с другой стороны... Мы что, все обязаны околачиваться здесь до тех пор, пока не объявится Алли? А если у нее регата? Если она сейчас где-нибудь в открытом море? Тогда наше ожидание затянется на недели.

– Надеюсь, что нет, – постаралась я ободрить сестру, невольно любуясь тем, с какой грациозностью она порхает

по кухне. Хотя меня всегда считали первой красавицей среди всех сестер, в глубине души я думала, что сей титул по праву принадлежит нашей Электре. Вот, казалось бы, только встала с постели, а шелковистые кудри рассыпались по плечам в строгом порядке, завиток к завитку, и косметика ей никакая не нужна, чтобы подчеркнуть свои красивые скулы и пухлые губки. Атлетически сложенная, но при этом с очень женственной фигурой, Электра всегда напоминала мне царицу амазонок.

– Ну, и что у нас тут имеется? – спросила она, открывая холодильник и приступая к изучению его содержимого. – Есть что-то с минимальным содержанием добавок?

– Прости, дорогая. Но простые смертные, наподобие меня, не занимаются изучением всех этих ярких этикеток, – попыталась пошутить я. Но, кажется, шутка проскочила мимо.

– Давай посмотрим правде в глаза, Майя. Когда ты торчишь днями напролет одна-одинешенька, то какая тебе разница, как ты выглядишь? Так?

– Так. Разницы нет никакой, – покорно согласилась я. В конце концов, Электра ведь сказала чистую правду.

Наконец она остановила свой выбор на банане. Почистила его и откусила с несчастным видом.

– У меня через три дня большая фотосессия для «Вог». Надеюсь, мне не придется аннулировать этот контракт.

– И я тоже очень надеюсь. Но бог знает, когда отыщется

наша Алли. Вчера ночью я гуглила в Интернете, смотрела расписание регат, проходящих в данный момент. Не нашла ничего. То есть мы даже не можем отправить сообщение организаторам регаты, чтобы те уже связались непосредственно с ней. Но как бы то ни было, а все уже встали. Так что одевайся, и пойдем, присоединимся к остальным.

– Ну, если так нужно, – равнодушно бросила в ответ Электра.

– Хорошо. Тогда загляну попозже, – сказала я, поднимаясь из-за стола. Я знала, что в таком настроении, в каком сейчас пребывает Электра, ее лучше оставить одну. Я направилась в комнату, служившую мне кабинетом, села за стол и включила компьютер. В электронной почте меня поджидало довольно милое письмо от бразильского писателя Флориано Квинтеласа. Несколько месяцев тому назад я закончила перевод с португальского его очень красивого романа под названием «Молчаливый водопад». В процессе перевода я часто консультировалась с ним, когда билась над той или иной трудной фразой. Мне хотелось максимально сохранить в переводе авторский язык, особый, поэтически выпрессованный стиль писателя. С тех пор мы стали периодически обмениваться электронными посланиями.

Вот и на сей раз Флориано написал мне, что в связи с изданием его книги во Франции он собирается прилететь в Париж в июле месяце и приглашает меня на прием, устраиваемый по случаю презентации книги. Он также прикрепил к

письму несколько начальных глав своей новой книги и попросил почитать, если выпадет свободная минутка.

Письмо Флориано согрело мне душу. Ведь порой начинаешь думать, что переводческая работа – это такой неблагоприятный труд. А потому я всегда дорожу теми редкими возможностями, когда автор предпочитает напрямую связаться со мной. Тогда я тоже чувствую непосредственную связь с человеком, работу которого я перевожу.

Но тут мое внимание от компьютера отвлекла знакомая фигура, стремительно удалявшаяся от пристани по направлению к дому.

Я даже подпрыгнула на месте от неожиданности и пулей выскочила из-за стола.

– Алли! – крикнула я. – Электра! Алли приехала! – Я опрометью выбежала из дома, чтобы поздороваться с сестрой.

Судя по всему, остальные девочки тоже увидели Алли. Потому что к тому моменту, как я подбежала к террасе Атлантиды, вокруг нее уже сгрудились Сиси, Стар и Тигги.

– Майя! – воскликнула Алли, увидев меня. – Какое горе! Какое горе!

– Да, ужасно. Но как ты узнала? Мы безуспешно пытались связаться с тобой на протяжении двух дней.

– Пошли в дом, – предложила она, обращаясь ко всем. – Там и объясню.

Я поплелась сзади, а остальные сестры облепили Алли со

всех сторон. Хотя я была старшей, и в случае чего все они бежали со своими проблемами ко мне, но безусловным лидером в семье была именно Алли. Она всегда брала на себя командирские функции, а я и не возражала. Не стала возражать и сейчас.

Марина встретила нас уже на нижних ступенях лестницы, поджидая сестру с распростертыми объятиями. Как только они с Алли обнялись, Ма тут же приказала всем идти на кухню.

– Отличное предложение! – похвалила ее Алли. – Я просто умираю, хочу кофе. Добиралась домой целую вечность.

Клавдия подала на стол большой кофейник, и в эту самую минуту в комнату неторопливо вплыла Электра. Все дружно приветствовали ее, разве что Сиси ограничилась простым кивком головы.

– Итак, сейчас я вам поведаю о том, что со мной случилось, хотя, если честно, я еще и сама не разобралась во всем до конца, – начала свой рассказ Алли, как только все мы расселись за столом. – Ты тоже послушай, Ма, – обратилась она к Марине, которая продолжала хлопотать вокруг нас. – Может, у тебя найдется какое разумное объяснение?

Марина тут же присела к столу.

– Ну вот! Я была в Эгейском море, готовилась к регате, которая должна состояться на следующей неделе на островах Киклады. А там один мой приятель, тоже из яхтсменов, уговорил меня отправиться на небольшую морскую прогулку.

ку на пару дней на его моторной яхте. Погода была – фантастика. Так почему бы и не расслабиться, не сменить хоть на время обстановку ради разнообразия? – заключила Алли и невесело улыбнулась.

– А чья это была яхта? – не преминула поинтересоваться Электра.

– Я же говорю, одного моего приятеля, – довольно резко отреагировала Алли на вопрос сестры. Мы все лишь удивленно вскинули брови.

– А дальше вот что. Пару дней тому назад приятель сообщил мне, что еще один его друг, тоже бывший на тот момент в море, сообщил ему по рации, что видел нашу яхту «Титан». Якобы она бросила якорь неподалеку от острова Делос. Мой приятель знает, что яхта принадлежит отцу. Вот мы и решили устроить ему такой небольшой сюрприз – нагрянуть с неожиданным визитом. Ходу до острова было не более часа. Мы тут же подняли якорь и отправились в путь.

Прежде чем продолжить свой рассказ, Алли отхлебнула немного кофе.

– Я уже видела «Титан» в бинокль, мы подошли еще ближе и просигналили Гансу, шкиперу яхты, чтобы он сообщил отцу, что мы уже на подходе. Но, – Алли тяжело вздохнула, – по каким-то совершенно непонятным мне на тот момент причинам, ответа не последовало. Более того, мы увидели, что яхта стала стремительно удаляться от нас. Вначале мы попытались догнать лодку. Но куда там... Вы же знаете,

папина лодка, если захочет, может летать по воздуху.

Все сестры буквально впились взглядами в Алли, ожидая продолжения ее интригующего рассказа.

– Сигнал на мой мобильник поступал слабый, и я только вчера сумела прочитать все ваши эсэмэски с просьбой незамедлительно перезвонить. И твою эсэмэску, Сиси, я тоже прочитала, в ней ты открытым текстом сообщила мне, что случилось.

– Прости, Алли. – Сиси слегка потупила глаза из-за возникшей неловкости. – Но я решила не ходить вокруг да около. К тому же нужно было, чтобы ты как можно скорее вернулась домой.

– И вот я дома. А теперь объясните мне, пожалуйста, – взмолилась Алли, обращаясь к нам, – хоть кто-то из вас... Что происходит? И что делала папина лодка в Греции, когда его самого... уже нет в живых?

Все глаза устремились на меня. Алли тоже повернулась ко мне. Пришлось мне опять – уже в который раз! – объяснять ей, что случилось. Причем время от времени я даже обращалась за помощью к Марине, чтобы та подтвердила достоверность моего рассказа. Лицо Алли сделалось белым как мел, когда я сообщила ей, где и как захотел упокоиться навеки наш отец.

– О боже! – прошептала она с чувством. – Получается, что я стала невольным свидетелем его тайных похорон. Теперь я понимаю, почему «Титан» на такой скорости умчался от

нас прочь. Я...

Алли в отчаянии обхватила голову руками, остальные сестры повставали со своих мест и сгрудились вокруг нее. Мы же с Мариной лишь обменялись сочувственными взглядами с противоположных концов стола. Наконец к Алли вернулось ее самообладание. Она извинилась перед присутствующими за свой непреднамеренный взрыв чувств.

– Представляю, какой для тебя шок – узнать, что там происходило на самом деле, – сказала Тигги. – Мы все тебе очень сочувствуем, Алли.

– Спасибо, – кивнула в ответ Алли. – Но я сейчас думаю о случившемся и вспоминаю, что однажды отец, когда мы гоняли с ним вместе на паруснике, сказал, что его заветное желание – быть похороненным в море. Так что все получилось, как он того хотел.

– За исключением того, что никого из нас не пригласили поучаствовать в церемонии прощания с ним, – немедленно вспыхнула Электра.

– Не пригласили, – согласилась с ней Алли, тяжело вздохнув. – Но вот, по странному стечению обстоятельств, там в это время оказалась я. Послушайте, вы не будете возражать, если на какое-то время я оставлю вас? Хочу немного побыть одна.

Все мы дружно согласились, что, конечно, ей нужно немножко побыть в одиночестве, попутно всячески подбадривая и утешая сестру. Алли вышла из кухни.

– Ей сейчас очень тяжело, – сказала Марина.

– Зато сейчас нам хотя бы приблизительно известно место, где решил упокоиться Па Солт, – подала голос Сиси.

– Господи боже мой! Ты можешь думать, Сиси, о чем-нибудь другом? – негодуяще воскликнула Электра.

– Простите, – тут же повинулась Сиси с самым невозмутимым видом. – Но вы же знаете, какая я. Практицизм на первом месте.

– А я тоже рада тому, что сейчас мы точно *знаем*, где покоится наш отец, – возразила Тигги. – Все мы прекрасно осведомлены о том, как он обожал Греческие острова, и, в частности, Киклады. Возможно, летом нам стоит взять папину яхту и отправиться на ней к тому месту, где Алли с помощью радара засекала наш «Титан». Опустим там в воду прощальный венок.

– Правильно! – поддержала сестру Стар. – Очень хорошая мысль, Тигги.

– Девочки, кто хочет полноценно подкрепиться за ланчем? – подала голос Марина.

– Я – нет, – тут же поспешила отрапортовать Электра. – Могу обойтись и одним салатом, если только в этом доме имеются свежие овощи и зелень.

– Не сомневаюсь, кое-что для тебя мы обязательно отыщем, – терпеливо пообещала ей Марина и дала знак Клавдии, чтобы та приступила к готовке. – А сейчас, поскольку Алли уже с нами, я звоню Георгу Гофману. Попрошу его

приехать сюда как можно скорее.

– Верно! – обрадовалась Сиси прежде, чем я успела открыть рот. – Нужно поскорее услышать от него все то, что хотел сообщить нам Па Солт.

– Как думаешь, Алли выдержит? – спросила Марина, обращаясь уже непосредственно ко мне. – Для нее все, что она узнала сегодня, стало настоящим шоком.

– Думаю, она, как и все мы, захочет побыстрее разделаться со всем этим, – ответила я. – А потому, Ма, смело звони Георгу.

За ланчем Алли так и не появилась. Мы не стали ее беспокоить. Понимали, ей надо побыть одной, обдумать все случившееся.

Клавдия уже убирала со стола посуду, когда в кухню снова зашла Марина.

– Я только что поговорила с Георгом, – объявила она прямо с порога. – Он пообещал приехать уже сегодня, успеть до захода солнца. Как видим, ваш отец дал четкие указания и касательно времени.

– Отлично! Тогда я пойду, немного прогуляюсь на свежем воздухе после такого плотного ланча, – сказала Сиси. – А может, покатаемся все по озеру? Такая короткая прогулка на катере.

Все сестры немедленно согласились с предложением Сиси, частично, подозреваю, и потому, что никому не хотелось нагнетать обстановку еще более.

– Если не возражаете, без меня, – сказала я. – Надо же кому-то остаться рядом с Алли.

Когда все четверо в сопровождении Кристиана отправились на пристань, где стоял на приколе наш моторный катер, я сказала Марине, что пойду к себе в Павильон и что, если я понадобится Алли, пусть ищет меня там. Я свернулась калачиком на диване, придвинула к себе поближе ноутбук

и приступила к чтению тех глав, которые прислал мне для ознакомления Флориано. Как и его первая книга, проза меня очень впечатлила. Богатый, изысканный язык и именно тот стиль повествования, который мне особенно нравится. События в романе происходят более сотни лет тому назад, место действия – окрестности водопада Игуасу, трогательная история о том, как юный африканец освобождается от оков рабства. Поглощенная чтением, я, видно, настолько расслабилась, что незаметно для себя задремала. Проснувшись я от того, что мой ноутбук соскользнул на пол и кто-то громко звал меня по имени.

Я даже вздрогнула от неожиданности. Это оказалась Алли.

– Прости, Майя. Кажется, я тебя разбудила, да?

– Ничего страшного. Немного вздремнула, – ответила я и почему-то вдруг почувствовала себя виноватой.

– Ма сказала, что девочки отправились на прогулку по озеру. Вот я и решила заглянуть к тебе, чтобы поговорить. Не возражаешь?

– Ничуть, – ответила я, пытаясь полностью прийти в себя после незапланированного послеобеденного сна.

– Давай я сделаю нам по чашечке чая, – предложила мне Алли.

– Спасибо, не откажусь. Мне, пожалуйста, обычный «Английский чай для завтрака».

– Помню-помню! – широко улыбнулась Алли, шутливо

вскинув брови, и вышла из гостиной. Через какое-то время она вернулась с двумя чашками чая, над которыми еще стоял пар, села на диван рядом со мной. Когда она поднесла свою чашку ко рту, я заметила, как у нее дрожат руки.

– Майя, мне надо кое-что тебе рассказать.

– Что именно?

Резким движением она поставила свою чашку на блюдце.

– Бог с ним, с чаем. А покрепче у тебя ничего не найдется?

– По-моему, в холодильнике есть немного белого вина.

Я пошла на кухню и достала из холодильника бутылку белого вина, взяла фужер. Зная, что Алли по жизни абсолютно равнодушна к спиртному, я поняла, что она собирается сообщить мне действительно нечто очень серьезное.

– Спасибо! – коротко поблагодарила она меня, когда я протянула ей фужер с вином. – Может, это и ерунда, ничего не значащая мелочь, но, когда мы прибыли на то место, где стояла яхта папы, и увидели, как она на полном ходу устремляется прочь от нас, мы заметили еще одну яхту, стоявшую на якоре.

– Ничего необычного, – совсем не удивилась я. – Конец июня... В это время все Средиземноморье забито отдыхающими под завязку.

– Да, но мы с приятелем сразу же опознали ее. Это был «Олимп».

При этих словах чашка с чаем застыла у меня в руке на полпути ко рту. Я со стуком поставила ее назад, на блюдце.

– Ты же, я думаю, уже наверняка знаешь, что стряслось на «Олимпе». Я прочитала обо всем этом в газете, пока летела сюда.

Алли замолчала, кусая губы.

– Да, я тоже увидела по телевизору, в одной из новостных программ.

– Тебе не кажется странным, что папа выбрал именно это место для своего упокоения? И, вероятно, почти одновременно с его погребением Криг Эсзу решил свести свои счета с жизнью.

Действительно, подумала я про себя, совершенно невероятное, какое-то поистине роковое совпадение. Но у меня были веские причины, чтобы не заводить с Алли разговор на эту тему. Мало ли что там было? Совпадение? Стечение обстоятельств? Или ничего такого?

– Да, странно, – подтвердила я вслух, стараясь из всех сил ничем не выдать охватившего меня волнения. – Но, думаю, это простое совпадение, и никакой особой связи между этими двумя событиями нет. Ведь они даже не были знакомы друг с другом, не так ли?

– Насколько мне известно, не были, – подтвердила Алли. – А с другой стороны, что мы вообще знали о жизни нашего отца за пределами этого дома и его яхты? Мы встречались лишь с парой его друзей и партнеров по бизнесу. Может, кто знает, они и пересекались друг с другом когда-то, в прошлом. Ведь они оба были богатыми людьми, успешными

бизнесменами.

– Нет, Алли. Думаю, это все же простое совпадение. Ведь ваша яхта тоже совершенно случайно оказалась в акватории Делоса. Это такой красивый остров. Неудивительно, что туда устремляется множество прогулочных яхт.

– Знаю-знаю... Но вот никак не могу отделаться от мысли, что папа покоится там сейчас на дне морском в полном одиночестве. А в тот момент я и вообще понятия не имела, что его больше нет в живых. Как подумаю, что он сейчас лежит где-то на дне, а сверху невероятно синее-синее море. Я...

Я поднялась со своего места, подошла к сестре и обняла ее.

– Алли! Выбрось ты из головы эту вторую яхту. Она тут ни при чем. А вот то обстоятельство, что ты волей случая оказалась в тех местах, которые отец выбрал для собственного захоронения, вот это меня сильно утешает. Тигги права. Летом нужно будет обязательно побывать там и опустить в море венок.

– Самое ужасное... – Алли неожиданно расплакалась. – Самое ужасное... Я чувствую себя такой виноватой!

– Но почему?

– Потому... потому что те несколько дней, что я провела на яхте в обществе своего приятеля, они были такими потрясающими. Такими прекрасными! Я была счастлива, счастлива, как никогда в жизни. Я даже не хотела ни о ком слышать. Просто взяла и отключила свой мобильник. А папа в это вре-

меня умирал! Получается, что, когда он больше всего нуждался во мне, меня рядом с ним не оказалось.

— Алли, дорогая моя Алли. — Я осторожно отбросила прядь волос с ее лица и принялась легонько покачивать сестру в своих объятиях. — Перестань себя накручивать. Рядом с папой в его последний час не было никого из нас. Мне даже кажется, что именно этого папа и хотел. Вспомни сама. Я безвылазно торчу здесь, но, когда это случилось, меня тоже не было дома. Со слов Ма, мы мало чем могли бы помочь ему. Ничего невозможно было сделать. И нам остается лишь принять ее слова как данность.

— Да, я все понимаю... умом. Но мне еще о стольком хотелось расспросить его, самой рассказать ему многое. А теперь его нет. Он ушел...

— Все мы испытываем сходные чувства, — печально проронила я. — Но, по крайней мере, у нас есть мы.

— Это так. Спасибо тебе, Майя, — прочувствованно поблагодарила меня Алли и снова тяжело вздохнула. — Вот ведь как бывает. Вся твоя жизнь может перевернуться вверх тормашками за считанные пару часов. Не поразительно ли это?

— Поразительно, — с готовностью согласилась я с ней. — А позволь поинтересоваться, — намеренно перевела я разговор на другое, — кто или что сделали тебя такой счастливой?

— Об этом я расскажу тебе как-нибудь в другой раз, ладно? Обещаю. А как ты сама, Майя? — неожиданно спросила она меня, намеренно уходя от разговора о себе.

– Все нормально. – Я слегка пожала плечами. – Если не считать того, что я, как и все остальные, пребываю сейчас в шоке.

– Само собой. Да и непросто было тебе сообщать эту ужасную новость сестрам. Мне жаль, что в эту минуту меня не было с тобой рядом, чтобы помочь и поддержать.

– Но, слава богу, ты здесь, а это означает, что мы можем встретиться с Георгом Гофманом и начинать двигаться дальше.

– Совершенно верно. Кстати, совсем забыла. Ма велела предупредить, чтобы через час мы все были дома. Нотариус должен появиться в Атлантисе с минуты на минуту. Правда, вначале он хочет переговорить с Мариной. Но в любом случае... Майя, можно мне выпить еще один бокал вина?

* * *

В семь часов вечера мы с Алли вернулись в дом. Все остальные сестры уже собрались на террасе, расселись вокруг стола и лениво грелись в лучах заходящего солнца.

– Георг Гофман уже приехал? – поинтересовалась я, тоже присаживаясь к столу.

– Да, – резко ответила Электра. – Но нам было велено подождать его здесь. Они вместе с Мариной куда-то исчезли. Узнаю Па Солта. До последнего любил напускать на все туман.

Все мы, шестеро, замерли в напряженном ожидании того момента, когда на террасу к нам выйдут Георг и Марина.

– Простите, девочки, что заставил вас ждать так долго, но надо было решить кое-какие организационные вопросы, – сухо обронил Гофман и принялся обходить вокруг стола, пожимая каждой из нас руку. Такой чисто швейцарский деловой стиль. – Примите мои самые искренние соболезнования. Позвольте присесть?

– Конечно, – сказала я, указывая на стул рядом с собой и исподтишка разглядывая нотариуса. Безупречный костюм темного цвета, загорелое лицо испещрено морщинами, серебристо-седая шевелюра. Георгу явно уже за шестьдесят.

– Я буду у себя, если кому понадобится, – сказала Марина и, попрощавшись со всеми коротким кивком головы, удалилась в дом.

– Начну с того, девочки, – слегка откашлялся Гофман, – что я очень сожалею о том, что лично познакомился с вами при столь трагических обстоятельствах. Однако у меня такое чувство, что всех вас я хорошо знаю, и все благодаря вашему отцу. И первое, что я хочу сообщить вам, – это то, что всех вас он безмерно любил. И не просто любил. Он страшно гордился вашими успехами и достижениями. Мы беседовали с ним незадолго до его... кончины, и он попросил меня особо подчеркнуть в разговоре с вами, что он всегда любил и гордился своими дочерьми.

Я с удивлением заметила, как в глазах нотариуса блеснули

слезы. Надо же! Обычно люди его профессии весьма сдержанны в проявлении своих чувств.

– Первое, что нам предстоит сделать, это урегулировать все финансовые вопросы. Могу заверить, что каждая из вас получит приличное содержание до конца своих дней, правда, без каких-либо излишеств. Тут ваш отец был неумолим. Он категорически не желал, чтобы вы жили жизнью великосветских бездельниц. Итак, каждая из вас будет иметь доход, который обеспечит вам безбедное существование, но купаться в роскоши вы не будете. Главное, как особо подчеркнул в разговоре со мной ваш отец, чтобы все вы зарабатывали себе на жизнь, как это всегда делал он сам. Однако все состояние вашего отца никуда не исчезает. Оно поступает в трастовый фонд для вас же. Ваш отец оказал мне высокую честь: впредь распоряжаться этим трастовым фондом буду я. Он также позволил мне решать по своему усмотрению вопросы оказания материальной помощи в случае, если у кого-то из вас возникнут какие-то финансовые проблемы.

Все мы молчали, внимательно слушая каждое слово нотариуса.

– Дом Атлантис тоже поступает в распоряжение трастового фонда. Но и Клавдия, и Марина изъявили желание и дальше продолжать жить в этом доме и присматривать за ним. В один прекрасный день, когда уйдет из жизни последняя из сестер, фонд автоматически прекратит свое существование, Атлантис тоже будет продан, а все вырученные средства

плюс средства самого фонда будут поделены между вашими детьми. Если же ни у кого из вас не будет прямых наследников, то тогда все деньги пойдут на благотворительность, в полном соответствии с завещанием вашего отца. Лично мне кажется, – позволил себе Гофман небольшой комментарий от себя, – что ваш отец поступил очень разумно: дом остается в целости и сохранности для всех вас и до конца ваших дней. То есть каждая из вас будет жить, зная, что в случае чего у вас всегда есть надежный кров, отчий дом, куда вы можете вернуться в любой момент. Хотя, конечно, самое заветное желание вашего отца – чтобы все вы, расправив крылья, поскорее вылетели из этого гнездышка и пошли по жизни каждая своим путем.

Я заметила, как сестры обменялись многозначительными взглядами. Не уверена, что они пришли в полный восторг от решения отца. Что же до меня самой, то практически ничего в моей жизни кардинально не меняется, в том числе и финансово. У меня остается мой Павильон, за который я выплачивала отцу номинальную ренту. А моя работа позволяет мне безболезненно удовлетворять все остальные нужды.

– Но есть еще кое-что, что оставил вам ваш отец. Пожалуйста, ступайте за мной. Сюда!

Георг Гофман поднялся из-за стола, но пошел не к парадным дверям, а лишь обогнул их и зашагал дальше, по направлению к саду. Мы послушно плелись за ним, словно стадо ягнят за своим пастухом. Наконец мы пришли во внутренний

садик, притаившийся за стеной из плотно подогнанных друг к другу стволов тиса. Садик выходил прямо к озеру. Ничто не мешало любоваться великолепным солнечным закатом и величественной панорамой гор на противоположном берегу.

Посреди сада возвышалась небольшая терраса, с которой ступеньки вели вниз к небольшой, покрытой галькой бухте. Детми мы часто плескались здесь в чистых прозрачных водах озера. Я знала, что папа больше всего из всех наших садов любит именно это место. Если его невозможно было отыскать в доме, значит, надо искать его здесь. Он обычно сидел под цветущими кустами лаванды, вдыхая в себя ее свежий запах. Вот и сейчас в воздухе витал слегка сладковатый аромат роз, радующих глаз своим пышным цветом на ухоженных клумбах.

– Ну, вот мы и пришли, – объявил Гофман. – Итак, вот что я хочу показать вам.

Он жестом указал на террасу, и все мы безмолвно устали на довольно странное, но красивое скульптурное изваяние, возвышающееся по центру террасы.

Мы сгруппировались вокруг скульптуры и принялись с любопытством разглядывать ее. На каменном постаменте высотой не больше метра лежало что-то круглое, но весьма необычной формы. Я пригляделась повнимательнее и увидела, что предмет состоит из ряда замысловатых тонких полосок, похожих на ленты. Полоски накладывались одна на одну, а внутри этой довольно сложной конструкции был установлен

небольшой золотистый шар. При близком рассмотрении оказалось, что шар – это глобус. На его поверхности были аккуратно выгравированы все континенты. К одной макушке глобуса привинчен изящный металлический стержень со стрелкой. По периметру глобуса тянулась еще одна лента, на которой были изображены все двенадцать астрологических знаков Зодиака.

– И что это такое? – в полном недоумении спросила юриста Сиси, выступив от имени всех остальных.

– Это – армиллярная сфера, – ответил Гофман.

Видя, что все равно мы ровным счетом ничего не поняли, он пустился в объяснения.

– Армиллярная сфера – это такой прибор, который существует уже многие тысячи лет. С его помощью древние греки определяли положение звезд и время суток. Вот эти вот полосы, – он указал на золотистые ленты, окружающие глобус, – соответствуют земным меридианам, параллелям и линии экватора. Линия меридиана, которая простирается с севера на юг и охватывает собой все остальные линии, несет на себе двенадцать знаков Зодиака. Центральный металлический стержень указывает прямо на Полярную звезду.

– Как красиво! – едва слышно выдохнула Стар, склонившись над скульптурой.

– Красиво, да. Но какое отношение это имеет к нам? – удивилась Электра.

– В мои функции не входит объяснение всех обстоя-

тельств и подробностей, – ответил ей Гофман. – Но если вы повнимательнее приглядитесь к сфере, то увидите, что на этих полосках, про которые я только что рассказывал вам, указаны ваши имена.

Мы склонились над армиллярной сферой и увидели, что нотариус был прав.

– Вот ты, Майя. – Алли ткнула пальцем в одну из полосок. – Там еще какие-то цифры имеются. Похоже на систему координат. – Она отыскала свою полоску и принялась изучать цифры уже на ней. – Ну так и есть. Это координаты. Мы пользуемся такими же, когда прокладываем себе маршрут в открытом море.

– Тут еще и какие-то надписи имеются, – вставила словечко Электра. – Но они на непонятном языке.

– Это греческий, – сказала я, узнав буквы знакомого алфавита.

– А что там написано? – спросила Тигги.

– Мне нужны бумага и ручка, чтобы я могла переписать текст, а потом подумать и перевести его, – ответила я, пристально вглядываясь в надпись, сделанную подле моего имени.

– Хорошо! Скульптура очень мила и стоит на нужном месте, прямо в центре террасы. Ну а дальше что? Что все это значит? – нетерпеливо спросила всех нас Сиси.

– Снова повторяю. Я не уполномочен разъяснять вам детали, – ответил Гофман. – А сейчас вот что! Марина подаст

на большую террасу шампанское, в полном соответствии с указаниями отца. Он хотел, чтобы все вы подняли за его уход бокал с шампанским. После чего я вручу каждой из вас конверт с письмом, адресованным лично вам. Полагаю, это персональное обращение отца объяснит вам много больше, чем это в состоянии сделать я.

И снова мы потянулись гуськом за нотариусом к выходу из сада. Все шли в полном молчании, ошарашенные увиденным. На террасе нас уже поджидали две бутылки охлажденного шампанского – «Арман де Бриньяк». Рядом стоял поднос с хрустальными фужерами. Когда мы все расселись, Марина обошла стол и каждому налила в бокал шампанское.

Гофман поднял свой.

– Позвольте мне поднять этот бокал за прекрасную жизнь вашего отца. Именно о таких похоронах он и мечтал, заверяю вас. Все его дочери собрались вместе в Атлантиде, в доме, который был так ему дорог и в котором он много лет прожил вместе с вами под одной крышей.

Мы, словно автоматы, тоже вскинули свои бокалы.

– За Па Солта, – сказала я.

– За Па Солта, – хором откликнулись мои сестры.

Неловко сделали по глотку. Я взглянула на небо, потом перевела глаза на озеро и горы и мысленно обратилась к отцу, сказала, что люблю его.

– Так когда вы вручите нам эти письма? – спросила у Гофмана Алли.

– Сейчас принесу. – Он поднялся из-за стола и скрылся в доме.

– Более эксцентричных поминок я еще в жизни своей не видела, – сказала Сиси.

– Абсолютно в духе Па Солта, – с едва заметной усмешкой заметила Электра.

– Можно мне еще немного шампанского? – попросила Алли.

Марина, увидев, что мы уже опустошили свои бокалы, налила всем по новой.

– Ты что-нибудь понимаешь, Ма? – поинтересовалась у нее Стар, заметно нервничая.

– Не более твоего, милая, – сдержанно ответила Марина, по своему обыкновению, ничем не выдавая собственных чувств.

– Как бы я хотела, чтобы папа сейчас оказался среди нас, здесь! – воскликнула Тигги, и ее глаза моментально наполнились слезами. – Пусть бы лично все нам объяснил.

– Но папы больше нет, – тихо напомнила ей Алли. – И знаете, странным образом я нахожу это правильным. Он максимально облегчил для каждой из нас самое ужасное событие из всех, которые случаются в жизни каждого человека. А сейчас для того, чтобы жить дальше, мы должны черпать силы друг в друге.

– Ты права, – согласилась с ней Электра.

Я бросила уважительный взгляд на Алли. Всегда-то у нее

найдется нужное слово, чтобы утешить сестер. Не то что у меня.

К моменту возвращения Гофмана все мы немного расслабились под воздействием выпитого шампанского. Он снова уселся за стол и положил перед собой шесть толстых пергаментных конвертов кремового цвета.

– Эти письма были переданы мне на хранение шесть недель тому назад, – начал он. – В случае смерти вашего отца я должен был вручить письма каждой из вас.

Мы все смотрели на конверты и с интересом, и с волнением.

– Могу я попросить еще немного шампанского? – обратился Гофман к Марине, в его голосе чувствовалось плохо скрываемое напряжение.

Я поняла, насколько трудной была возложенная на него миссия. Шесть горюющих об утрате отца дочерей, а тут он со своим рассказом о весьма необычном наследстве, которое отец оставил им. Такая ситуация заставит потерять самообладание даже самого закоренелого прагматика.

– Одну минутку, Георг, – откликнулась Марина и налила ему шампанского.

– Предполагается, что мы вскроем конверты прямо сейчас? – спросила у него Алли. – Или это можно будет сделать попозже? Когда каждая из нас останется одна...

– Никаких конкретных указаний на сей счет ваш отец не оставил, – ответил Гофман. – Единственное, что он ска-

зал: вы вольны прочитать письмо, адресованное вам, в любое время, когда будете готовы к такому шагу и когда вам самим захочется вскрыть конверт.

Я принялась разглядывать свой конверт. Мое имя было выведено на лицевой стороне красивым почерком, в котором я безошибочно опознала почерк отца. При виде знакомых букв мне захотелось заплакать.

Мы все, сестры, переглянулись друг с другом, словно проверяя, что чувствуют в эту минуту остальные.

– Лично я предпочитаю прочитать свое письмо, когда останусь одна, – сказала Алли.

Послышались слова поддержки. Все дружно закивали головами в знак согласия. Как всегда, Алли интуитивно озвучила наше общее мнение.

– Тогда свою работу я выполнил. – Гофман осушил до дна бокал с шампанским, после чего достал из кармана шесть своих визиток и разложил их веером на столе. – Пожалуйста, обращайтесь ко мне в любое время, если вам понадобится моя помощь. В любое время дня и ночи. Но, хорошо зная вашего отца, я уверен в том, что он все предусмотрел и все обдумал, позаботившись о том, что вам нужно. А сейчас мне пора возвращаться к себе. Прошу вас, девочки, еще раз примите мои самые искренние соболезнования в связи с вашей утратой.

– Большое вам спасибо, Георг, – поблагодарила я его на правах старшей сестры. – Все мы высоко ценим вашу по-

мощь.

– Всего доброго. – Нотариус поднялся из-за стола и кивком головы попрощался со всеми присутствующими. – Вы знаете, где меня найти в случае надобности. Я всегда на месте.

Мы молча проводили его взглядами. Марина тоже встала из-за стола.

– По-моему, пора уже перекусить. Попрошу Клавдию, чтобы она накрыла ужин прямо здесь.

Марина скрылась в доме.

– Если честно, то я боюсь вскрывать его, – промолвила Тигги, ткнув пальцем в свой конверт. – Понятия не имею, что там может быть.

– Майя, а ты переведешь нам те надписи, которые имеются на армиллярной сфере? – спросила меня Алли.

– Конечно, переведу, – ответила я, заметив краем глаза, что Марина и Клавдия уже несут нам тарелки с едой. – Сразу же после ужина и займусь переводом.

– Простите меня, девчонки, но лично я не голодна. Не возражаете, если я пойду к себе? – сказала Электра, поднимаясь со стула. – Увидимся позже.

В эту минуту я подумала, что, пожалуй, все мы хотели бы последовать ее примеру. Каждой надо было побыть в одиночестве.

– А ты, Стар, хочешь есть? – спросила у сестры Сиси.

– Думаю, поужинать все же стоит, – едва слышно ответила

Стар, нервно сжимая в руке конверт с письмом отца.

– Ладно! – уступила Сиси.

Все мы через силу попытались затолкать в себя немного еды, любовно приготовленной для нас Клавдией. А потом сестры стали молча вставать из-за стола одна за одной, пока не остались только мы с Алли.

– Не возражаешь, Майя, если я тоже пойду к себе? Я совсем без сил.

– Конечно, не возражаю. Тебе ведь пришлось последней узнать эту страшную новость. Само собой, ты все еще пребываешь в стрессе.

– Полагаю, ты права, – согласилась со мной Алли, поднимаясь из-за стола. – Спокойной ночи, дорогая моя Майя.

– Спокойной ночи.

Как только Алли покинула террасу, пальцы мои сами собой впились в пергаментный конверт, пролежавший весь последний час рядом с моей тарелкой. Наконец я тоже встала и направилась к себе в Павильон. В спальне я положила конверт на кровать, под подушку. Затем направилась в кабинет, взяла бумагу и ручку.

Вооружившись фонариком, я снова пошла в сад, чтобы повнимательнее разглядеть армиллярную сферу. Быстро темнело, в небе уже зажглись первые звезды. Отец много раз показывал мне созвездие Плеяд, когда мы бывали с ним в его обсерватории, особенно когда Семь Звезд, как еще зовут это созвездие, повисали непосредственно над Женевским озе-

ром, что случалось обычно с ноября по апрель.

– Я очень горюю о тебе, папа, – сказала я, обращаясь к небесам. – Надеюсь, в один прекрасный день я пойму все.

Затем я переключила свое внимание на позолоченные стрелки, перемещающиеся по всему глобусу. Нашла надпись, адресованную мне, и постаралась как можно точнее скопировать греческие буквы, учитывая, что левая рука у меня в этот момент была занята – держала фонарик. Придется завтра снова прийти сюда, подумала я, чтобы проверить, правильно ли я все скопировала. Потом я принялась переписывать другие надписи.

Всего их оказалось шесть.

Оставалась еще одна, последняя, седьмая полоска. Я осветила туда фонариком, рассчитывая и там тоже найти надпись. Но полоска была пуста, никакой надписи. Разве что стояло имя. Метропа.

Все предрассветные часы я потратила на расшифровку текста, переписанного мною накануне с армиллярной сферы. Что касается надписей, адресованных моим сестрам, то я просто перевела слова, не особо вдаваясь в их глубинный смысл. Не мое это дело объяснять послания, адресованные другим. За свою надпись я принялась в последнюю очередь, почти со страхом, в ожидании того, что она мне скажет. Но вот я закончила переводить, сделала глубокий вдох и прочитала.

Никогда не позволяй страху распоряжаться своей судьбой

Что ж, точнее, чем это сделал отец всего лишь в семи словах, и не обрисуешь мой характер и мою внутреннюю суть.

* * *

Когда наступило утро, я, приготовив традиционную чашку чая, вернулась к себе в спальню, осторожно достала конверт из-под подушки и направилась вместе с ним в гостиную. Какое-то время я разглядывала конверт со всех сторон, потягивая из кружки горячий чай.

Потом сделала несколько глубоких вдохов и решитель-

ным движением вскрыла конверт. Внутри лежало письмо, но не только. Я достала твердый на ощупь предмет, который оказался под моими пальцами неожиданно мягким. Треугольник кремового цвета, подсвечивающий изнутри зеленоватым светом. Я перевернула камень и увидела на обратной стороне почти неразличимую надпись.

Не в силах разобрать, что именно там написано, я дрожащими руками развернула папино письмо и погрузилась в чтение.

Атлантис

Женевское озеро

Швейцария

Моя дорогая Майя!

Уверен, прочитав мое послание к тебе, ты почувствуешь себя несчастной и даже немного растерянной. Моя любимая старшая дочь, должен сказать тебе, что ты всегда была для меня огромной радостью. И я любил тебя всем сердцем и душой. И хотя я тебе не родной отец, но, верь мне, я любил тебя с той же силой чувств, как если бы был тебе родным. Должен сказать, что именно ты и натолкнула меня на идею удочерить и твоих красавиц-сестер, а все вы вместе принесли мне невыразимое счастье, доставили самые прекрасные минуты в моей жизни.

Ты никогда не спрашивала меня о своем истинном происхождении, о том, где и как я нашел тебя и что за обстоятельства привели к тому, что я удочерил

тебя. Смею тебя заверить, что, если бы такой вопрос был тобой задан, я бы на него ответил, как несколько лет тому назад ответил одной из твоих сестер. Но сейчас я ухожу в мир иной, а потому, думаю, будет правильно предоставить тебе полную свободу выбора. Если захочешь, то в обозримом будущем ты все узнаешь сама.

Все вы попали в мой дом без каких-либо метрик, удостоверяющих факт вашего появления на свет. Все вы с самого начала были зарегистрированы как мои дочери. И этого у вас никто не отнимет. Никогда. Однако самую малость я помогу тебе: укажу нужное направление поисков. А в остальном тебе самой решать, когда предпринять путешествие в собственное прошлое, если тебе только захочется этого.

На армиллярной сфере, которую ты уже видела, точно указаны координаты того места на земном шаре, где началась твоя жизненная история. В конверт я вложил еще одну подсказку, которая поможет тебе в твоих поисках.

Не могу сказать тебе, Майя, что именно ты обнаружишь, если захочешь вернуться к себе на родину, туда, где ты родилась. Скажу лишь одно. История твоей настоящей семьи сильно повлияла когда-то и на мою жизнь.

Жаль, что у меня в запасе больше нет времени, чтобы рассказать тебе историю своей жизни. Наверное, тебе не раз и не два приходила в голову мысль,

что я предпочитаю не распространяться о себе и о своем прошлом. Но делал я это исключительно с одной целью: для того, чтобы защитить вас всех. Однако мы, люди, и мужчины, и женщины, живем в этом мире не изолированно друг от друга. И вот вы выросли, я должен был отпустить вас всех в свободное плавание.

У каждого из нас есть свои тайны, но поверь мне на слово: в любом случае семья – это все. А уж родительская любовь – это самая мощная сила на свете.

Оглядываясь в собственное прошлое, Майя, я жалею о многом из того, что сделал. Разумеется, любому человеку свойственно ошибаться. Как говорится, на собственных ошибках мы учимся и взрослеем. Мое самое заветное желание – поделиться со своими дочками хотя бы частицей того драгоценного опыта, который я приобрел за свою жизнь.

У меня сложилось впечатление, что в силу пережитых когда-то жизненных передраг ты частично утратила веру в человека как такового. Моя дорогая Майя, поверь, и мне пришлось пережить в своей жизни нечто подобное. Превратности судьбы не обошли меня стороной. Много раз они отравляли мое существование. Но со временем я в полной мере осознал простую истину: на одно червивое яблоко всегда приходится великое множество здоровых плодов. Вокруг нас полно добрых людей, чьи сердца открыты нам навстречу. Вот и ты должна поверить в то доброе, что есть в каждом из нас. И только тогда,

обретя эту веру, ты сумеешь начать жить заново и любить по-настоящему.

Прощаюсь с тобой, моя дорогая Майя. Уверен, мои послания заставят тебя и твоих сестер о многом поразмыслить.

А я буду следить за всеми вами с небес.

Твой любящий отец

Па Солт

Я сидела, не выпуская письмо из рук, и видела, как дрожат мои руки. Само собой, письмо следует перечитать еще раз, а может быть, и не раз. Одна фраза из письма поразила меня. Неужели отец знал?

Я набрала по мобильнику номер телефона Марины и попросила ее прийти ко мне в Павильон. Через пять минут она уже была здесь и сразу же заметила, какое у меня расстроенное лицо.

Мы вместе прошли в гостиную. Раскрытое письмо по-прежнему лежало на журнальном столике.

– Ах, Майя! – воскликнула Марина, простирая ко мне руки. – Представляю, как ты расстроилась. Еще бы! Это все равно, что услышать голос отца с того света.

Но я не поспешила в ее объятия.

– Ма, ответь мне, пожалуйста, на один вопрос. Ты рассказывала Па Солту о... нашем секрете?

– Конечно, нет! Поверь мне, Майя! Ни за что на свете я бы не предала тебя. Как ты могла подумать такое?

Добрые глаза Марины наполнились обидой.

– Так он ничего не знал?

– Конечно же, нет. Откуда ему было знать?

– Но в письме есть строки, которые заставляют меня думать, что папа что-то знал...

– Покажи!

– Пожалуйста. Вот здесь. – Я взяла со стола письмо и вручила его Марине. Она погрузилась в чтение, а я стала внимательно наблюдать за ее лицом.

Наконец она оторвалась от письма и посмотрела на меня. Выражение ее лица стало спокойнее. Она понимающе кивнула.

– Понимаю, почему ты так нервно отреагировала на эти строки, но, честно говоря, мое мнение такое: отец просто делится с тобой своим *собственным* опытом.

Я со всего размаха плюхнулась на диван и обхватила голову обеими руками.

– Послушай меня, Майя. – Марина невесело покачала головой и вздохнула. – Отец прав. Все мы совершаем ошибки. Поступаем, как нам на тот момент кажется правильным. А для тебя, единственной из всех сестер, чувства других людей, их переживания всегда были на первом месте. Особенно если это касалось твоего отца.

– Да, ты права. Больше всего на свете я боялась подвести папу.

– Знаю, милая, знаю... Как знаю и то, что твой отец больше всего на свете желал, чтобы вы все, девочки, были счаст-

ливы и любимы. И чтобы жили в полной безопасности и в согласии с самими собою. Самое время вспомнить об этом и не забывать впредь... В такой-то день. А еще я думаю вот что. После смерти отца пора тебе подумать о себе и о том, чего ты хочешь. – Марина резко повернулась и поднялась с дивана.

– Электра объявила, что уезжает прямо сейчас. И Тигги тоже. А Сиси с самого утра позвонила Гофману и вместе со Стар отправилась к нему в женевский офис. Алли сидит на кухне за своим ноутбуком.

– Ты в курсе, они уже прочитали папины письма? Хотя бы кто-то из них? – спросила я, собираясь с чувствами.

– Если и прочитали, то мне они на этот счет ничего не сообщили, – ответила Марина. – Может, хочешь присоединиться к нам за обедом? Пока не уехали Электра и Тигги.

– Приду, обязательно. Прости меня, Ма, за то, что я усомнилась в твоей преданности.

– Прочитав письмо, я понимаю, что у тебя были все основания для такого сомнения. Пока побудь одна, успокойся, а потом приходи. Обед в час дня. Там и увидимся.

– Спасибо, – прошептала я в ответ, глядя, как Марина выходит из комнаты. Возле входных дверей она остановилась и развернулась ко мне лицом:

– Майя, мне бы очень хотелось иметь такую дочь, как ты. И люблю я тебя точно так же, как тебя любил твой отец.

Когда Марина ушла, я снова села на диван и дала волю слезам. Казалось, все то, что копилось в моей душе долгие годы, вдруг прорвалось наружу и обернулось потоками слез. К своему стыду, я полностью утратила контроль над собой и своими эмоциями: меня затопила волна жалости к самой себе.

Я точно знала, что плачу, потому что *жалею себя*. Не отца оплакиваю, не его неожиданный уход из жизни, не те страдания, которые он, быть может, испытал в предсмертные мгновения. Нет, я плачу, потому что мне больно, что папы больше нет, и ко мне вдруг пришло страшное осознание того, насколько я недостойна быть его дочерью. Я ведь даже не смогла довериться ему и рассказать всю правду.

Каким же негодным человеком я была! Что я натворила!

И почему именно сейчас я заново переживаю все то, что случилось когда-то и что, казалось, не имеет прямого отношения к папиной смерти?

Я веду себя сейчас еще хуже Электры, попыталась я взять себя в руки. Но собственные увещания не помогли. И слезы продолжали катиться градом. Я совсем забыла о времени, а когда наконец в глазах у меня немного прояснилось, то я увидела перед собой Тигги. Лицо у нее было озабоченным.

– Ой, Майя! А я зашла к тебе, чтобы сказать, что мы с

Электрой скоро отбываем. Хотим попрощаться с тобой. Но я не могу уехать и оставить тебя в таком состоянии...

– Нет-нет, все в порядке, – шмыгнула я носом в ответ. – Прости, просто...

– За что ты просишь у меня прощения? – Тигги присела рядом со мной и взяла меня за руки. – Ты же тоже живой человек, как и все мы. Мне кажется, ты порой забываешь об этом.

Она мельком глянула на письмо, которое все еще лежало на журнальном столике. И я тут же инстинктивно схватила его.

– Сильно расстроилась, да? – участливо поинтересовалась она у меня.

– Да... то есть нет...

Мне было трудно, точнее, невозможно, объяснить сестре все те чувства, которые обуревали меня сейчас. А ведь Тигги из всех сестер всегда была мне самой близкой и родной. Я возилась с ней с самого раннего детства, как маленькая мать со своей дочерью. Да и она привыкла всегда и во всем полагаться на меня, зная, что, в случае чего, я буду рядом.

– Ланч ты, между прочим, уже пропустила, – сказала она.

– Какая жалость! Прости...

– Пожалуйста, перестань извиняться. Мы все прекрасно понимаем, и мы все тебя любим. Мы знаем, что значит для тебя смерть папы.

– Нет, ты только посмотри на меня! Куда девалось мое

пресловутое трезвомыслие? Ведь я же была тем человеком в семье, который всегда разруливал проблемы других. А теперь сама расклеилась по полной. Ты уже прочитала папино письмо?

– Пока еще нет. Мне хочется, во всяком случае, я *так чувствую*, забрать его с собой в Шотландию. Уединиться где-нибудь среди тамошних бескрайних лугов и болот и прочитать.

– А я вот решила прочитать здесь. Ведь это же мой дом. Я здесь выросла. Ах, Тигги! Я чувствую себя такой виноватой, такой виноватой... – неожиданно призналась я.

– Почему?

– Потому что я плакала не из-за папы, а из-за себя самой. Я себя *оплакивала*, понимаешь?

– Моя дорогая Майя! – тяжело вздохнула в ответ Тигги. – Неужели ты полагаешь, что есть еще какие-то причины, по которым люди плачут, горюя о смерти любимого человека?

– Конечно! Сколько угодно. Люди плачут, потому что жизнь дорогого им человека оборвалась так внезапно и была такой короткой, люди плачут, потому что сопереживают страданиям, выпавшим на долю умирающего человека перед его смертью. Да мало ли что еще...

– Скажу тебе так. – Тигги коротко усмехнулась. – Знаю, ты едва ли разделяешь мои взгляды. Но лично я верю, что жизнь продолжает существовать и после смерти... И что души наши бессмертны и тоже продолжают жить. Я могу легко

представить себе папу где-нибудь во вселенной, сбросившим с себя оковы несовершенного человеческого тела. Сейчас он по-настоящему свободен, быть может, впервые в своей жизни. Ведь я так часто видела в его глазах боль, когда он был жив. Он, должно быть, много перестрадал за свою жизнь. И вот еще что... Когда умирает кто-то из моих питомцев, олений, когда страдания отпускают его и он уходит в мир иной, я тоже всегда плачу, оплакиваю потерю, жалею себя, потому что в эту минуту жалею и об утрате животного. Пойми же ты, Майя! Даже если ты отказываешься верить в то, что жизнь существует не только на земле, постарайся понять, что печаль и горечь утраты – это то небольшое, что оставляют нам близкие люди, уходя в мир иной. Они оставляют это *нам и для нас*.

Я бросила на сестру уважительный взгляд, внутренне пораившись ее спокойному принятию вещей такими, какими они есть на самом деле. А еще, мне пришлось признаться самой себе, что ту часть своего «я», которую Тигги именует «душой», я вполне осознанно похоронила в себе много лет тому назад.

– Спасибо тебе, Тигги. И мне действительно жаль, что я пропустила обед.

– Да небольшое ты и потеряла. К концу трапезы за столом остались только мы с Алли. Электра ушла собирать вещи, сказала, что она и так переела, а Сиси и Стар еще не вернулись из Женевы. Они рано утром уехали на встречу с Геор-

гом Гофманом.

– Ма сказала мне. Наверняка Сиси поехала утрясать вопрос с деньгами.

– Полагаю, да. Ты же в курсе, ей дали место в Академии искусств в Лондоне. Само собой, она горит желанием поучиться на этом курсе. Но обучение не из дешевых, да и жить где-то надо. Тоже деньги нужны.

– Все так.

– Знаю, что папина смерть затронула тебя сильнее, чем всех нас, остальных. Мы же понимали, что ты жила здесь только потому, чтобы ему не было скучно одному... И чтобы присматривать за ним.

– Боюсь, Тигги, на самом деле это не так. Я жила здесь потому, что мне больше некуда было податься. Вот и вся моя правда, – сказала я, как отрубила.

– Как всегда, ты к себе несправедлива. Вне всякого сомнения, здесь ты осталась *в том числе* и из-за папы. Но папы больше нет, и отныне весь мир лежит у твоих ног. Разве не так? У тебя есть работа, которой ты можешь заниматься где угодно. Ты можешь поехать куда угодно. – Тигги мельком взглянула на свои часики. – О, мне тоже надо поторопиться и собрать вещи. До свидания, милая Майя. – Она порывисто обняла меня за плечи. – Береги себя, пожалуйста. И помни, я всегда на связи, если что. А почему бы тебе не приехать ко мне в Шотландию? Высокогорье – такая красивая местность, природа, дух захватывает... А воздух... Чистый и прозрач-

ный. И общая атмосфера действует успокаивающе...

– Спасибо за приглашение, Тигги. Может быть, в один прекрасный день я и решусь на такое путешествие.

Тигги ушла, а я тоже собралась пойти и попрощаться с Электрой. Но не успела я дойти до пристани, младшая сестра сама возникла прямо передо мною.

– Я уезжаю, – начала она с места в карьер. – Мой агент сообщил мне, что они разорвут со мной контракт, если я не появлюсь на съемках завтра утром.

– Понятно, надо поспешить.

– Эй! – Электра склонила голову набок и бросила на меня подозрительный взгляд. – С тобой все в порядке?

– Все нормально.

– Послушай, Майя. Папы больше нет. Так чего тебе тут торчать безвылазно? Может, нагрянешь к нам в Ла-Ла-Лэнд? Погостишь у нас с Митчем? У нас в саду имеется хороший гостевой домик. Можешь заселяться туда в любое время.

– Спасибо, Электра. Будь на связи, ладно?

– Конечно, буду. Ну что? До скорой встречи? – воскликнула Электра, когда мы подошли к пристани. Я увидела, как Сиси и Стар спускаются с катера на пирс.

– Привет, девчонки! – бросила нам Сиси и широко улыбнулась. Из чего безошибочно следовало, что поездка в Женеvu удалась.

– Уезжаешь, Электра? – спросила у сестры Стар.

– Да. Мне надо срочно вернуться в Лос-Анджелес. Неко-

торым ведь приходится зарабатывать на жизнь самостоятельно, как ты знаешь, – не преминула она отпустить колкость, явно адресованную Сиси.

– Зато некоторые используют в этой жизни свои мозги, а не тело, – не оставила без ответа выпад сестры Сиси. Но в этот момент на пристани появились Алли и Тигги.

– Что ж, девочки, пора прощаться, – сказала Алли. – До свидания, Электра. – Она подошла к сестре и расцеловала ее в обе щеки. – Давайте постараемся вскоре снова собраться вместе.

– Конечно, встретимся, – согласилась с ней Электра и поцеловала Стар, намеренно проигнорировав Сиси.

– Обязательно! – подтвердила слова сестры Тигги и обняла всех по очереди. К Стар она подошла последней, обняла ее и что-то тихо прошептала на ухо, и Стар ответила тоже шепотом.

– Все! Поехали! – приказала Электра капитану катера. – Иначе я рискую опоздать на свой самолет.

Тигги и Электра проворно взошли на катер, мотор взревел, а мы, все четверо, оставшиеся на берегу, принялись махать им вслед. А потом всей гурьбой пошли в дом.

– Думаю, нам со Стар тоже нужно трогаться в путь, но чуть позже, – сказала Сиси.

– Зачем? Разве мы не можем задержаться немного дольше? – возразила Стар немного грустным тоном.

– А что нам тут делать? Папы больше нет, с юристом мы

все вопросы обговорили. Нужно незамедлительно отправляться в Лондон и заниматься там поисками подходящего жилья.

– Ты права, – покорно согласилась с ней Стар.

– А чем ты, Стар, будешь заниматься в Лондоне, пока Сиси будет учиться в своей Академии искусств? – поинтересовалась у нее Алли.

– Пока еще не знаю, – честно призналась Стар.

– Ты же собиралась записаться в лондонскую кулинарную школу Кордон блю. Забыла уже? – напомнила ей Сиси. – Она у нас такой замечательный повар, – добавила она, обращаясь уже непосредственно ко мне. – Все, я побежала, посмотрю расписание на ближайшие рейсы. Если мне не изменяет память, есть рейс из Женевы в Хитроу на восемь часов вечера. Вот он-то нам подходит идеально.

Сиси и Стар скрылись в доме. Мы с Алли молча смотрели им вслед.

– Ничего не говори, – вздохнула я. – Сама знаю.

– Раньше я всегда думала, что такая тесная связь между ними только на пользу. То есть когда они были еще детьми... Ведь они же у нас обе средненькие, – задумчиво бросила Алли.

– А я помню, как отец намеренно хотел отправить их учиться в разные школы, но Стар тогда закатила самую настоящую истерику, просила отца не разлучать ее с Сиси, – ответила я, вспомнив эпизод из давнего прошлого.

– Беда в том, что ни у кого из нас нет прямого доступа к Стар. С ней же даже невозможно поговорить наедине. С ней все в порядке? Выглядит она ужасно, в сравнении с тем, как я ее видела в последний раз.

– Понятия не имею, Алли, что с ней и как она, – честно призналась я. – Порой мне вообще кажется, что я совершенно не знаю Стар.

– Что ж, если Сиси с головой уйдет в свою учебу в Академии, а Стар тоже подыщет себе какое-нибудь подходящее занятие, то, будем надеяться, жизнь постепенно начнет разводить их в разные стороны. Давай посидим немножко на террасе. Я пойду, попрошу Клавдию, чтобы она принесла тебе пару сэндвичей. Ты очень бледненькая, Майя, и обед пропустила. Мне хочется кое-что обсудить с тобой. Не возражаешь?

Я молча согласилась и уселась на солнышке. Его тепло приятно грело мое лицо, и я немного расслабилась. Алли вернулась из дома и уселась рядом со мной.

– Сейчас Клавдия принесет тебе перекусить. Майя, не хочу показаться любопытной, но все же... Ты вчера прочитала папино письмо?

– Прочитала, но только сегодня утром, – честно призналась я.

– И оно тебя расстроило, да?

– Поначалу – да, но теперь со мной все в порядке. Честно, Алли. – Мне не хотелось обсуждать с сестрой эту тему. Од-

но дело – ненавязчивое сочувствие Тигги, которое и согрело меня, и успокоило. Но я хорошо знаю характер Алли. Ее повышенное внимание к моей персоне может закончиться тем, что она вознамерится взять меня под свой неусыпный контроль. – А ты сама прочитала?

– Да, я тоже прочитала. Папа написал мне красивое письмо, я даже расплакалась, читая. Но одновременно оно подняло мой дух. Все утро я просидела в Интернете, разыскивала свои координаты. И ваши тоже. Сейчас я точно знаю, где каждая из нас появилась на свет. Между прочим, вас подстерегает несколько сюрпризов, – добавила она, но в этот момент на террасе появилась Клавдия. Она принесла тарелку с сэндвичами, которую поставила передо мной.

– Итак, тебе известно, где все мы родились, – уточнила я на всякий случай. – Ну и где же, к примеру, *родилась я?* Знаешь?

– Да. Или, во всяком случае, знаю ключ к разгадке того, где папа нашел всех нас. Хочешь знать, Майя? Могу сказать... А могу предоставить тебе возможность заняться самостоятельными поисками.

– Я... сама не знаю, – ответила я, почувствовав в желудке неприятную пустоту.

– Одно могу сказать! Папа изрядно поколесил по свету. Я взглянула на Алли и невольно позавидовала ей. Хотелось бы и мне сохранять такую же невозмутимость в сложившихся обстоятельствах: смерть отца и все то необычное, что

с ней связано, откровения по поводу нашего рождения.

– Так тебе известно, где именно ты появилась на свет? – спросила я у нее.

– Да, хотя пока получается какая-то бессмыслица.

– А остальные девчонки? Им ты рассказала, где они родились?

– Нет. Но я им объяснила, как следует искать координаты с помощью программы «Земля Гугл». Хочешь, и тебе объясню? А могу сразу назвать место твоего рождения. – Красивые голубые глаза Алли буквально впились в меня.

– Пока я не уверена, что сильно хочу этого.

– Что ж, думаю, ты и без посторонней помощи с легкостью отыщешь сама. Там все просто.

– Наверное, я так и сделаю, когда буду внутренне готова к такому шагу, – ответила я как можно тверже, невольно чувствуя, что я снова, как всегда, плетусь в хвосте у Алли.

– Я тебе подробно распишу всю процедуру, как точно определить положение координат. На тот случай, если ты все же захочешь узнать тайну своего рождения. Кстати, ты перевела с греческого те надписи, которые выгравированы на армиллярном шаре?

– Да, все перевела.

– Интересно, какое напутствие папа заготовил для меня? – нетерпеливо воскликнула Алли. – Скажи, что там написано. Пожалуйста!

– Точно не помню. Сейчас схожу к себе и перепишу пере-

вод для тебя.

– Спасибо! – прочувствованно поблагодарила меня Алли.

Я надкусила один из сэндвичей, которые Клавдия приготовила для меня, и снова мысленно, уже, наверное, в тысячный раз, пожалела о том, что я не такая боевая, как Алли. У той все легко, все делается быстро и одним махом. Ее никогда не пугали никакие неприятные сюрпризы, которые может преподнести жизнь. И занятие она себе выбрала опасное, сопряженное с постоянным риском, а часто и с одиночеством. Противостоять морским волнам, которые могут за одну секунду перевернуть вверх дном то уютное суденышко, которым она управляет. В этом постоянном противоборстве со стихией весь характер Алли и, пожалуй, самая точная метафора того, кто она есть на самом деле. Думаю, она единственная из всех сестер, кто умудряется жить в ладу с собой. Она изначально не настроена на негатив. Любые превратности судьбы она воспринимает всегда позитивно. Что-то пошло не так? Ничего страшного. Просто жизнь преподала еще один урок. Надо его хорошенько усвоить и двигаться дальше.

– Получается, что мы с тобой владеем информацией, которой можем поделиться и с другими сестрами. Если они, конечно, сами захотят покопаться в собственном прошлом, – задумчиво бросила Алли.

– Можем, – согласилась я с ней. – Но, мне кажется, еще слишком рано браться за разгадки тех тайн, которые оставил нам отец.

– Может, ты и права, – вздохнула Алли. – Кстати, регата в Кикладах уже на носу. Мне нужно уезжать, и поскорее, чтобы присоединиться к другим членам нашей команды. Если честно, Майя, то, что я увидела пару дней тому назад вблизи Делоса, по-прежнему не выходит у меня из головы. Чувствую, мне сейчас будет чертовски трудно плыть под парусом в открытое море.

– Понимаю тебя, – сказала я, а сама удивилась. Я всегда считала Алли такой мужественной и сильной, но, оказывается, и ей знакомо чувство неуверенности и даже страха. Неожданное открытие. – Все будет хорошо, Алли. Я в этом уверена.

– Надеюсь. Впервые я испытываю такой мандраж перед соревнованиями.

– Господи, Алли! Да для тебя морские гонки – привычное дело. Ты столько лет занимаешься парусным спортом. Не позволяй себе распускаться.

– Ты права. Постараюсь выложиться по полной для нашей общей командной победы. И в память об отце тоже. Спасибо тебе, Майя. Знаешь, раньше я часто задумывалась над тем, как так получилось, что спорт стал главным в моей жизни. Помнишь, как в юности я мечтала стать профессиональной флейтисткой? Но уже к моменту окончания музыкальной школы гонки на яхтах вытеснили из моей жизни все остальное.

– Конечно, я все хорошо помню, – улыбнулась я в ответ. –

В тебе столько талантов, Алли. Но, признаюсь, порой мне не хватает твоей игры на флейте.

– Представь себе, и мне тоже. Смешно, да? Ну а что ты? Не заскучаешь здесь в полном одиночестве?

– Не заскучаю, не волнуйся. Рядом же Ма... и потом моя работа... Обещаю, со мной все будет в полном порядке.

– Что, если через месяц-другой ты приедешь ко мне? Совершим небольшой круиз. Поплывем, куда захочешь. Например, вокруг побережья Амальфи. Там очень красивые места, одни из моих самых любимых. А я прихвачу с собой флейту и буду играть тебе на ней по вечерам, – грустно улыбнулась Алли.

– Прекрасная идея... поживем – увидим, как все будет складываться. В данный момент я страшно занята. У меня перевод в работе.

– Нам удалось заказать два билета до Лондона, – радостно прокричала Сиси, появившись на террасе позади нас. – Через час Кристиан доставит нас прямо в аэропорт.

– Пойду и я пошарю в интернете. Вдруг найдется лишний билетик на один из ближайших рейсов до Ниццы. Тогда я поеду вместе с вами, – подхватила со своего места Алли. – Майя, не забудь про надпись для меня, ладно? – Она поспешно скрылась в доме.

– Встреча с Георгом прошла удачно? – поинтересовалась я у Сиси.

– Все отлично, – кивнула та в ответ. – Как я понимаю, ты

уже перевела все наши надписи? – Она придвинула к себе стул и уселась на него.

– Да.

– А Алли сказала мне, что она уже определила все наши координаты.

– Ты уже прочитала папино письмо? – спросила я у Сиси.

– Пока нет. Мы со Стар решили так. Подберем момент, когда останемся вдвоем и никто нам не будет мешать. Тогда и прочитаем. Кстати, твой перевод нам тоже очень поможет. Напиши, пожалуйста, текст этих высказываний для меня и для Стар и не забудь отдать нам конверт с переводом, пока мы не уехали. Я попрошу Алли сделать то же самое и с нашими координатами.

– Перевод надписи, адресованной непосредственно тебе, я вручу тебе, Сиси. Что же до Стар, то папа в письме ко мне предупредил, чтобы я отдала перевод каждой из сестер по отдельности, лично в руки. Так я и поступлю, – ответила я, сама удивившись тому, как легко далась мне эта ложь.

– Ладно! – недовольно пожала плечами Сиси. – Все равно же мы поделимся друг с другом. – Внезапно Сиси бросила на меня сочувственный взгляд. – А что ты? Не затоскуешь здесь одна, без папы? Что будешь делать?

– У меня же есть работа. Она не оставляет мне времени на посторонние мысли, – снова повторила я, как заведенная, свой главный аргумент.

– Понятное дело. Но мы же все понимаем, ты жила здесь

только ради папы. В любом случае имей в виду, мы со Стар будем счастливы, если ты наведишь нас в Лондоне. Как только мы подыщем себе подходящую квартиру, сразу же и приезжай. Кстати, я уже начала переговоры с некоторыми риелторскими агентствами, занимающимися сдачей квартир внаем. Словом, ждем в гости.

– Спасибо за приглашение, Сиси. Очень мило с твоей стороны. Обязательно дам тебе знать, когда надумаю выбраться в Лондон.

– Вот и отлично! Майя, можно тебя кое о чем спросить?

– Конечно, Сиси.

– Как думаешь, папа... любил меня?

– Что за странный вопрос! Конечно, любил. Он нас всех любил одинаково.

– Да, но вот только...

Я увидела, как пальцы Сиси нервно пробежались по поверхности стола, словно по клавишам рояля.

– Что «только»? – спросила я напрямик.

– Хорошо! По правде говоря, я боюсь открывать папино письмо. Ты же знаешь, я не самый чувствительный человек на свете. Да и вообще, я всегда понимала, что мои отношения с отцом не были особенно близкими. Не дура же я! Знаю, что люди говорят за моей спиной. Дескать, я слишком прямолинейная, чересчур напористая, ужасно практичная. Все так считают. За исключением Стар, конечно. Но что же поделать? Так уж я устроена. Все свои чувства я *переживаю*

внутри себя. Понимаешь?

Неожиданное признание Сиси поразило меня. Я невольно ласково коснулась рукой ее руки.

– Я тебя хорошо понимаю, Сиси. Но и ты послушай меня. Помню, когда тебя младенцем привезли сюда и Ма была в полной растерянности, потому что ты появилась в доме почти сразу же после Стар, я тогда спросила у папы, зачем он так скоро привез к нам очередную сестричку. На что он ответил так. Ты была таким неповторимым, таким не похожим ни на кого младенцем, что он просто вынужден был забрать тебя с собой. Чистая правда!

– Так он сказал?

– *Так он сказал.*

Впервые за все годы, что я знаю Сиси, мне показалось, что она готова расплакаться.

– Спасибо тебе, Майя. Большое спасибо! – растроганно поблагодарила она меня. – А сейчас мне пора. Нужно еще найти Стар и предупредить ее о том, что мы уезжаем через час.

Наблюдая за тем, как Сиси направилась к дверям и скрылась в доме, я вдруг подумала, что смерть отца сильно изменила всех нас, его дочерей.

* * *

Часом позже я вручила каждой из сестер перевод надпи-

си, адресованной конкретно ей. И снова я стояла у причала, провожая девочек. Долго следила за тем, как катер стремительно уносит всех троих – Алли, Сиси и Стар по водам Женевского озера прочь от нас. Все они уже на пути к своей привычной жизни. Вернувшись к себе, я налила стакан вина и принялась размышлять над тем, как все сестры по очереди предложили мне стать частью их жизни. Прими я все приглашения от девочек и приведи их в исполнение, то тогда, пожалуй, за весь следующий год мне пришлось бы исколесить буквально весь земной шар, чтобы приобщиться к тем мирам, в которых они сейчас обитают.

Но вместо заманчивых путешествий я по-прежнему безвылазно сижу в отчем доме. А ведь было же и у меня нечто другое, была жизнь за стенами этого дома. Просто я ее не помню и ничего не хочу о ней знать.

Я решительным шагом направилась к себе в кабинет, включила компьютер. Наверное, наступил момент получить ответ на свой главный вопрос: кто *я есть*. Откуда пришла в этот мир? Где мои настоящие корни?

У меня слегка дрожали руки, пока я получала доступ в программу «Земля Гугл». Я аккуратно набрала в поисковике свои координаты, как объяснила мне Алли, и, затаив дыхание, стала ждать, какой ответ выдаст ноутбук касательно моей родословной. Но вот небольшой шар на экране, имитирующий глобус, слегка повернулся вокруг своей оси, и стали проясняться детали. Итак, место моего рождения установле-

HO.

Как ни странно, но ночь я проспала беспробудным сном и безо всяких сновидений. Проснулась отдохнувшей и даже поздоровевшей. Какое-то время лежала неподвижно, отрешенно пялясь в потолок и пытаюсь свести воедино всю ту информацию, которую узнала вчера.

Самое интересное, что эта информация вовсе не сразила меня наповал. Такое впечатление, что мне она была давно и хорошо известна, растворена, так сказать, в моей крови или упрятана в молекулах ДНК. Фактически, вполне возможно, по чистому совпадению, все эти сведения даже стали частью моей теперешней жизни. Конечно, трудно поверить, что младенцем я могла запомнить тот дом, в котором предположительно появилась на свет. Судя по картинке – вид сверху (скорее всего, аэросъемка), которую мне предложила программа «Земля Гугл», дом огромный. Настоящий величественный дворец. И зачем отец выдернул меня маленькой крошкой из этого великолепия, мысленно недоумевала я.

Я поднялась с кровати, и в эту минуту зазвонил мой мобильник. Взяла телефон, чтобы ответить на звонок, но на экране высветился незнакомый номер. Решила оставить звонок без ответа: наверняка кто-то просто ошибся номером. Отложила мобильник в сторону и пошла на кухню взбодрить себя чашечкой своего любимого английского чая.

Попивая из кружки, я размышляла о том, что, при желании, несмотря на всю нелепость самой идеи, я хоть завтра могу сесть в самолет и через каких-то двадцать четыре часа, в буквальном смысле этого слова, постучать в двери собственного прошлого.

A Casa das Orquideas, Laranjeiras, Rio de Janeiro, Brazil.

Я попыталась вспомнить подробности давнего разговора с отцом, когда мы обсуждали с ним, какую именно специализацию мне избрать для учебы в университете. Вне всякого сомнения, именно отец убедил меня тогда взять португальский язык в качестве одного из обязательных языков обучения. А еще я вспомнила, как легко мне давался этот язык, словно он был моим родным, как французский. Я пошла в гостиную, чтобы еще раз взглянуть на тот маленький, треугольной формы камешек, который Па Солт вложил в конверт вместе с письмом ко мне. Я извлекла камешек из конверта и принялась разглядывать едва заметную надпись на обратной стороне.

Кое-что стало проясняться. Во-первых, сама надпись сделана на португальском языке. Правда, различимы лишь некоторые буквы и дата – 1929. Остальной текст практически не читаем.

Внезапно меня охватило радостное возбуждение, но я немедленно поборолa в себе эту эйфорию. Трудно вообразить себе более дурацкий поступок: взять и отправиться в Бразилию.

А с другой стороны, что здесь такого дурацкого?

За второй чашкой чая я принялась обдумывать свои намерения. Немного успокоившись и посмотрев на все трезвым взглядом, я сказала себе: да, вполне возможно, когда-нибудь в будущем я и вправду посету Бразилию. Тем более у меня есть веские основания для подобного путешествия. Я перевожу на французский романы бразильских писателей. Могу наладить через Флориано Квинтеласа, того самого писателя, который сам недавно звонил мне, контакты с некоторыми бразильскими издательствами. Вдруг они порекомендуют мне и других своих авторов, тех, кто нуждается в переводческих услугах на другие языки.

Снова зазвонил мобильник. Пришлось вернуться в спальню и взять его с прикроватной тумбочки. Автоответчик сообщил, что на мой номер поступило голосовое сообщение. Я нажала на кнопку и, приложив трубку к уху, направилась на кухню. В трубке раздался до боли знакомый голос.

«Майя, это я, Зед. Надеюсь, ты меня еще помнишь. – Короткий смешок в его обычной манере. – Послушай, я не знаю, в курсе ли ты тех ужасных новостей, что связаны с трагической смертью моего отца. По правде говоря, мы сами еще никак не можем оправиться от этого удара. Я бы не стал тебя беспокоить, но тут вчера мой приятель, тоже яхтсмен, сообщил мне о твоём отце. Сказал, что он тоже ушел из жизни. На днях я буду в Женеве, по делам, на несколько дней. Было бы здорово увидеться с тобой. Поплакались бы

друг другу в жилетку. Жизнь – такая непредсказуемая штука, правда ведь? Я понятия не имею, по-прежнему ли ты обитаешь в Женеве, но где-то у меня хранится номер твоего домашнего телефона. Приеду, обязательно позвоню или даже попытаю счастья и лично наведаюсь в ваш знаменитый дом Атлантис, если ты никак не откликнешься на это мое послание. Прими мои соболезнования в связи с кончиной твоего отца. Береги себя».

Раздался звуковой сигнал, уведомляющий о том, что сообщение закончено, а я продолжала стоять как вкопанная на прежнем месте, не в силах пошелохнуться. Знакомый голос, услышанный после долгого перерыва, впервые за четырнадцать лет, вогнал меня в ступор.

– О боже! – выдохнула я в смятении, представив, как через пару дней на пороге моего дома появится Зед. Я почувствовала себя зверушкой, загнанной в силки. У меня даже возникла чисто детская фантазия – немедленно залезть под кровать и спрятаться там ото всех. Вдруг он уже в Женеве и может возникнуть здесь в любую минуту?

А может случиться так, что телефонную трубку в доме поднимут Марина или Клавдия и, по незнанию своему, чистосердечно сообщат Зеду, что я действительно обитаю в Атлантисе. Сама мысль о таком развитии событий привела меня в полнейшую прострацию. Нужно немедленно бежать к ним и предупредить, чтобы они на все звонки отвечали одинаково. Меня нет дома. Меня нет дома *ни для кого*.

Но что, если Зед просто возьмет и придет сюда безо всяких звонков? Он ведь прекрасно знает, где именно находится Атлантис. Я сама однажды во всех подробностях расписала ему местонахождение дома.

– Надо немедленно бежать прочь, – прошептала я и, почувствовав, что ноги снова стали слушаться меня, побрела в гостиную. Там я принялась бесцельно слоняться по комнате, прикидывая, каким из приглашений, полученных от сестер, я могу воспользоваться, причем незамедлительно.

Но как-то ни один из предлагаемых маршрутов особо не впечатлял. У меня даже мелькнула мысль снова вернуться в Лондон, к Дженни, и затаиться у подруги до поры до времени. Там-то я точно буду в полной безопасности.

Но как долго я смогу прятаться у Дженни? Вполне возможно, пребывание Зеда в Женеве затянется на неопределенно долгий срок. Да тут и к гадалке не ходи. Ясно же, как божий день, что все свои несметные богатства отец Зеда хранил в подвалах швейцарских банков.

– Но почему именно сейчас? – возопила я, обращаясь к небесам. Ведь мне же нужно время, в том числе и для того, чтобы успокоиться, все взвесить и еще раз хорошенько обдумать. Но нет! Я точно знала, надо срочно выметаться из Атлантиды. Встреча с Зедом окончательно сломит меня, особенно учитывая мое нынешнее состояние, и душевное, и физическое.

Я машинально глянула на журнальный столик, и пальцы

сами собой схватили треугольный камешек. Я снова уставилась на него, и в ту же минуту мое сознание пронзила дикая мысль. И я тут же принялась лихорадочно обдумывать ее.

Итак, если я хочу удалиться от Зеда на максимально возможное расстояние и при этом никто не должен знать, куда именно я направилась, то Бразилия подходит мне идеально по всем параметрам. А работать я могу где угодно. Прихвачу с собой свой ноутбук и продолжу трудиться над текущим переводом. В чем проблема? Так почему бы не Бразилия?

– И верно, Майя! Почему бы не Бразилия? – повторила я свой вопрос уже вслух.

* * *

Через час с небольшим я переступила порог кухни и поинтересовалась у Клавдии, где Марина.

– Поехала по каким-то своим делам в Женеву, – ответила Клавдия. – Ей что-нибудь передать, когда она вернется?

– Да, – ответила я, собираясь с духом, чтобы сказать все остальное. – Передайте ей, что я уезжаю сегодня вечером недели на две по меньшей мере. И вот еще что, Клавдия. Если мне будут звонить или кто-то явится сюда лично, отвечать так: меня нет дома, я в отъезде, буду отсутствовать какое-то время, и на этом все.

На обычно невозмутимом лице Клавдии отразилось удивление.

– А куда вы собрались, Майя?

– Мне нужно отъехать по делам, – уклончиво ответила я.

– Хорошо, – сказала домоправительница, принимая мой немногословный ответ как должное.

В первый момент мне показалось, что она собирается добавить что-то еще, но продолжения не последовало.

– Сейчас иду к себе в Павильон собирать вещи. Когда Кристиан вернется, предупредите его, что около трех часов дня мне нужно попасть в Женеву.

– Приготовить вам ланч?

– Нет, спасибо, не надо, – отказалась я. Мой желудок и без того уже взбунтовался от переизбытка эмоций. – Перед отъездом я загляну попрощаться. И запомните, Клавдия. Меня ни для кого нет дома.

– Я все поняла, Майя. Вы это уже говорили.

Двумя часами позже, наскоро побросав в чемодан вещи и забронировав себе билет на самолет и номер в отеле, я покинула Атлантис. Пока катер на полном ходу рассекал воды Женевского озера, унося меня прочь от родного дома, я впервые задумалась над тем, почему бегу. Убегаю прочь от собственного прошлого? Или, напротив, стремлюсь к нему навстречу?

С учетом пятичасовой разницы во времени я вступила на землю Бразилии ровно в шесть утра следующего дня. И сразу же испытала первое разочарование: вместо сверкающего южноамериканского солнца меня встретило хмурое облачное небо. Разумеется, я помнила, что у них сейчас зима, хотя температура была вполне комфортной и без той изнуряющей тропической жары, которой я опасалась более всего.

– *Ola, eu sou Senhorita D'Apliese. Como voce esta?* – спросила я у водителя такси на португальском, подойдя к нему поближе, и немножко развеселилась про себя, увидев изумление на его лице.

Он помог мне сесть в машину, и мы покатали из аэропорта по направлению к Рио. Я с нескрываемым интересом разглядывала в окно окрестности. Вот он, город, в котором я, скорее всего, появилась на свет. На втором курсе университета мне уже довелось побывать в Бразилии. Правда, тогда программа по обмену студентами базировалась на университете в Сан-Пауло. В тот свой приезд мне еще удалось побывать в древней столице Сальвадора. Что же до Рио-де-Жанейро, то от поездки туда я отказалась сознательно. Молоденькая одинокая девушка, а тут леденящие душу истории о кошмарной преступности и нищете, царящей в Рио, и о его безумной ночной жизни. Все это как-то отпугивало. Другое

дело сейчас. Если информация, которую оставил для меня Па Солт, верная, то я плоть от плоти этого города, а его ДНК полностью совпадает с моим.

Водитель такси, видимо, донельзя довольный тем, что в качестве пассажира ему попалась редкая иностранка, владеющая португальским языком, немедленно поинтересовался у меня, откуда я родом.

– Отсюда, – ответила я. – Я родилась здесь.

Он внимательно обзрел меня в зеркало заднего вида.

– В самом деле! Вижу! Вы действительно похожи на бразильянку. Но ваша фамилия... Деплеси... смахивает на французскую. Приехали навестить родственников?

– Да, именно так, – коротко бросила я в ответ. Слова звонким эхом отдались в моем сознании. А ведь это же чистая правда, подумала я.

– Взгляните! – Шофер взмахнул рукой, показывая на высокую гору, на вершине которой возвышался величественный монумент из белого камня. Иисус широко распростер руки, словно обнимая весь город, раскинувшийся внизу. – Это наш *Cristo Redentor*. Наш Христос Икупитель. Помню, когда я увидел Его впервые, то сразу же почувствовал: я дома.

Какое-то время я молча созерцала прекрасное белоснежное изваяние, которое словно парило над городом среди облаков, придававших ему ангелоподобный облик. Разумеется, я, как и все современные люди, десятки раз видела эту

знаменитую статую во всяких средствах массовой информации. Но в действительности дух захватывает от такой красоты. И одновременно испытываешь что-то такое, что трогает до слез.

– Вы поднимались туда наверх? – спросил у меня шофер.

– Нет, никогда.

– Ну, тогда вы действительно истинная уроженка Рио. Настоящая *carioca*! – широко улыбнулся он. – Хотя наш Христос Искупитель считается одним из семи чудес современного света, мы, жители Рио, воспринимаем монумент как нечто привычное, что-то такое, что всегда с нами. В основном на гору устремляются туристы.

– Я тоже постараюсь подняться на вершину, – пообещала я своему собеседнику. Машина нырнула в тоннель, и статуя Спасителя исчезла из виду.

Минут через сорок мы подкатили к центральному входу в отель «Цезарь-Парк». Прямо через дорогу тянулась узкая полоса знаменитого пляжа Ипанема. В этот ранний час он еще был безлюден, но все равно поражал воображение своей бескрайностью и величием.

– Вот моя визитка, сеньорита Деплеси. Меня зовут Педро. Звоните в любое время. Буду рад показать вам наш город.

– *Obrigada*, – сердечно поблагодарила я таксиста, присокупив несколько реалов в качестве чаевых к общей оплате за проезд. После чего проследовала вслед за портье в вестибюль отеля отметить у стойки дежурного.

И буквально через несколько минут меня заселили в просторный номер с просто шикарным видом на пляж Ипанема, который открывался из огромного окна. Номер стоил фантастически дорого, но, к сожалению, свободных номеров подешевле у них в наличии не оказалось. Я ведь бронировала не загодя, а буквально накануне. Впрочем, с учетом того, что я крайне редко трачу заработанные деньги, никаких угрызений совести по поводу собственного транжирства я не почувствовала. А в ближайшие пару дней, в зависимости от того, как станут развиваться дальнейшие события, присмотрю себе подходящую квартиру и сниму ее на какое-то время.

Да, но что такого *должно случиться* в ближайшие несколько дней?

Последние двадцать четыре часа обернулись для меня сплошным кошмаром. После звонка Зеда меня охватила самая настоящая паника, я чувствовала и понимала лишь одно: нужно как можно быстрее бежать из Швейцарии. Я даже не задумывалась над тем, что делаю, пока не оказалась на месте. Ночь в самолете я провела практически без сна. К долгому перелету добавились еще и те переживания, которыми были наполнены все последние дни после смерти папы. Я чувствовала себя вымотанной сверх всяких сил. Повесив на двери табличку «Не беспокоить», я с удовольствием улеглась между прохладными, ароматно пахнущими простынями и почти мгновенно отключилась.

Я проспала несколько часов. Проснулась и сразу же почувствовала, что голодна. Но и город посмотреть тоже не терпелось. Я покатила на лифте на верхний этаж, где располагался ресторан. Устроившись на небольшой террасе, откуда можно было одновременно любоваться и морем, и горным пейзажем, я заказала себе салат «Цезарь» и бокал белого вина. Облака, закрывавшие небо рано утром, растаяли бесследно, будто их и не было никогда. На пляже уже толпилась тьма народу, щеголяя друг перед другом своими загорелыми бронзовыми телами.

Утолив голод, я почувствовала, что в голове у меня немного прояснилось. Во всяком случае, заработали мозги, подсказывая, что делать дальше. Я еще раз изучила адрес, обозначенный координатами на армиллярной сфер, – все данные я предусмотрительно забила в свой мобильник, – и задумалась. Нет никакой гарантии, что в этом доме по-прежнему живет моя семья. Фамилия мне неизвестна, как вообще неизвестно ничего об этих людях. Я невольно издала нервный смешок, представив себе, каково это будет. Вдруг, ни с того ни с сего, на пороге дома объявится какая-то незнакомка и заявит, что ищет родных, утраченных давным-давно.

Но тут я вовремя вспомнила напутствие Па Солта, которое он выгравировал для меня на армиллярной сфере: не да-

вать страху властвовать над собою. Ну и что такого, если я вдруг возьму и возникну перед ними, неожиданно, можно сказать, как гром среди ясного неба? Худшее, что может случиться: они просто захлопнут у меня под носом дверь. Наверное, это бокал выпитого вина так подействовал на меня, и я ощутила не типичный для себя прилив храбрости. Да и длительный перелет тоже сыграл свою роль. Словом, я вернулась к себе в номер и, пока не передумала, тут же позвонила вниз на ресепшен и попросила их переговорить с Педро, водителем такси, который забирал меня из аэропорта, чтобы он свозил меня в город по одному адресу.

– Нет проблем, – ответил дежурный консьерж. – Машина нужна вам прямо сейчас?

– Да.

Не прошло и десяти минут, как я уже сидела на заднем сиденье машины Педро, которая на медленной скорости направилась к центру города.

– Эта вилла? Каса дас Оркуидеас? Думаю, я знаю ее, – коротко прокомментировал Петро, когда я продиктовала ему адрес.

– Зато я не знаю, – честно призналась я.

– Если это та вилла, о которой я подумал, то это очень интересный дом. И старинный к тому же. Когда-то в нем обитала семья богатых португальцев, – пустился в рассказы Педро, когда мы застряли в очередной пробке, которые в этот час дня, по его словам, дело самое обычное.

– Вполне возможно, сейчас в доме живут совсем другие люди.

– Все может быть. – Педро внимательно обозрел меня в зеркало заднего вида. Явно, от него не укрылось то, что я заметно нервничаю. – Пытаетесь найти кого-нибудь из родных?

– Да, – не стала я кривить душой. И в эту минуту перед нами в отдалении возникла фигура Иисуса Искупителя. Он словно парил надо мною. Я никогда не отличалась особой религиозностью, но тут вдруг почувствовала некое благодатное умиротворение, будто Его распростертые руки обнимали не только весь город, но и меня тоже.

– Скоро будем на месте, – объявил Педро минут через пятнадцать. – Сомневаюсь, что вы сумеете многое увидеть с дороги. Вилла обнесена высоким забором, что гарантирует неприкосновенность жилища. Когда-то тут селились исключительно богатеи, но теперь, к сожалению, город со всех сторон обступил и этот район.

И действительно, по обе стороны дороги теснились промышленные и офисные здания, сменяющиеся кварталами многоэтажных жилых домов.

– Вот ваш дом, сеньорита.

Я проследила взглядом за указательным пальцем Педро и увидела высокую живую изгородь: давно не подстригаемые кусты, сквозь густую листву которых проглядывали соцветия диких растений, красивые, но отнюдь не декоративные.

Я вспомнила, какой безупречный порядок всегда поддерживается в нашем женевском саду. Такое впечатление, что к этому саду уже давно не прикасалась рука заботливого садовника.

Все, что можно было разглядеть поверх живой изгороди, это несколько старинных печных труб из красного кирпича, давно уже утративших свою первозданную яркость под толстым слоем черной сажи.

– Скорее всего, в доме никто не живет, – предположил Педро. Он тоже обратил внимание на неухоженный вид дома со стороны улицы.

– Наверное, вы правы, – согласилась я с ним.

– Я могу припарковаться вот здесь, – сказал он и остановил машину прямо на дороге, проехав на несколько метров вперед.

– Да, вот здесь будет хорошо. Спасибо.

Педро отключил двигатель и повернулся ко мне:

– Буду ждать вас на этом месте. Удачи вам, сеньорита Де-плеси.

– Спасибо.

Я выбралась из машины, хлопнув дверцей гораздо сильнее, чем это было нужно, и попыталась мысленно приготовиться к тому, что ждет меня впереди. Шагая по тротуару по направлению к вилле, я отчаянно убеждала себя: что бы ни произошло в ближайшие несколько минут, все это ровным счетом не имеет никакого значения для моей дальней-

шей жизни. У меня был любящий отец, а фактически есть и мать в лице Марины, и у меня пять сестер. А здесь я оказалась исключительно потому, что мне потребовалось срочно где-то укрыться, спрятаться за этими густыми зарослями живой изгороди от всего того, от чего я инстинктивно бежала прочь.

Такие рассуждения вселили в меня некую долю уверенности, которой мне не хватало. Я прошла через массивные ворота из кованого чугуна, которые оказались открытыми, и вступила на подъездную дорожку к дому. Впервые перед моим взором предстал дом, в котором, судя по координатам, началась история моей жизни.

Элегантный особняк, старинный, скорее всего, восемнадцатого столетия, выдержанный в традиционном архитектурном стиле того времени: прямоугольной формы дом, оштукатуренные стены, выкрашенные в белый цвет, с карнизами, украшенными изысканной лепниной и барельефами. Прекрасное напоминание о колониальном прошлом Бразилии. Однако, подойдя ближе, я увидела, что штукатурка на стенах потрескалась, а местами и вовсе обвалилась, краска на высоких оконных переплетах, крашенных-перекрашенных, видимо, множество раз, тоже облупилась и облезла, являя взору голое дерево.

Собрав в кулак всю свою волю и остатки храбрости, я двинулась дальше, миновала фонтан, отделанный резным мрамором, в котором когда-то весело плескались струи воды.

Большинство окон в доме были плотно закрыты ставнями. Наверное, Педро все же прав. В доме действительно никто не живет.

Я медленно поднялась по широким ступенькам крыльца к парадной двери и нажала на допотопного вида дверной звонок. Но звонок не издал никакого звука. Тогда я попробовала еще и еще раз, а затем принялась стучать в дверь, достаточно настойчиво и громко, изо всех сил, которые у меня еще оставались. Подождала немного. Никакой реакции, никакого шума шагов, приближающихся к двери. Решила постучать еще громче.

И снова прождала безрезультатно несколько минут, переминаясь с ноги на ногу перед закрытой дверью. Получается, все мои усилия напрасны. В этом доме больше никто не живет. Я еще раз задрала голову вверх и обозрела ряд окон на втором этаже с наглухо закрытыми ставнями. Да, у дома явно нежилой вид.

Я спустилась с крыльца, раздумывая над тем, что делать дальше. Вернуться назад в машину Педро или все же обойти дом со всех сторон? Вдруг удастся заглянуть в какую-нибудь щелочку, обнаруженную в одной из ставень? После некоторых раздумий я склонилась в пользу второго варианта и двинулась вдоль боковой стены дома.

Оказалось, что боковая стена дома гораздо шире, чем фасад, и упирается прямо в сад, который наверняка в былые времена был очень красивым. Я прошла вдоль стены и, к сво-

ему великому огорчению, не обнаружила ни единого отверстия, через которое можно было бы заглянуть внутрь. Дойдя до конца стены, я увидела, что она плавно переходит в террасу, покрытую сверху толстым слоем мха.

Мой взгляд немедленно выхватил каменное изваяние молодой женщины, установленное в дальнем углу террасы. Вокруг статуи небрежно валялись разбитые керамические горшки из-под цветов. Женщина была запечатлена сидя, взгляд ее был устремлен куда-то вдаль. Я приблизилась к статуе поближе и увидела, что нос у нее отколот. Однако, несмотря на это увечье, чистые, простые линии лица и тела подчеркивали необычную, просто поразительную красоту модели.

Я уже приготовилась обогнуть дом с тыльной стороны, когда увидела фигуру человека, одиноко сидящего под деревом неподалеку от террасы.

Сердце мое бешено заколотилось в груди, и я тотчас же спряталась за угол дома и принялась исподтишка разглядывать фигуру. На таком расстоянии трудно было разглядеть внешность женщины, а это была именно женщина. Но, судя по тому, как она сидела в кресле, женщина была в очень преклонных годах.

Сотни мыслей вихрем пронеслись в моей голове. Вообще-то я всегда была нерешительным человеком. Вечно запаздывала с принятием решения. Вот и теперь вся буквально съежилась, разглядывая одним глазом старую женщину и

одновременно прикидывая, может ли она приходиться мне родней.

Я задрала голову вверх и посмотрела на небо. Вот папа, тот не стал бы прятать голову в песок, уклоняться от всяких непростых ситуаций, таких, как эта. Впервые в своей взрослой жизни я тоже вознамерилась идти до конца.

Я вышла из своего укрытия так, чтобы старуха увидела меня во весь рост, и направилась прямо к ней. Подошла поближе, но она даже не повернула головы в мою сторону. И лишь когда я подошла к ней уже почти вплотную, я увидела, что глаза у женщины закрыты и она, скорее всего, спит.

Что позволило мне рассмотреть ее лицо во всех подробностях. Интересно, подумала я, есть ли между нами хоть какое-то родственное сходство? Впрочем, женщина может быть совершенно посторонним мне человеком. Мало ли кто обитал в этом доме в течение тех тридцати трех лет, что меня здесь не было?

– *Desculpe?* Что вам угодно, сеньорита?

Я едва не подпрыгнула от неожиданности, услышав у себя за спиной негромкий голос. Отвернулась и увидела худую, словно жердь, пожилую негритянку с жесткой гривой тронутых сединой волос. На ней была униформа прислуги очень старомодного образца. Женщина взирала на меня с открытым подозрением.

– Простите меня за непрошеное вторжение, – торопливо начала я. – Просто никто не отозвался, когда я стучала в па-

радную дверь.

Женщина приложила палец к губам:

– Тише! Она спит. Что вам надо?

– Я... здесь... потому...

Ну, как можно объяснить старой служанке истинную причину моего появления здесь? Да еще шепотом, да еще в нескольких словах...

– Мне рассказали, что я как-то связана с этим домом. Вот я и решила лично поговорить с хозяевами.

Я почувствовала на себе внимательный взгляд. Что-то непонятное промелькнуло в глазах женщины, но она тут же устремила свой взгляд куда-то в пустоту поверх моей головы.

– Сеньора Карвальо никого не принимает. Она очень больна и сильно страдает.

– Хорошо. Тогда, пожалуйста, передайте ей, что я заходила. – Я торопливо открыла свою сумочку, поискала там визитку, нашла и вручила ее служанке. – Я остановилась в отеле «Цезарь-Парк». Передайте, пожалуйста, своей хозяйке, что я бы очень хотела переговорить с нею.

– Передать могу, но проку от этого будет мало, – довольно резко возразила мне служанка.

– Могу я поинтересоваться у вас, а как долго эта дама в кресле живет в этом доме?

– Она прожила здесь всю свою жизнь. А сейчас я попрошу вас удалиться.

От строгого тона, которым были произнесены последние

слова, у меня по спине пробежал холодок. Я бросила еще один, прощальный, взгляд на спящую старуху. Если Па Солт ничего не перепутал и его координаты верны, то это *значит*, что женщина, сидящая в кресле, приходится мне родней. Я повернулась, чтобы уйти, и в сопровождении служанки пересекла террасу. Мы уже приготовились завернуть за угол дома, когда слабый голос окликнул служанку.

– Кто эта сеньора?

Мы обе остановились и повернулись. Я заметила, как в глазах служанки мелькнул испуг.

– Простите, сеньора Карвальо. Не хотела вас тревожить, – тут же начала она оправдываться.

– А ты и не потревожила. Я наблюдаю за вами обеими уже добрых минут пять. Подведи сеньориту ко мне. Нельзя же разговаривать друг с другом на таком большом расстоянии.

Служанка безропотно повиновалась и неохотно сопровождала меня через террасу по ступенькам вниз, в сад. Она подвела меня почти вплотную к старухе, потом поднесла к глазам мою визитку и зачитала ее вслух:

– Сеньорита Майя Деплеси, переводчик.

Оказавшись лицом к лицу со старой дамой, я увидела, до какой же степени она истощена. Посеревшая кожа на лице, смертельная бледность во всем облике. Такое ощущение, что жизнь медленно, но неуклонно, капля за каплей, вытекает из ее тела. Но вот ее глаза, словно два буравчика, впились в меня. Кажется, на нее нахлынули какие-то смутные воспо-

минания, во взгляде отразилось явное потрясение. Значит, с умственными способностями у дамы все в порядке.

– Как вы оказались здесь? – спросила она меня.

– О, это очень длинная история.

– Чего вы хотите?

– Ничего. Я...

– Сеньорита Деплеси сказала мне, что ее кое-что связывает с этим домом, – услужливо подала голос служанка. Мне даже показалось, что она захотела приободрить свою хозяйку.

– В самом деле? И что же именно вас связывает с моим домом?

– Мне рассказали, что в этом доме я появилась на свет, – ответила я.

– Вынуждена вас разочаровать, сеньорита. Последний младенец в этом доме появился более пятидесяти пяти лет тому назад, и это был мой ребенок. Не так ли, Яра? – обратилась она к служанке.

– *Si*, сеньора, – с готовностью подтвердила та.

– Интересно, кто же сообщил вам такую информацию? Наверное, кто-то из тех, кто имеет виды на мой дом, не иначе? Хотят доказать свое родство со мной, чтобы после моей смерти унаследовать его?

– Уверяю вас, сеньора, это не так. Деньги тут ни при чем. Я приехала к вам совсем по иной причине, – твердо ответила я.

– Тогда извольте объясниться. Что это за *причина такая*?

– Видите ли... Дело в том, что меня удочерили еще в младенчестве. Мой приемный отец на прошлой неделе скончался. Он оставил мне прощальное письмо, в котором написал, что в этом доме когда-то жила моя родная семья.

Я посмотрела женщине прямо в глаза, надеясь, что она оценит мою прямооту и поверит в искренность моих слов.

– Понятно. – Старуха окинула меня долгим, изучающим взглядом, словно прикидывая с ответом. – К сожалению, ваш приемный отец ошибся. Произошла ужасная ошибка! Так что напрасно вы сюда приехали. Мне жаль, но более я ничем не могу быть вам полезна. Всего доброго.

Когда служанка снова повела меня на выход, я уже почти не сомневалась. Более того, я точно знала, старуха лжет.

В гостиницу я вернулась где-то около восьми часов вечера. Но во всем теле чувствовалась такая страшная усталость, словно время уже перевалило далеко за полночь. Соблазн завалиться спать прямо сейчас был слишком велик. Ему я и поддалась. Напрасно! Правда, сон был глубоким и безо всяких сновидений, зато на следующее утро я проснулась ровно в пять утра.

Какое-то время я продолжала лежать в постели, размышляя о том, что мне удалось увидеть и узнать за вчерашний день. Хотя старуха яростно сопротивлялась, пытаюсь всеми правдами и неправдами откреститься от меня, внутренний голос подсказывал, что Па Солт был прав. Ну и что мне дальше делать с его правотой, уныло подумала я. Пока даже не представляю себе, с какой стороны можно приступить к дальнейшим поискам. Ясно одно: старуха и ее служанка что-то знают. Но ясно и другое. Своими знаниями делиться со мной они никак не собираются.

Я извлекла из сумочки треугольный камешек и снова стала разбирать надпись на его оборотной стороне. И снова безуспешно. Да и зачем стараться? Что мне толку от нескольких едва различимых слов и даты? Тем не менее какое-то время я прилежно изучала полустертый текст.

Чтобы отвлечься, включила ноутбук и стала просматри-

вать свою почту. И тут же обнаружила сообщение от одного бразильского издательства, с которым я сотрудничаю. Воспользовавшись трехчасовым ожиданием своего рейса в аэропорту Шарля де Голля в Париже, я написала им коротенькое письмо. И вот получила ответ.

Дорогая сеньора Деплеси!

Рады узнать, что Вы решили посетить Бразилию. Наш главный офис находится в Сан-Пауло. Возможно, у Вас не получится приехать к нам лично. Но, если удастся, будем счастливы приветствовать Вас у себя. Между тем, мы уже сообщили о Вашем приезде Флориано Квинтеласу, автору, которого Вы переводили. Ведь он живет в Рио. Уверены, он будет искренне рад познакомиться с Вами и окажет Вам всемерное содействие и помощь на протяжении всего Вашего пребывания в нашей прекрасной стране. Пожалуйста, без колебаний обращайтесь к нам, если Вам вдруг что-то понадобится.

Искренне Ваш,

Лючиано Барачинни

Дружелюбный тон письма и та теплота, которую буквально источало каждое слово, невольно вызвали у меня улыбку. Я и по прошлой своей поездке в Бразилию уже успела понять и даже прочувствовать на себе, насколько разнится здешняя культура общения от формального стиля, принятого в Швейцарии. У меня не возникло и тени сомнения в том, что,

случись со мной какие-то неприятности, все эти люди незамедлительно придут мне на помощь и действительно окажут всемерное содействие во всем.

Я снова откинулась на подушки и принялась наблюдать в окно за тем, как солнце медленно поднимается над морем и над широкой дорогой, стелющейся прямо под моими окнами. До меня уже начали долетать звуки проезжающего мимо утреннего транспорта. Город постепенно просыпается.

Итак, после всего того, что было вчера, вопрос остается открытым. Стоит ли мне продолжать копать и дальше, чтобы разведать все те тайны, которые скрывает от меня Рио?

Впрочем, альтернатива у меня лишь одна: вернуться в Женеву. Что в ближайшее время невозможно уже по определению. Так почему бы не задержаться в Рио еще на пару дней и не вообразить себя настоящим туристом? Даже если мне не удастся ничего нарыть о своей родословной, у меня есть прекрасная возможность хорошенько познакомиться с городом, в котором, быть может, я когда-то появилась на свет.

Я оделась, спустилась на лифте в вестибюль и вышла на улицу. Пересекла дорогу и очутилась прямо на пляже Ипанема. Время было еще раннее, а потому на пляже было безлюдно. Я подошла к самой кромке воды. Волны набегали одна за одной на мягкий песок у меня под ногами. Я отвернулась от моря и взглянула на Рио.

Огромное скопление зданий самой различной формы и высоты сгрудились на узкой полосе суши, протянувшейся

вдоль моря. Дальше, у самой кромки горизонта, уже виднелись вершины гор. Справа от меня – песчаная бухта, обрамленная скалистыми берегами, слева – потрясающий по своей красоте вид на знаменитую гору «Два Брата», Морро Доис Ирмаос.

Стоя на пляже в полном одиночестве и любуясь открывшейся панорамой, я вдруг почувствовала небывалый прилив энергии. Мне стало необычайно легко и покойно.

Все вокруг – часть меня, а я – часть этого города...

Неожиданно я сорвалась с места и побежала вдоль пляжа, широко раскинув руки от переизбытка охвативших меня чувств. Пришлось упираться носками в скользящий песок, чтобы сохранить равновесие и не упасть. Остановилась, запыхавшись, слегка отдышалась и с веселым смехом побежала дальше, сама удивляясь своему крайне несерьезному поведению.

Покинув пляж, я пересекла проезжую часть дороги и углубилась в городские кварталы. Причудливая смесь архитектурных стилей – здания, выстроенные в колониальном стиле, перемежались с небоскребами в стиле модерн, соседствуя друг с другом и являя глазу доказательства того, как меняется архитектурная мода. На одной из улиц я свернула за угол и очутилась на небольшой рыночной площади. Продавцы уже раскладывали свой утренний товар: свежие овощи и фрукты. Остановившись возле одного из прилавков, я взяла персик, и молодой мужчина-продавец приветливо

улыбнулся мне.

– Угощайтесь, сеньорита.

– *Obrigada*, – поблагодарила я, с наслаждением впиваясь зубами в нежную, сочную мякоть фрукта. И вдруг ноги мои сами собой замерли на месте. Я увидела, как белоснежная фигура Христа снова парит надо мною высоко в небе.

– Вот куда я отправлюсь прямо сегодня же, – приказала я себе.

Внезапно до меня дошло, что я понятия не имею, как далеко ушла от своего отеля. Но, ориентируясь на шум морского прибоя, я, подобно тому почтовому голубю, верно сориентировалась и безошибочно нашла обратный путь.

Позавтракала в ресторане наверху, на открытой террасе, впервые после смерти папы я поела с аппетитом. Вернувшись к себе в номер, обнаружила кучу сообщений на своем мобильнике, но решила проигнорировать их все. Не желаю знать ни о чем из моей реальной жизни. Не хочу разрушать то настроение радостного возбуждения, в котором пребывала с раннего утра. Однако в почтовом ящике мое внимание привлекло одно письмо. Оно пришло от Флориано Квинтеласа.

Дорогая сеньорита Деплеси!

Мой издатель сообщил мне приятную новость. Оказывается, Вы сейчас находитесь в Рио. Буду счастлив познакомиться с Вами лично. С удовольствием приглашаю Вас на обед или

на ужин в один из наших ресторанов. Хочу еще раз поблагодарить Вас за перевод моей книги. Французские издатели возлагают большие надежды на этот роман, прогнозируя на него высокий спрос. А может, Вам просто захочется поближе познакомиться с нашим красивым городом в обществе его коренного жителя, взглянуть на Рио, так сказать, глазами *кариока*. Номер моего мобильного в конце письма. Скажу честно: я очень обижусь, если Вы не позвоните мне, пока находитесь здесь.

Всецело в Вашем распоряжении,
С самыми искренними пожеланиями,
Флориано Квинтелас

Письмо невольно заставило меня улыбнуться. С учетом того, что почти весь последний год, пока у меня в переводе был роман «Молчаливый водопад», я довольно тесно общалась с Флориано, некоторые особенности его характера я уже успела понять: слов на ветер он не бросает. Действительно ведь может обидеться.

Впрочем, легко можно представить себя на его месте. *Окажись Флориано в Женеве, а я предложу познакомить его с городом.*

И что? Я бы не обиделась, если бы он ответил мне отказом?

Само собой, обиделась бы.

Звонить не стала, решила написать ответ, максимально

теплый, но выдержанный в нейтральных тонах. Промучилась довольно долго, тщательно подбирая каждое слово. Потом отредактировала текст, потом переписала его еще раз, но в конце концов осталась довольна результатом и нажала кнопку отправки.

Письмо тотчас же улетело адресату, а я перечитала его еще раз.

Дорогой Флориано, я очень рада оказаться в Рио. Действительно, было бы хорошо пересечься в какой-нибудь точке города. (Слово «замечательно» я, по зрелом размышлении, удалила, заменив на более нейтральное «хорошо».) Сейчас я собираюсь в Корковадо, буду разыгрывать из себя заправского туриста. Но Вы можете связаться со мной вот по этому номеру. С наилучшими пожеланиями, Майя Деппеси.

Довольная тем, что мне удалось сохранить теплоту общения и одновременно соблюсти положенную дистанцию, – в конце концов, я ведь тоже писатель в некотором роде! – я отправилась вниз, на консультацию с консьержем. Чтобы тот объяснил мне, как удобнее всего добраться из отеля к статуе Христа Искупителя.

– Сеньорита, мы можем предложить вам два варианта: роскошный и тот, который сопряжен с получением настоящего личного опыта. Лично я посоветовал бы последний вариант, – сказал мне консьерж. – Берете такси до Косме Вело,

говорите шоферу, что вам надо подняться к статуе Христа, и тот отвозит вас на место. А там садитесь в поезд и поднимаетесь на вершину горы Корковадо.

– Спасибо.

– Был рад услужить.

Десятью минутами позже я уже сидела в машине, которая везла меня в Косме Вело на встречу со Спасителем. В сумочке зазвонил мобильник. Взяла телефон и увидела на экране номер Флориано Квинтеласа.

– Слушаю вас.

– Сеньорита Деплеси?

– Да.

– Это Флориано. Где вы сейчас?

– В такси, на пути к статуе Христа.

– Можно мне присоединиться к вам?

Я замаялась с ответом, и он мгновенно почувствовал мою нерешительность.

– Но если вы предпочитаете совершить туда паломничество в одиночестве, то я не возражаю.

– Нет-нет, напротив. Я буду очень рада собственному гиду из местных.

– Тогда поднимайтесь на поезде на вершину горы, а я буду ждать на самом верху возле лестницы.

– Хорошо, – согласилась я. – Но как вы меня узнаете? Там же наверняка толпы народа.

– Узнаю обязательно, сеньорита Деплеси. Не волнуйтесь.

Я же видел вашу фотографию в Интернете. *Адью.*

Я расплатилась с таксистом и очутилась у подножия горы Корковадо, рядом с крохотным железнодорожным вокзалом. Интересно, а как выглядит сам Флориано Квинтелас, мелькнуло у меня. Его я еще ни разу не видела, что не помешало мне влюбиться в него как в писателя.

Купив билет на поезд, я зашла в вагон. Весь состав состоял всего лишь из двух вагонов. Все очень сильно напоминало наши железнодорожные трассы в горных районах Швейцарии. Правда, когда я уселась, то сразу же услышала вокруг себя настоящую какофонию звуков на самых разных иностранных языках. Судя по всему, никто из пассажиров вагона не разговаривал на португальском. Следовательно, местных здесь нет. Но вот поезд начал медленно, но неуклонно подниматься вверх. Я глянула вниз. Под нами простирались сплошные джунгли, в которых утопали все горные склоны. Поразительное зрелище! Невозможно представить себе подобное буйство дикой природы рядом с огромным городом. В Женеве такого соседства никогда бы не потерпели.

По мере того как мы поднимались все выше и выше, голова моя сама собой стала закидываться назад. На какие чудеса творчества только ни способен человек. Вот вам, пожалуй-ста. Сконструировал такую машину, которая способна поднять меня и всех остальных пассажиров по почти вертикальному склону горы. Чем выше мы поднимались, тем все прекраснее и красочнее были пейзажи, расстилающиеся внизу.

Наконец состав замер возле еще одной крохотной станции, и все покинули вагоны.

Я глянула вверх и увидела перед собой стопы Христа Икупителя. Он стоял на высоком постаменте. Сама же скульптура оказалась вблизи такой высоченной, что глаз с трудом мог охватить ее всю целиком. Наблюдая за тем, как пассажиры устремились к лестнице и стали карабкаться по ее ступеням, я стала прикидывать, где именно назначил мне встречу Флориано: в самом начале лестницы или уже наверху. Но чтобы не тратить время попусту, я тоже заторопилась вслед за остальными и стала медленно подниматься по ступеням. Ступенька за ступенькой. Больше двухсот, как оказалось. От непривычки я на последних ступеньках стала задыхаться, жадно заглатывая ртом теплый воздух.

– *Ola*, сеньорита Делеси. Рад наконец познакомиться с вами лично.

Добрые карие глаза заглянули прямо в мои. Человек улыбался во весь рот, явно забавляясь моему удивлению.

– Вы Флориано Квинтелас?

– Я, собственной персоной! А вы разве не узнали меня по фотографии с обложки книги?

Я скользнула взглядом по красивому загорелому лицу. Полные губы растянуты в добродушной улыбке, обнажая два ряда ослепительно-белых и ровных зубов.

– Да, теперь узнаю, но... – Я махнула рукой вниз, на бесконечные ступени лестницы. – Но как вы оказались наверху

раньше меня? Бегом бежали, что ли?

– А я, сеньорита, вас уже давно поджидаю тут наверху. – Флориано снова весело улыбнулся.

– Как? Почему? – совсем растерялась я.

– Судя по всему, вы не очень детально изучили мою писательскую биографию. В противном случае вы бы знали, что я по профессии историк. И что время от времени выступаю и в качестве гида-экскурсовода, особенно если нужно провести экскурсию для всяких уважаемых людей, желающих приобщиться к моим высочайшим познаниям в том, что касается Рио.

– Понятно.

– Правда жизни такова, что писательский труд – увы! – пока еще не приносит мне тех доходов, на которые можно безбедно существовать. Вот я и подрабатываю подобным образом, – честно признался Флориано. – Но мне это совсем не в тягость, поверьте. Показывать свой любимый город туристам, рассказывать им обо всех его красотах – это же одно сплошное удовольствие. Вот сегодня, к примеру, с самого утра у меня была группа богатых американцев. Захотели подняться на гору пораньше, пока не начался основной наплыв туристов. Как видите, сейчас здесь уже не протолкнуться.

– Вижу.

– Итак, сеньорита Деплеси, я всецело в вашем распоряжении. – Флориано отвесил шутливый полупоклон.

– Спасибо, – поблагодарила я, все еще немного сбита я с толку его внезапным появлением и неожиданно привлекательной наружностью.

– Так вы готовы услышать историю появления бразильской достопримечательности номер один? Обещаю, для вас экскурсия будет совершенно бесплатной, – снова пошутил Флориано и, взяв меня под руку, повел сквозь толпу зевак к террасе, расположенной прямо перед монументом. – Вот отсюда открывается самый лучший вид на Спасителя. Не правда ли, Он великолепен?

Я стала пожирать глазами удивительно доброе, ласковое лицо Христа, а мой спутник в это время рассказывал мне историю создания памятника. Но поскольку я всецело была занята созерцанием статуи, то многие детали из его рассказа тут же ускользнули от меня.

– Представляете, какое чудо! Никто, ни один человек не погиб, пока сооружали монумент... И вот еще интересная подробность. Автор проекта, еврей по национальности, начал работу над памятником как правоверный иудей, а закончил возведение статуи уже будучи христианином, принял нашу веру. Сеньор Леви переписал имена всех своих родных и вложил этот список в самое сердце Христа прежде, чем саму статую закрепили на постаменте и залили основание бетоном.

– Какая трогательная история.

– Таких историй, связанных с сооружением монумента,

превеликое множество. Вот, например. – Флориано поманил меня за собой, и мы почти вплотную приблизились к статуе. – Внутри фигура Христа представляет собой мозаику из треугольных кусочков стеатита. Его еще называют «мыльным камнем». Наши женщины-волонтеры, помогавшие в работе над памятником, потратили не один месяц на то, чтобы собрать воедино эту мозаику. Они наклеивали отдельные кусочки мыльного камня на большее полотнище, такая специальная сетка с отверстиями. По мнению автора проекта, этот внутренний слой должен был стать своеобразной защитой статуи, уберечь ее от образования трещин уже снаружи. Одна старая дама, участвовавшая в этих работах, поведала мне интересную историю. Оказывается, многие женщины писали на обратной стороне камней имена своих близких, любимых, дорогих сердцу людей плюс коротенькую молитву. Получается, что все их обращения навеки впаяны в тело Христа.

Мое сердце вдруг сорвалось и замерло. Я в немом изумлении взглянула на Флориано.

– Сеньорита Майя, с вами все в порядке? Я что-то не то сказал?

– О нет. Здесь совсем другое. Впрочем, это длинная история, – выдавила я из себя, с трудом обретая голос.

– Больше всего на свете я люблю именно длинные истории, – сказал Флориано, задорно улыбнувшись, и принялся искать на моем лице ответную улыбку. Не обнаружив, тут же посерьезнел. – Вы очень побледнели, сеньорита Майя. На-

верное, здесь, на высоте, слишком много солнца. Давайте я вас сейчас сфотографирую на память, и мы спустимся вниз, в кафе. Вам надо выпить воды. Фотографию, конечно же, сделаем в традиционной манере. Вы встанете перед статуей Христа и широко раскинете руки, как бы повторяя позу памятника.

Я послушно повиновалась, хотя чувствовала себя немного глуповато. Но пришлось уподобиться сотням тысячам других туристов. Я тоже широко развела руки в разные стороны, как велел мне Флориано, и даже попыталась изобразить некое подобие улыбки на своем лице.

Покончив с фотографированием, Флориано повел меня вниз по лестнице, в небольшое прохладное кафе, усадил за столик, а сам побежал за водой. Вернулся с бутылкой воды в руке и разлил ее по стаканам, после чего уселся на стул напротив меня.

– Итак, что же у вас за история? Расскажите.

– Флориано, все очень сложно, – вздохнула я. Добавить что-то еще у меня просто не было сил.

– Понятно-понятно. Я для вас человек чужой. С какой стати вам делиться со мной своими историями? – флегматично кивнул он головой. – Пожалуй, я бы тоже не стал этого делать. Но можно два вопроса?

– Конечно.

– Ваша «сложная история» и есть та причина, по которой вы оказались в Рио?

– Да.

– И второй вопрос. Что такого я сказал там, наверху, что так сильно потрясло вас?

Какое-то время я обдумывала свой ответ, молча потягивая воду из стакана. Вся проблема в том, что если я начну рассказывать, то мне придется идти до конца и рассказать ему все. С другой стороны, тот крохотный треугольный камешек с едва заметной, полустертой надписью на обороте, он явно предназначался в свое время для статуи Христа. А следовательно, Флориано – это один из немногих, кто может подтвердить мою догадку наверняка. Вот и получается, что выбора у меня нет.

– Я хочу вам кое-что показать, – проронила я наконец.

– Так покажите! – тут же насел он на меня.

– Эта вещица осталась в отеле. Я положила ее в сейф.

– Что-то ценное? – Флориано удивленно вскинул брови.

– Нет, дело здесь не в финансах. Просто для меня это очень ценная вещь.

– Что ж, с учетом того, что я уже провел долгих три часа у подножия Христа, имею законное право на перерыв. Я отвезу вас сейчас в отель, и вы покажете мне то, что хотите показать. Идет?

– Право же, Флориано, мне совсем не хочется злоупотреблять вашим временем.

– Сеньорита Майя, мне не меньше вашего хочется спуститься с горы, – сказал Флориано, поднимаясь со стула. –

Уверяю вас! И прошу составить мне компанию в этом спуске. Идемте же!

– Хорошо. И заранее спасибо.

К моему удивлению, Флориано не повел меня снова на поезд, а направился к небольшой стоянке микроавтобусов рядом с кафе. Зашел в один из них, дружески похлопал по спине водителя. В салоне автобуса уже сидело несколько пассажиров. Через пару минут и мы присоединились к ним, уселись на свои места, и автобус тронулся вниз по петляющей дороге, окруженной с обеих сторон непроходимыми джунглями. А еще через пару минут мы с Флориано были уже на стоянке автомобилей. Флориано подошел к небольшому красному «Фиату» и открыл дверцу.

– Иногда мои клиенты не изъявляют желания подниматься наверх поездом, несмотря на всю красочность такого подъема. И тогда я прямиком доставляю их сюда, – пояснил мне Флориано. – Итак, сеньорита Майя, куда держим путь? – поинтересовался он у меня, усаживаясь в водительское кресло.

– Отель «Цезарь-Парк» в Ипанеме.

– Отличное место! И мой любимый ресторан расположен прямо за углом. А желудок уже посылает мне недвусмысленные сигналы о том, что самое время что-нибудь перекусить. Да я вообще люблю покушать, – заключил он с коротким смешком. Мы быстро вырулили на следующий отрезок дороги, плавно петляющей сквозь джунгли. – Скажу честно,

вы меня очень заинтриговали. Мне уже не терпится увидеть то, что вы собираетесь показать мне. – Наконец мы выехали из лесной чащобы и влились в нескончаемый поток машин, проносящихся по Космо Вело в центр города.

– Вполне возможно, ничего интересного, – не очень уверенно ответила я.

– Ну, тогда вы вообще ничего не теряете, если покажете эту вещь мне, – спокойно отреагировал Флориано на мои слова.

Всю дорогу я украдкой разглядывала своего спутника. Для меня всегда было непросто знакомиться лично с тем человеком, с которым ранее я общалась лишь заочно. Сразу же возникал какой-то момент неловкости. Хотя если говорить конкретно о Флориано, то он оказался точь-в-точь таким, как я и представляла его себе по переписке и по его романам.

Конечно, он очень хорош собой, гораздо красивее, чем на фотографиях. Частично из-за шарма, из-за той притягательной раскованности, с которой он общается с людьми, и из-за той положительной энергии, которую буквально источает вся его стать. Все в этом человеке, густые темные волосы, загорелая смуглая кожа, сильное мускулистое тело, выдает несомненные южноамериканские корни в его родословной.

К большому сожалению, такие мужчины – не мой тип. Я больше тяготею к бледнолицым сынам Запада: светлые волосы, светлая кожа. Что ж, учитывая свою собственную смуг-

лолицесть, можно предположить, что *противоположное* тянется к противоположному.

– Вот мы и приехали, – объявил Флориано, тормозя возле центрального входа в отель. – Поднимайтесь к себе, забирайте то, что собираетесь показать, а я пока подожду вас здесь.

Поднявшись к себе в номер, я причесалась, слегка подправила помаду на губах, затем достала из сейфа треугольный камешек и положила его к себе в сумочку.

– А сейчас отправляемся на обед, – объявил Флориано, когда я снова уселась к нему в машину, и мы тут же тронулись с места. – Здесь недалеко, всего один квартал. Проблема лишь в том, где мне там припарковаться. – И действительно, через пару минут он указал мне на белоснежное здание в колониальном стиле с летней террасой, на которой были расставлены столики. – Вот наш ресторан. Ступайте, зарезервируйте нам столик. А я управлюсь с машиной и сразу же присоединюсь к вам.

Я послушно направилась в сторону ресторана, официант любезно подыскал для меня столик в тени. Я стала лениво разглядывать посетителей ресторана, а потом, воспользовавшись свободным моментом, решила проверить свой мобильник, прочитать эсэмэски, если таковые имеются. И снова у меня душа ушла в пятки, когда я включила голосовое сообщение и услышала голос Зеда. Он сказал, что наведася в Атлантис, но домоправительница сообщила ему, что я отсутствую, нахожусь где-то за рубежом. Ему было жаль, что мы

разминулись, тем более что завтра он уже отбывает в Цюрих.

Следовательно, опасность миновала, и я могу спокойно возвращаться домой...

– *Meu Deus!* Я оставил вас одну всего лишь на несколько минут, и вы снова переменились в лице, – воскликнул Флориано, подходя к столику. Он бросил на меня озадаченный взгляд, усаживаясь напротив. – Что случилось на сей раз?

Я поразила его острому взгляду. Надо же! Дважды он тут же заметил мое внутреннее напряжение. Да, от такого человека трудно будет что-то утаить. Пожалуй, его врожденную интуицию можно сравнить с лучом лазера, способного проникнуть в любые глубины сознания.

– Ничего такого, – поспешила я его успокоить, пряча мобильник в сумочку. – Скорее, мне сейчас даже полегчало.

– Отлично. Тогда я заказываю себе богемское пиво. Хотите присоединиться?

– Вообще-то, если честно, я не большой любитель пива.

– Но Майя! Мы же с вами в Рио! Или вы уже успели забыть об этом? Вы обязательно должны отведать местного пива. Или, на худой конец, наш самый популярный коктейль «Кайпирина». Правда, он гораздо крепче пива, – не забыл предупредить меня на всякий случай Флориано.

Я согласилась на пиво, а когда к нашему столику подошел официант, мы оба заказали сэндвич со стейком, опять же по рекомендации Флориано.

– Говядина – аргентинская. Мы хоть и недолюбливаем

этих аргентинцев за то, что они слишком часто обыгрывают нас в футбол, но вот против их коров ничего не имеем, – пошутил Флориано и тут же рассмеялся собственной шутке. – А теперь показывайте! Боюсь, мое нетерпение уже достигло своего апогея. Что там у вас за ценность такая?

– Ладно! – Я извлекла из сумочки камень и положила его на шероховатую деревянную поверхность стола прямо между нами.

– Можно? – спросил он, протягивая руку, чтобы взять камень.

– Конечно.

Он осторожно взял камень и принялся внимательно разглядывать его со всех сторон. Потом стал изучать едва различимые слова на обороте.

– Понятно! – выдохнул он наконец, и я услышала удивление в его голосе. – Теперь я понимаю, что вас так потрясло наверху, возле статуи Христа. И, упреждая ваш вопрос, скажу так: у меня такое впечатление, что этот камешек изначально предназначался для украшения статуи Христа. Так-так-так, – машинально повторил он и погрузился в длительное молчание. Наконец он заговорил: – Можете рассказать мне, как этот камешек попал к вам?

В этот момент нам подали пиво и тут же принесли сэндвичи со стейком. Я начала излагать свою историю. Флориано слушал молча, лишь изредка перебивая меня, если ему требовалось прояснить какие-то детали. К концу моего по-

вестования тарелка Флориано была уже пуста, а я лишь едва притронулась к своей.

– Итак, меняемся ролями. Сейчас вы кушайте, а я буду говорить. – Флориано жестом указал на мою тарелку, и я послушно приступила к еде. – В чем-то я точно смогу помочь вам. Я имею в виду то семейство, которое когда-то обитало на вилле Каса дас Оркуидеас. Это – Айрис Кабрал, хорошо известная фамилия в Рио. Аристократическое семейство. Ведут свою родословную от старинного португальского рода, имеющего королевские корни. Правда, теперь это уже не имеет особого значения. Многие представители семейства Кабралов славно отметились в более чем двухвековой истории нашего города.

– Но у меня нет никаких доказательств, которые я могла бы предъявить этой старой даме, что имею отношение к ее семье, – напомнила я ему.

– Не будем пока столь категоричными. Нужно провести полноценное расследование и только после этого браться что-то утверждать, – возразил Флориано. – К примеру, лично я могу наведаться в архив и порыться в старых метрических книгах, в которых фиксируются не только даты рождения и смерти, но и даты вступления в брак. А уж если речь идет о такой почтенной католической семье, то не сомневаюсь: все данные о ее членах скрупулезно хранятся до сего дня. Потом нам надо постараться во что бы то ни стало разобрать имена на оборотной стороне вашего камешка. Тогда

мы сможем сравнить эти имена с теми, которые носили в то время члены семейства Айрис Кабрал.

Меня начало слегка подташнивать, и голова закружилась. Видно, подействовало пиво. Да и встала я сегодня ни свет ни заря.

– И что нам это даст? – поинтересовалась я у своего собеседника. – Предположим, имена совпадут. Все равно старуха не признает меня ни под каким видом.

– Не будем торопиться с выводами, Майя. Предлагаю двигаться шаг за шагом. И пожалуйста, никаких упаднических настроений. Вы ведь специально прилетели в Рио, чтобы на месте узнать историю своей семьи, а через день уже готовы сдать. Так нельзя. Предлагаю следующий план, если вы не возражаете. Вы сейчас вернетесь к себе в отель и немного поспите, а я в это время поиграю в детектива.

– Право же, Флориано, мне неловко, что я доставляю вам столько хлопот.

– Хлопот? Какие хлопоты? Для меня как для историка такое расследование – самый настоящий подарок судьбы. Однако заранее предупреждаю. Возможно, некоторыми коллизиями наших с вами поисков я воспользуюсь в одном из своих следующих романов, – улыбнулся в ответ Флориано, а потом кивнул на камешек. – Так это я забираю с собой, да? Поеду прямо сейчас в наш Национальный музей, пообщаюсь с приятелями. Надеюсь, с их помощью в лаборатории музея, оснащенной самой современной оптикой и всевозможными

ультрафиолетовыми приборами, нам удастся разобрать текст на обороте камня.

– Конечно, забирайте, – сказала я, а про себя подумала, что с моей стороны было бы верхом невоспитанности ответить на его просьбу отказом. Внезапно за спиной Флориано замаячили две молоденькие девушки, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

– Простите, сеньор, вы Флориано Квинтелас? – спросила у него одна из девушек, подходя поближе к столику.

– Да, это я.

– Мы просто хотим сказать, что нам очень понравилась ваша последняя книга. Вы не могли бы дать мне автограф? – Девушка протянула Флориано небольшую записную книжку и ручку.

– С удовольствием, – расплылся он в добродушной улыбке, ставя свой автограф. Потом еще несколько минут мило поболтал с девушками, после чего те удалились, раскрасневшиеся от волнения, но ужасно довольные состоявшейся встречей.

– А вы, как я посмотрю, самая настоящая знаменитость, так сказать, селебрити, – слегка подначила я его.

– В Рио – да, – беззаботно откликнулся он. – Моя книга стала тут бестселлером, но только потому, что я сам приплачиваю людям, чтобы они ее читали, – пошутил он. – Правда, многие страны уже приобрели права на перевод романа. Обещают издать в следующем году. Так что подождем

и посмотрим, смогу ли я в обозримом будущем завязать с профессией гида-экскурсовода и всецело сосредоточиться на литературном труде.

– Ваш роман действительно очень хорош. Трогательная, хватающая за душу история. Не сомневаюсь, книга будет иметь повсеместный успех.

– Спасибо за добрые слова, Майя. Что ж, ваш отель тут рядом, всего в двух шагах, прогуляйтесь немного. – Флориано махнул рукой, указывая мне правильное направление. – А я, пожалуй, помчусь в музей. Надо успеть до закрытия, пока у них в отделах не закончился рабочий день. Давайте договоримся встретиться ровно в семь часов вечера в вестибюле гостиницы, ладно? Очень даже может быть, что к тому времени у меня уже появятся ответы на некоторые ваши вопросы.

– Хорошо. Но только если вы не заняты и у вас есть свободное время.

– Есть. А пока – *чао*.

Он помахал рукой на прощание и заторопился на выход. Я тоже вышла на улицу и двинулась в противоположном направлении, размышляя по дороге о своем новом знакомом. Историк, писатель, местная знаменитость, подрабатывающая время от времени экскурсоводом. Надо признаться, Флориано действительно самый настоящий человек-сюрприз.

– Итак...

По лицу Флориано, появившегося в холле отеля несколько часов спустя, было видно, что он просто сгорает от нетерпения, жаждет поделиться со мной свежайшими новостями. На лифте мы поднялись на самый верхний этаж и вышли на открытую террасу.

– У меня для вас кое-что есть, – начал он с места в карьер. – Хорошие новости. Думаю, за них вы можете выпить свой первый в жизни коктейль «Кайпиринья».

– Хорошо, – согласилась я. Мы сели за столик у края террасы, и я невольно залюбовалась солнечным закатом. Солнце медленно садилось, постепенно прячась за горной вершиной «Два Брата». Стало смеркаться.

– Вот! Взгляните на это! – Он протянул мне листок бумаги, который извлек из своего пластикового портмоне. – Здесь список всех членов семьи Айрис Кабрал начиная с 1850 года, с указанием дат их рождения, вступления в брак и смерти.

Я молча глянула на листок, все еще не в силах поверить в то, что все эти люди имеют какое-то отношение ко мне.

– Как вы видите, Густаво Айрис Кабрал женился на Изабелле Бонифацио в январе 1929 года. В апреле 1930 года у них родилась дочь Беатрис Луиза. Поскольку дата смерти возле ее имени отсутствует, то можно предположить, что это

та самая старая дама, которую вы вчера встретили на вилле.

– А дети у нее были? – живо поинтересовалась я.

– Да, были. В 1951 году она вышла замуж за Эвандро Карвальо, и у них тоже родилась дочь Кристина Изабелла. Это случилось в 1956 году.

– Карвальо? Но это же фамилия старой дамы. Я сама слышала, как служанка, обращаясь к ней, именно так ее и назвала. А Кристина? Что случилось с ней?

– Вот здесь ниточка обрывается. Во всяком случае, в метрических книгах Рио нет никаких упоминаний о ее смерти или рождении у нее детей. Естественно, нет никаких сведений и об отце потенциального ребенка, если он был. Мы даже не знаем, была ли Кристина замужем. К сожалению, архив уже закрывался, и у меня не хватило времени на то, чтобы провести перекрестную сверку.

– Итак, если я принадлежу к членам семьи Айрис Кабрал, что еще само по себе большой такой вопрос, то Кристина вполне подходит на роль моей матери, – задумчиво бросила я. Нам подали напитки. – За ваше здоровье! – Я подняла бокал и сделала большой глоток. И с непривычки чуть не задохнулась. Горьковатая крепкая жидкость обожгла мне горло.

Флориано весело рассмеялся, наблюдая за моей реакцией на «Кайпиринью».

– Я же предупреждал вас: коктейль крепкий, – заметил он и отхлебнул из своего стакана с таким невозмутимым видом,

будто пил воду. — Я успел побывать и в Национальном музее, попросил своего приятеля сделать быстрый осмотр камня с помощью специальной установки с ультрафиолетовыми лучами. Единственное, что удалось ему разобрать наверняка, это первое имя — Изабелла. Судя по тем записям, которые я сделал, она вполне может быть вашей прабабушкой.

— А второе имя?

— С ним дела обстоят похуже. Буквы совсем стерлись. Приятелю потребуются дополнительные исследования. Правда, первые три буквы он разобрал.

— Инициалы моего предполагаемого прадедушки? Густаво Айрис Кабрал?

— Нет. Вот что удалось прочесть моему другу. — Флориано протянул мне еще один листок бумаги.

Я посмотрела на буквы. Потом бросила вопросительный взгляд на Флориано.

— *L a u...*?

— Дайте моему Стефано еще двадцать четыре часа, и, я уверен, он прочитает всю надпись до конца. Он один из лучших специалистов в этой области, если не самый лучший. Еще хотите? — Флориано кивнул на мой бокал с коктейлем.

— Нет, пожалуй, лучше бокал белого вина.

Флориано повторил заказ на выпивку, после чего уперся в меня напряженным взглядом.

— Что не так? — спросила я у него.

— У меня еще кое-что для вас припасено, Майя. И если

вы сочтете это недостаточным доказательством того, что вы связаны родственными узами с семейством Кабрал, то тогда я не знаю, что еще можно предложить. Готовы взглянуть?

– Надеюсь, ничего ужасного? – подозрительно спросила я.

– Напротив. Все очень красиво. Вот!

Еще один листок проследовал ко мне. На сей раз на нем была копия старинной фотографии. На фото было женское лицо.

– Кто это?

– Изабелла Айрис Кабрал. Ее имя указано первым на обороте вашего камешка. Судя по всему, это ваша прабабушка. Вы же не станете, Майя, отрицать очевидного сходства между вами.

Я вгляделась в лицо женщины. Пожалуй, Флориано прав. На меня, словно из зеркала, смотрело собственное лицо.

– Все может быть, – неохотно процедила я.

– Майя! Никаких «может быть»! – возмутился Флориано. – Скажу больше. Эта фотография – лишь одна из немногих, что хранятся в архиве, в том числе и на страницах старых газет. Все это я скопировал в Национальной библиотеке себе на флешку. Изабелла, как я уже говорил, в январе 1929 года вышла замуж за Густаво Айриса Кабрала. Венчание состоялось в кафедральном соборе Рио-де-Жанейро. Судя по газетным публикациям тех лет, то была, безусловно, свадьба года в высшем обществе Рио.

– Все так, но наше сходство может быть и чистой случай-

ностью, – продолжала упорствовать я, испытывая определенную неловкость от того, что Флориано настойчиво сравнивает меня с какой-то великосветской красавицей былых времен. – Хотя... – вдруг вспомнила я.

– Что «хотя»? – немедленно вцепился в меня Флориано.

– Хотя на вилле я успела заметить скульптуру в дальнем углу террасы. Она меня поразила своей формой. Обычно такие статуи не устанавливают в саду. Фигура женщины, сидящей в кресле. И лицо ее очень похоже на лицо с фотографии. Скорее всего, это одна и та же женщина. А еще помню, когда я посмотрела на ее лицо, оно показалось мне странно знакомым.

– Еще бы! Вы ведь с ней похожи как две капли воды! – воскликнул он, глядя на то, как официантка снимает с подноса свежие порции выпивки и ставит бокалы перед нами на стол. – Как бы то ни было, а у нас наметился явный прогресс. Успехи, так сказать, налицо.

– Я вам крайне признательна, Флориано. Правда... Однако не думаю, что вчерашняя старуха захочет мне что-либо рассказать или тем более признать свое родство со мною. Да и с какой стати она должна это делать? Разве вы, окажись на ее месте, повели бы себя иначе? – задала я провокационный вопрос.

– Пожалуй, вы правы, – после некоторого раздумья согласился со мной Флориано. – Если бы в моем саду вдруг очутился совершенно незнакомый человек и если бы эта незна-

комка была бы сильно похожа на мою мать и при этом еще заявила, что она приходится мне родственницей, то я бы тоже усомнился в ее словах и отнесся бы к ее появлению с крайним подозрением.

– И куда нам двигаться дальше?

– Обратно к ней, к этой старой даме. На сей раз я тоже пойду вместе с вами в качестве сопровождающего. Думаю, услышав мою фамилию, она отнесется к вам с большим вниманием.

Я не смогла сдержать едва заметной улыбки. Святая вера Флориано в то, что старуха в курсе того, кто он такой, немного забавляла. Впрочем, все они в Южной Америке такие. Без тени смущения готовы раструбить на весь белый свет о своих талантах и достижениях.

– И потом, я тоже хочу своими глазами, Майя, увидеть ту скульптуру, о которой вы только что рассказали мне. Словом, вы не против, если мы отправимся на виллу вместе?

– Очень даже не против. Ваша помощь в моих поисках просто неоценима.

– Уверяю вас, для меня большое удовольствие заняться подобными изысканиями. Как не помочь женщине, прямому отпрыску и точной копии одной из самых известных бразильских красавиц недалекого прошлого?

Я слегка покраснела, почувствовав себя неловко от столь преувеличенного комплимента. Мой циничный ум немедленно стал прикидывать, что именно ожидает от меня Фло-

риано за свою помощь. Случайный секс? Сегодня ведь это считается в порядке вещей. Но только не для меня.

– Простите! – промолвил он, услышав звонок своего мобильного, и оживленно затараторил в трубку на португальском с кем-то, кого он называл *querida* (*дорогуша моя*). – Нет проблем. Буду минут через пятнадцать. – Флориано взглянул на меня и тяжело вздохнул. – К сожалению, вынужден вас покинуть, – сказал он, осушая свой стакан до дна. – Петра, девушка, которая живет у меня, умудрилась снова потерять ключи от нашей квартиры. – Он с деланным возмущением округлил глаза и взмахом руки позвал к себе официантку, чтобы рассчитаться.

– Нет! – тут же возразила я. – На сей раз плачу я. И еще раз большое спасибо за помощь.

– И вам спасибо! – Он отвесил учтивый поклон. – В какое время за вами заехать завтра?

– Как вам будет удобно. У меня нет никаких конкретных планов на завтрашний день.

– Тогда предлагаю в половине одиннадцатого. Успеем до ленча, и сеньора Беатрис Карвальо, я надеюсь, еще не погрузится в свой послеобеденный сон. Не вставайте, – сказал он, поднимаясь со своего стула. – Продолжайте наслаждаться вином. Итак, до завтра, Майя. *Чао!*

Он отошел от столика, кивком головы попрощался с официанткой, которая, судя по тому, как она ела Флориано глазами, тоже узнала известного писателя. Я отхлебнула еще

немного вина и подумала про себя: «Какая дура! Это же надо вообразить себе такое... Будто этот мужчина захочет переспать со мной».

Флориано, как и большинство других людей вокруг меня, живет своей полнокровной жизнью. Я снова поднесла к губам бокал вина. А вдруг я тоже сейчас стою на пороге своей новой жизни? Тогда мои поиски вполне оправданны.

На следующее утро точно в условленное время Флориано уже поджидал меня в фойе. Мы снова уселись в его «Фиат», и Флориано поехал, лихо лавируя в сплошном потоке городского транспорта. Иногда у меня занималось дыхание от страха, ибо столкновение с другой машиной казалось почти неизбежным.

– Кто ваши предки? – спросила я, чтобы отвлечь свое внимание от его рискованной, если не сказать наводящей ужас, манеры вождения. – Вы коренной бразилец?

– А что вы вкладываете в это понятие – «коренной бразилец»? – ответил Флориано вопросом на вопрос. – В Бразилии не существует такого термина. Мы, можно сказать, нация полукровок. В крови бразильцев перемешаны десятки национальностей, разные религии и верования, разный цвет кожи... К коренным бразильцам можно разве что отнести те народы, которые заселяли этот континент на тот момент, когда сюда пятьсот лет назад пришли португалцы и предъявили свои права на все богатства здешних территорий. Началось массовое истребление аборигенов. Те же, кто избежал насильственной смерти, умерли позднее от страшных болезней, которые привезли с собой завоеватели. А что касается конкретно моей семейной истории, то она такова: мама у меня португалка, отец – итальянец. Так что о чистоте крови в

Бразилии рассуждать не приходится.

Как же быстро приобретаются знания о стране, которая, вполне возможно, является моей родиной, подумала я про себя.

– А что скажете о семействе Айрис Кабрал?

– Представьте себе, в их родословной тоже есть любопытные подробности. До тех пор, пока в семью не влилась Изабелла, ваша потенциальная прабабушка, в их роду были исключительно одни португалыцы. Отец Изабеллы, Антонио Бонифацио, был очень богатым человеком, из итальянцев. Он, как и многие его современники, сколотил свое состояние на кофе. Яснее ясного, что семейство Кабрал переживало тогда далеко не самые лучшие времена. Впрочем, как и большинство аристократических семейств со своими ленивыми и ни к чему не приспособленными чадами. А Изабелла была очень хороша собой, к тому же богата. Словом, такая удачная сделка с обеих сторон.

– Но все это скорее домыслы, чем неопровержимые факты, – возразила я.

– Разумеется, это сугубо мое личное предположение. На все сто процентов. Но в любом историческом исследовании, как вам известно, догадка играет огромную роль. Помимо, конечно, фактических документов, таких, как старые письма, дневники, фотографии и прочее, – пояснил мне Флориано. – Ничего нельзя утверждать наверняка. Ибо свидетели тех событий, которые могли бы подтвердить нам, так это бы-

ло на самом деле или нет, уже давно ушли в мир иной. А потому историк должен уметь складывать свои пазлы и составлять единую целостную картину того или иного события из разрозненных и случайных фрагментов.

– Пожалуй, вы правы, – согласилась я, понимая, что именно он имел в виду.

– В эпоху Интернета, когда все и везде фиксируется, записывается и сохраняется в памяти, исторические изыскания со временем приобретут иной характер. Да и сама история станет другой. Мы вступаем в такое время, когда стремительно уменьшается количество всяких тайн, секретов, мистических событий, которые все еще ждут своего объяснения. Слава богу, я к тому же и писатель. А вот мою исходную профессию историка уже узурпировали мистер Википедия и его приятели. Так что, когда я стану стариком, все мои воспоминания не будут иметь никакой ценности. Все это можно будет легко найти на любом сайте.

Я задумалась над последними словами Флориано, даже не заметив, что тот, не спрашивая меня о дороге, в нужном месте свернул с проезжей части и покатиł по подъездной дорожке, ведущей к вилле.

– А откуда вам известен этот адрес? – удивилась я, когда он уверенно остановил машину прямо перед домом.

– Моя дорогая Майя, ваши потенциальные родственники, которых вы потеряли в раннем детстве, очень известная семья в Рио. Можно сказать, такой чудом сохранившийся ве-

ликолепный осколок былых времен. Итак, – Флориано заглушил двигатель и повернулся ко мне: – Готовы?

– Да.

Флориано пошел первым. Мы подошли к крыльцу и поднялись по ступеням к парадной двери.

– Звонок не работает, – тут же предупредила я его.

– Тогда я постучу.

И он постучал, да так, что и мертвые бы услышали. Но никакой реакции на этот громогласный стук не последовало. Тогда Флориано забарабанил в дверь с удвоенной силой. Откуда-то из самых глубин дома послышался шум приближающихся шагов. Потом отодвинули засов, повернулся ключ в дверном замке. Наконец распахнулась и сама дверь, и я увидела на пороге седовласую чернокожую служанку, с которой встречалась вчера. Кажется, она тоже узнала меня. На ее лице отразилась явная паника.

– Прошу прощения, сеньора, за то, что побеспокоил вас, – учтиво начал Флориано. – Меня зовут Флориано Квинтелас. Я друг сеньориты Деплеси. Уверяю вас, мы вовсе не хотим потревожить вашу хозяйку. Однако у нас есть кое-какая информация, которая, как мы считаем, может показаться интересной и ей. Я – довольно известный историк и писатель.

– Я знаю, кто вы, сеньор Квинтелас, – ответила ему служанка, не сводя глаз с меня. – Сеньора Карвальо пьет кофе в утренней гостиной. Я уже предупреждала вашу спутницу: сеньора очень больна.

Слушая вежливую речь служанки, я вдруг почувствовала непреодолимое желание хихикнуть. Такое впечатление, будто она сейчас на сцене, разыгрывает перед нами некую второсортную мелодраму в викторианском стиле.

— А не могли бы вы проводить нас к сеньоре Карвальо, чтобы мы сами объяснили ей цель нашего прихода? — предложил служанке Флориано. — И, если она откажется беседовать с нами, обещаю, мы немедленно покинем ваш дом.

Флориано уже предусмотрительно поставил одну ногу на порог. Служанка, растерявшись, слегка попятилась, и мы с Флориано вошли вслед за ней в огромный величественный вестибюль с мозаичным полом. Резная лестница плавно поднималась на верхние этажи дома. По центру помещения стоял массивный стол-тумба из красного дерева. Возле одной из стен возвышались красивые напольные часы-куранты. Из-под лестницы виднелся длинный коридор, ведущий во внутренние покои дома.

— Пожалуйста, проводите нас к хозяйке, — обратился Флориано к служанке, уже успевшей оправиться от столь неожиданного вторжения.

На какую-то долю секунды она замялась в нерешительности, словно прикидывая, что ей делать. Потом молча кивнула в знак согласия и повела по коридору. Мы послушно шли следом. Уже в самом дальнем конце полутемного коридора служанка вдруг остановилась возле одной из дверей и повернулась к нам. По ее лицу было видно, что она преисполнена

решимости не пустить нас в комнату, пока сама не перего-
ворит с хозяйкой.

– Подождите здесь, – строго сказала она, постучала и исчезла за дверью, захлопнув ее прямо перед нами. Я взглянула на Флориано.

– Вообще-то это старая больная женщина. Имеем ли мы право беспокоить ее?

– Конечно, не имеем, – согласился со мной Флориано. – А она имеет моральное право скрывать от вас, Майя, историю вашего рождения? Имена ваших настоящих родителей? Эта женщина за дверью не просто женщина. Она, скорее всего, ваша бабушка. А ее дочь была вашей матерью. Так, может быть, не стоит уж так сильно переживать из-за того, что мы нарушим устоявшийся распорядок ее утреннего бдения и отнимем у нее пару минут драгоценного времени?

Служанка вышла из комнаты.

– В вашем распоряжении пять минут и ни минутой больше.

И снова я почувствовала на себе пристальный взгляд старой служанки. Мы вошли вслед за ней в темную комнату, в которой пахло затхлостью и сыростью. Судя по всему, в этой комнате десятилетиями ничего не менялось. Постепенно глаза мои привыкли к полумраку. Я разглядела прохудившийся восточный ковер на полу и выцветшие мятые шторы из дамасского шелка на окнах. Однако откровенную убогость помещения с лихвой компенсировала красивая анти-

кварная мебель из розового дерева с инкрустацией под орех и великолепная хрустальная люстра, свисающая с потолка.

Сеньора Карвальо сидела в просторном кресле с высокой спинкой, обтянутом бархатом. Колени ее были прикрыты пледом. На небольшом приставном столике рядом с креслом стоял кувшин с водой и громоздилась целая батарея разнообразных бутылочек со снадобьями.

– Это снова вы, – промолвила она, увидев меня.

– Пожалуйста, простите сеньориту Деппеси за то, что она решила еще раз потревожить вас, – подал голос Флориано. – Но, как вы понимаете, для нее крайне важно отыскать родных, и она не намерена прекращать свои поиски.

– Сеньор Квинтелас, – тяжело вздохнула старуха. – Я уже вчера сказала вашей приятельнице, я ничем не могу помочь ей.

– Вы в этом уверены, сеньора Карвальо? Достаточно лишь взглянуть вот на этот портрет, который висит на стене прямо над камином, чтобы убедиться в том, что это не так. И потом, сеньорита Майя пришла к вам вовсе не из коростных побуждений. Ей не нужны ваши деньги. Она хочет лишь установить свою родословную, отыскать родных. И что в этом плохого? Разве можно винить человека за такое вполне естественное желание?

Я глянула на стену, куда показал Флориано, и увидела женский портрет маслом. И сразу же узнала Изабеллу Айрис Кабрал. На сей раз у меня не возникло и тени сомнения

насчет нашего сходства. Я действительно похожа на нее как две капли воды.

– Изабелла Айрис Кабрал была вашей матерью, – продолжал между тем вещать Флориано. – А еще у вас была дочь Кристина. Она родилась в 1956 году.

Старая дама выпрямилась в кресле и молча поджала губы.

– То есть вы с ходу отмечаете любую возможность того, что сеньорита может быть вашей внучкой? Должен сообщить вам, сеньора, что в настоящий момент мой хороший друг, работающий в Национальном музее Бразилии, как раз занимается исследованием вещественного доказательства происхождения сеньориты Деплеси. Так что мы еще обязательно вернемся к вам, – пообещал Флориано.

Старуха продолжала хранить молчание, упорно избегая взгляда Флориано. Внезапно она слабо охнула от боли.

– Пожалуйста, оставьте меня, – попросила она, и я увидела агонию в ее глазах.

– Достаточно! – умоляюще прошептала я, обращаясь к Флориано. – Она больна, нельзя подвергать ее дополнительным мучениям.

Флориано уступил. Отвесив легкий поклон, он проронил:

– *Адью*, сеньора Карвальо. Желаю вам хорошего дня.

– Простите нас, сеньора Карвальо, – сказала я. – Обещаю, больше мы вас не побеспокоим.

Флориано круто развернулся и вышел из комнаты. Я, в расстроенных чувствах и почти на грани слез, поплелась за

ним.

В вестибюле нас поджидала служанка. Мы направились прямо к ней.

– Спасибо, что провели нас к сеньоре, – поблагодарил ее Флориано, пока она провожала нас к входным дверям.

– Поговорите с ней о чем-нибудь, – шепотом попросил он меня. – Займите ее хотя бы на пару минут. Я тут хочу кое на что взглянуть.

Флориано метнулся куда-то в сторону, я повернула свое расстроенное лицо к служанке.

– Мне очень жаль, что мы побеспокоили сеньору Карвальо, нарушили ее покой. Обещаю, больше мы никогда не появимся в вашем доме без ее позволения.

– Сеньора Карвальо очень больна, сеньорита. Она при смерти. Ей осталось совсем немного, понимаете меня?

Она замешкалась на пороге рядом со мной, и я поняла, что ей страшно хочется добавить что-то еще.

– Я вот тут хотела спросить, – начала я, махнув рукой в сторону неработающего фонтана перед домом. – Вы работали здесь в то время, когда вилла блистала своим былым великолепием?

– Да, я тут работала. Ведь я родилась в этом доме.

Женщина о чем-то печально задумалась, глянув на бездействующее сооружение. Затем она снова повернулась ко мне. Краешком глаза я заметила, как Флориано исчез за углом дома.

– Сеньорита, – прошептала служанка, – у меня для вас кое-что есть.

– Простите, что вы сказали? – Засмотревшись на маневры Флориано, я пропустила последнюю реплику служанки.

– У меня для вас кое-что есть, – повторила она снова. – Но, пожалуйста, поклянитесь мне, что, если я отдам вам это, вы никогда не скажете сеньоре Карвальо. Она ни за что не простит мне подобного предательства.

– Конечно, обещаю, – ответила я. – Я все прекрасно понимаю.

Служанка достала из кармана своего белоснежного фартука тощий пакет из упаковочной бумаги и протянула его мне.

– Прошу вас. Никому ни слова о том, что я дала вам, – с волнением промолвила она еще раз. – Эти бумаги достались мне от моей покойной матери. Она отдала их мне перед своей кончиной, велела беречь как зеницу ока. Сказала, что они – часть истории семейства Айрис Кабрал.

Я смотрела на служанку в немом изумлении.

– Спасибо! – выдохнула я, обрадовавшись тому, что Флориано снова появился и уже стоял рядом со своей машиной. – Но почему вы решили отдать эти бумаги именно мне?

Длинным костлявым пальцем женщина ткнула в лунный камень, висевший у меня на шее на тоненькой золотой цепочке.

– Я знаю, кто вы. *Адью.*

С этими словами она развернулась и исчезла в доме, закрыв за собой парадную дверь.

Ошарашенная произошедшим, я положила пакет к себе в сумочку и заторопилась по ступенькам вниз, к машине Флориано.

Флориано уже сидел в кабине, двигатель был включен. Едва я уселась рядом, как машина на полной скорости рванула вперед.

– Видели скульптуру? – поинтересовалась я у него.

– Да, – ответил он, отъехав от дома и вырулив на шоссе. – Мне жаль, что сеньора Карвальо категорически отказывается признавать вас, Майя, но мой дотошный ум занят сейчас тем, как свести воедино все разрозненные части этой головоломки. И, если мне удастся это сделать, тогда, возможно, станет понятна и несговорчивость старой дамы. Сейчас я подброшу вас до отеля, а сам после этого поеду в Национальный музей и в библиотеку. Если у меня появятся какие-то дополнительные новости, я вам перезвоню. Договорились?

– Да, пожалуйста, – ответила я, выбираясь из машины.

Взмахнув на прощание рукой, Флориано укатил прочь, а я вошла в гостиничный холл и поехала на лифте к себе в номер. Закрыв за собой дверь, предварительно повесив на нее табличку «Не беспокоить», я подошла к кровати и достала из сумочки пакет. Раскрыла и увидела, что внутри лежит стопка писем, туго перевязанных тесемкой. Положила пачку на кровать, развязала тесемку и взяла в руки первый конверт

с письмом. Увидела, что кто-то вскрыл его с помощью специального ножа для бумаг. Прочитала надпись на конверте, просмотрела другие конверты и поняла, что все письма были адресованы некой сеньорите Лоен Фагундес.

Осторожно извлекла первое письмо из конверта, почувствовав пальцами всю хрупкость старой тисненной бумаги. Развернула лист. Вверху адрес – Париж и дата – март 1928 года. Пробежав глазами несколько писем, я поняла, что ни о какой хронологии не может быть и речи. Все письма были просто собраны в одну кучу, безо всякого порядка. Некоторые письма, датированные 1927 годом, тоже были отправлены в Бразилию и тоже Лоен Фагундес. На других письмах внизу стояла подпись «Изабелла». То есть отправитель писем – та самая женщина, которая предположительно является моей прабабушкой... Я снова вспомнила слова, которые обронила служанка, прощаясь со мной.

«Я знаю, кто вы...»

Мои пальцы непроизвольно потрогали лунный камень на цепочке. А вдруг это мой камень-оберег, подумала я, который достался мне от матери. Вполне возможно, Па Солт не случайно забрал его с собой, когда удочерил меня и увез отсюда грудным младенцем. Помнится, когда отец подарил мне этот кулон, он сказал, что за ним стоит очень интересная история. Наверное, отец так ненавязчиво дал мне понять, что в один прекрасный день я захочу спросить его о том, что за историю скрывает мой лунный камень. А на тот момент он

посчитал, что еще слишком рано начинать разговор о моем прошлом и что не стоит расстраивать меня раньше времени.

Весь следующий час я потратила на то, чтобы рассортировать все письма, их оказалось больше тридцати, и разложить их в хронологическом порядке.

Я уже сгорала от нетерпения, мечтая поскорее приступить к чтению. Меня завораживал безукоризненно правильный, красивый почерк, которым были написаны все письма. Но тут зазвонил мой мобильник, и я услышала на другом конце линии возбужденный голос Флориано.

– Майя, у меня для вас новости. Я могу подъехать к вам прямо сейчас?

– А вы не против, если мы перенесем нашу встречу на завтра? Что-то у меня живот разыгрался, – виновато попросила я его, твердо решив, что всю оставшуюся часть дня я посвящу чтению писем.

– Тогда завтра, в десять часов утра, ладно?

– Хорошо. Надеюсь, к тому времени я уже приду в норму.

– Если вам что-то понадобится, Майя, пожалуйста, звоните мне без промедления.

– Обязательно. Спасибо вам.

– Не стоит благодарностей. Выздоровливайте.

Я отключила мобильник, потом перезвонила дежурному по этажу и попросила принести мне в номер две бутылки воды и двухслойный бутерброд. Как только принесли мой заказ, я тут же впилась в бутерброд зубами. Съела, запила

водой, взяла дрожащими пальцами первое сверху письмо и приступила к чтению.

Изабелла

Рио-де-Жанейро

Ноябрь 1927 года

Изабелла Роза Бонифацио проснулась от звука слегка шаркающих шагов чьих-то маленьких ножек по мозаичному полу. Она села на постели и глянула вниз. На полу сидела небольшая обезьянка и смотрела на нее в упор. В своих крохотных лапках, покрытых шерстью, обезьянка держала расческу. Изабелла не удержалась от смеха при виде этой картины, а обезьянка продолжала таращиться на нее своими прозрачными черными глазками, умоляя не забирать новую игрушку.

– Что, тоже решила навести красоту и причесаться? – спросила Изабелла у зверька, переворачиваясь на живот и сдвигаясь к краю кровати. – Но, пожалуйста, отдай расческу мне! – Изабелла протянула руку к обезьянке. – Это моя расческа. Мама будет недовольна, если узнает, что ты ее у меня украла.

Обезьянка слегка склонила голову набок, словно прикидывая возможные пути к отступлению. И не успела Изабелла своими длинными тонкими пальцами впиться в шерстку зверька на спине и схватить его за шиворот, чтобы вернуть себе расческу, как обезьянка пулей перепрыгнула на подоконник и тут же исчезла из виду.

Изабелла вздохнула и снова откинулась на подушки. Наверняка ей снова достанется от родителей за то, что она, ло-

жась спать, забывает закрывать на ночь ставни в комнате. И вот результат. Расческа в перламутровой оправе была подарена ей на Рождество бабушкой. И, если Изабелла расскажет маме о проказливой мартышке, та явно не очень обрадуется. Изабелла поерзала головой по подушке и вздохнула. У нее еще теплилась слабая надежда, что мартышка обронила расческу где-то в саду, когда убегала прочь, к себе в джунгли, которые начинались сразу же за домом. Все склоны гор утопали в густой зелени.

Слабый ветерок слегка пошевелил густые темные волосы Изабеллы, и одна прядь тут же упала на лоб. Комната наполнилась приятными ароматами гуавы и лимона. Эти деревья росли прямо под окном спальни. Хотя часы на прикроватной тумбочке показывали, что еще только половина седьмого утра, но жара наступающего дня уже давала о себе знать. Изабелла глянула в окно. Ни единого облачка на стремительно светлеющем небе.

Служанка Лоен появится в комнате только через час. Придет, чтобы помочь ей одеться. А что, если воспользоваться моментом, пока все в доме еще спят, и побежать окунуться в прохладных водах великолепного бассейна, выложенного голубой керамической плиткой? Отец недавно соорудил бассейн прямо в саду возле дома.

Бассейн стал последним приобретением Антонио, и он страшно гордился им. Еще бы! Один из первых бассейнов в частных домах Рио. Месяц тому назад отец собрал у себя до-

ма всех влиятельных друзей, чтобы похвастаться перед ними своей новой игрушкой. Гости послушно сгрудились на террасе и с восхищением разглядывали диковинное сооружение. Мужчины в дорогих вечерних костюмах и фраках, дамы в изысканных туалетах, последних новинках парижской моды, приобретенных на центральной улице города – Аве-нида-Рио-Бранко.

Изабелла еще тогда подумала, как смешно, что никто из этих людей не додумался прихватить с собой обыкновенный купальный костюм, что было бы вполне уместно для приема, на котором гвоздем всей программы является демонстрация бассейна. Да и сама она стояла, облаченная в какое-то парадное платье, буквально изнывая от духоты. О, как же ей хотелось в тот момент сбросить с себя свой роскошный наряд и с головой нырнуть в прохладные чистые воды, плескавшиеся внизу. Вообще-то бассейном как таковым у них в доме так никто пока и не воспользовался. Однажды Изабелла спросила у отца, можно ли ей просто окунуться в бассейн, а потом немного поплавать. На что Антонио лишь отрицательно покачал головой.

– Нет, милая. Нельзя, чтобы слуги видели тебя в купальнике. Можешь плавать лишь тогда, когда никого из слуг нет рядом.

Хорошенькое условие, ничего не скажешь. Ведь слуги в их доме присутствуют *везде и всегда*. До Изабеллы быстро дошло, что бассейн для отца – это всего лишь еще одна до-

рогостоящая безделушка, с помощью которой он может пустить пыль в глаза своим приятелям. Еще одна ступенька на пути вверх, в то самое высшее общество, в которое Антонио стремился попасть всю свою жизнь.

Однажды Изабелла спросила у мамы, почему отец никогда не испытывает полного удовлетворения от того, что уже имеет. Ведь они же обитают в одном из самых красивых домов Рио, часто обедают в ресторане самого шикарного отеля города под названием «Дворец Копакабана», у них самая последняя модель автомобиля «Форд». На что мать лишь слегка пожала плечами и миролюбиво сказала:

– Видишь ли, милая, как бы твой отец ни старался, сколько бы он ни приобретал себе новых машин, сколько бы ни имел ферм, одного он не может: поменять свое имя.

К семнадцати годам Изабелла уже кое-что знала о родословной своего отца. Антонио был сыном простых итальянских иммигрантов, которые приехали в Бразилию, чтобы трудиться на плодородных землях многочисленных кофейных плантаций, раскинувшихся вокруг Сан-Пауло. Отец Антонио был не только трудолюбивым человеком, он еще и обладал незаурядным умом. Был бережлив и сумел собрать кое-какие деньги для того, чтобы купить себе собственный надел земли и начать уже свое дело.

К тому времени, как Антонио повзрослел и взял бразды правления в собственные руки, их кофейная плантация превратилась в процветающий бизнес, а потом Антонио прику-

пил еще три плантации. Кофе приносил хороший доход, и семья богатела из года в год. Когда Изабелле исполнилось восемь лет, отец купил красивую старинную фазенду всего лишь в пяти часах езды от Рио. Изабелла и по сей день считает фазенду своим родным домом. Затерянная высоко в горах, огромная фазенда представлялась ей благословенным уголком, манящим к себе уютом и красотой. Все самые лучшие детские воспоминания Изабеллы были связаны именно с домом на фазенде. Ничто не стесняло там ее свободы. Она могла днями резвиться на природе, ездить верхом по раздольным угодьям, раскинувшимся вокруг. Их частное владение занимало площадь более двухсот гектаров. Воистину, у нее было счастливое, беззаботное детство.

Однако для Антонио, все деловые интересы которого были сосредоточены в самом Рио, такая удаленность фазенды от города создавала массу неудобств. Изабелла вспомнила, как однажды за ужином отец стал объяснять маме, почему им все же лучше переехать в город.

– Рио – столица, вся верховная власть Бразилии сосредоточена там, все влиятельные люди тоже там. И мы обязательно должны стать частью этого сообщества.

Бизнес Антонио успешно развивался, а вместе с ним росло и его богатство. Три года спустя отец приехал на фазенду и объявил домашним, что купил дом в Космо Вело, одном из самых рафинированных районов Рио.

– Отныне все эти португальские аристократишки уже не

смогут игнорировать меня. Ведь сейчас все они стали моими соседями! – воскликнул отец и громко стукнул кулаком по столу.

А Изабелла с мамой только обменялись испуганными взглядами, со страхом представив, что вскоре им придется покинуть любимый дом в горах и переехать жить в большой город. Однако обычно послушная мать на сей раз проявила твердость характера и настояла на том, чтобы фазенду Святой Терезы не продавали. По крайней мере, на будущее у них сохранится место, где можно спокойно пересидеть невыносимую жару летних месяцев в Рио.

– Но зачем, мама, зачем он это делает? – расплакалась Изабелла, когда вечером мама зашла к ней в комнату, чтобы поцеловать перед сном. – Мне так хорошо здесь. Я никуда не хочу уезжать с фазенды.

– Папа стремится в Рио, потому что одного богатства ему мало. Ему недостаточно того, что по своему состоянию он уже сравнялся с самыми знатными португальскими фамилиями. Теперь он хочет быть принятым в их обществе на равных. Чтобы они уважали его как своего.

– Ах, мама! Даже я понимаю, что для всех этих надутых столичных снобов мы навсегда останемся упрямыми итальяшками из Сан-Пауло. Никогда ему не добиться равного с ними положения.

– Кто знает, кто знает, – устало бросила в ответ мать. – До сих пор твоему отцу удавалось добиться всего, чего он хотел.

– Мы даже не знаем, мамочка, как там себя вести, в этом высшем обществе, – воскликнула Изабелла. – Я почти всю жизнь прожила в горах. Боюсь, мы не сможем оправдать папиных ожиданий.

– Твой отец уже ведет переговоры с сеньорой Натальей Сантос. Она происходит из аристократической португальской семьи. Семейство в наши дни переживает далеко не лучшие времена. Вот она и зарабатывает себе на жизнь тем, что дает уроки этикета, обучает таких, как мы, правильно себя вести в высшем свете Рио. Кстати, она же может и ввести нас в круг своих аристократических знакомых.

– Словом, из нас хотят сделать кукол. Нарядить в роскошные платья, чтобы мы научились правильно говорить и правильно пользоваться вилок и ножом, да? Уж лучше умереть, чем превратиться в жалкую марионетку!

Изабелла презрительно фыркнула, демонстрируя всю степень своего возмущения.

– Частично ты права, – издала короткий смешок Карла, откровенно забавляясь негодованием дочери. В ее живых карих глазах вспыхнули веселые искорки. – Но не забывай, Изабелла. Ты не только единственная и любимая дочь своего отца. Ты еще и та курица, которая может снести ему золотое яйцо. Ты же у нас настоящая красавица. И твой отец не сомневается, что когда ты расцветешь в полную силу, то с такой внешностью наверняка сумеешь заполучить себе выгодную партию.

Изабелла в ужасе глянула на мать.

– Ты хочешь сказать, что папа вознамерился использовать меня как обычную разменную монету для достижения своих целей? Я ни за что не соглашусь на это! – Изабелла перевернулась на живот и стала ожесточенно лупить по подушке кулачками.

Карла подошла к постели и, пристроив свою дородную фигуру на краешке кровати, осторожно погладила дочь по спине.

– Все не так страшно, как тебе кажется, милая. Поверь мне, – успокоила она ее.

– Но мне же еще только пятнадцать лет. И я хочу выйти замуж по любви, а не по расчету. А эти португальцы, они все такие бледнолицые, тощие... К тому же лентяи. Итальянцы мне нравятся больше.

– Нельзя так говорить, Изабелла. В каждом народе есть и хорошие, и плохие люди. Уверена, твой отец подыщет тебе такую партию, которая придется тебе по душе. Рио ведь огромный город.

– Я все равно не пойду замуж за португальца!

Карла наклонилась к дочери и поцеловала ее в шелковистые темные волосы.

– Одно могу сказать, доченька! Характером ты пошла в своего отца. Спокойной ночи, милая.

И вот минуло три года. Но ничего во взглядах Изабеллы с тех пор, как состоялся тот давний разговор с матерью, не поменялось. Да и в семье все осталось прежним. Отец, снедаемый безмерным честолюбием, мама, как всегда нежная и покорная. Высшее общество Рио, все такое же чопорное и неприступное, как и двести лет тому назад. И португальские мужчины, все как один, такие же сухопарые, поджарые и малопривлекательные.

Однако их новый дом в Космо Вело напоминал картинку с выставки. Гладкие оштукатуренные стены цвета охры, высокие подъемные окна, удобная планировка, просторные, красивые комнаты, обставленные в полном соответствии с пожеланиями и вкусами отца. Он же настоял и на том, чтобы в доме появились все самые новейшие бытовые удобства: телефон, ванные комнаты наверху. А сад, окружающий дом снаружи, своим великолепием мог вполне посоперничать со знаменитым столичным ботаническим садом.

Вилла носила имя «Дворец принцессы», в честь принцессы Изабеллы, которая якобы однажды останавливалась в этих краях, чтобы напиться воды из источника на реке Кариока, которая как раз протекала по территории имения. Этому источнику приписывались в народе всякие чудодейственные и целебные свойства.

Несмотря на всю роскошь окружающей обстановки, Изабелла все время ощущала на себе гнетущее воздействие горы Корковадо. Она взметнулась ввысь прямо за их домом и буквально подавляла собой все вокруг. Изабелла задыхалась в этой атмосфере, ей не хватало чистого свежего воздуха, как у них на фазенде, широких пространств, свободных просторов.

Как только семья Бонифацио переселилась в Рио, сеньора Сантос стала ежедневной наставницей Изабеллы и принялась рьяно обучать ее всем тонкостям великосветского этикета. У нее Изабелла научилась, как надо правильно входить в помещение — спинка прямая, головка высоко вскинута вверх, словом, не входить, а *вливать*, грациозно и с достоинством. Она выучила назубок все генеалогические древа наиболее известных аристократических семейств Рио. Плюс уроки французского, игра на пианино, занятия по истории искусств и европейской литературе. И чем глубже погружалась Изабелла в изучение культуры Старого Света, тем сильнее он манил ее к себе.

Однако самым трудным стало для Изабеллы требование сеньоры Сантос напрочь забыть родной итальянский язык, на котором мать учила ее разговаривать с самой колыбели. Изабелле и сейчас с трудом удавалось разговаривать на португальском без итальянского акцента.

Иногда она разглядывала себя в зеркало и с трудом сдерживала смех. Несмотря на все титанические усилия Натальи

Сантос стереть из памяти все, что было связано с ее происхождением, истинная итальянская кровь проступала уже в самих чертах ее лица. Безукоризненный цвет лица, нежная кожа, покрытая ровным, слегка смуглым загаром под лучами высокогорного солнца, хотя сеньора Сантос постоянно напоминала держаться подальше от солнечного света, словом, прекрасное лицо в обрамлении густых темных кудрей, волной рассыпавшихся по плечам. А уж огромные карие глаза красноречивее всяких слов свидетельствовали о тех пленительных, исполненных страстью ночах в горах Тосканы, где и была ее настоящая родина.

Пухлые губы выдавали в Изабелле чувствительную натуру, а пышная грудь отчаянно сопротивлялась, когда ее зашнуровывали в жесткий корсет на косточках. Каждое утро Лоен, пытая от усилий, пыталась загнать цветущую плоть своей юной хозяйки в тугие объятия корсета, и всякий раз Изабелла невольно думала при этом, что и вся ее жизнь похожа на этот корсет. Ее буквально силой загоняют в какие-то узкие рамки условностей, совсем ей не свойственных. Подобно дикому зверю, неукротимому и страстному, Изабелла чувствовала себя попавшей в клетку.

Она проследила взглядом, как крохотная ящерица геккон молнией мелькнула по потолку из одного угла в другой. А ведь эта маленькая проказница, подумала Изабелла, тоже может ретироваться через открытое окно, как недавно удрала от нее обезьянка. Итак, впереди новый день, еще один

день, в течение которого ее, как того цыпленка, перед тем как сунуть его в духовку, станут натирать всякими разными специями, перевязывать крылышки и прочее. Впрочем, высший свет Рио, он будет пострашнее любой духовки. Вот наставники и стараются изо всех сил, пытаясь заставить Изабеллу забыть о своей врожденной доброте и сердечности. Зато они сделают из нее настоящую светскую даму, как о том мечтает отец.

На следующей неделе планы отца касательно ее будущего вступят в, так сказать, решающую фазу их реализации. Изабелле исполняется восемнадцать лет, и все готово к тому, чтобы она с помпой дебютировала в высшем свете Рио. По такому случаю устраивается шикарный прием в самом красивом отеле города под названием «Дворец Копакабана».

А потом, и Изабелла хорошо понимала это, ее заставят выйти замуж за того, кого выберет ей отец, если посчитает, что это лучшая партия из всех возможных. А уж после замужества у нее будут отняты и те малые крохи свободы, которые есть сейчас, причем безвозвратно и навсегда.

Часом позже в дверь спальни раздался негромкий стук. Пришла служанка Лоен.

– Доброе утро, сеньорита Изабелла. Сегодня оно просто чудесное! – пропела Лоен, входя в комнату.

– Разве? – раздраженно бросила в ответ Изабелла.

– Вставайте же! Пора одеваться. У вас сегодня очень напряженный день.

– Правда? – притворилась несведущей Изабелла, хотя не хуже Лоен помнила и знала почти наизусть весь распорядок грядущего дня.

– Знаете что, моя голубушка-хозяюшка, перестаньте меня разыгрывать, – строго предупредила ее Лоен, назвав Изабеллу «голубушкой». Этим именем, которая она дала Изабелле, еще когда они обе были детьми, Лоен пользовалась исключительно в тех случаях, когда они с молодой хозяйкой оставались наедине. – Вы не хуже меня знаете, что в десять у вас урок игры на фортепьяно, потом приходит учитель французского. А после обеда приедет мадам Дюшан. Последняя примерка вашего бального платья.

Изабелла закрыла глаза и сделала вид, что не слышит.

Но Лоен это ни капельки не смутило. Она подошла к кровати и слегка потрясла Изабеллу за плечо.

– Что с вами? Уже через неделю вам исполняется восемнадцать лет. Ваш отец устраивает по этому поводу великолепный бал. Весь Рио будет там! А вы совсем не рады?

Изабелла не ответила.

– Какой наряд предпочтете на сегодня? Кремовый или голубой? – продолжала тараторить Лоен.

– Все равно!

Лоен спокойно направилась к комоду и шифоньеру и так же молча повесила на спинку кровати все вещи, отобранные по собственному вкусу.

Изабелла нехотя оторвалась от подушек и села на постели.

– Прости меня, Лоен. У меня сегодня с самого утра дурное настроение. А все потому, что рано утром в спальню прокралась обезьянка и утащила мою расческу, подарок бабушки. Наверняка мама рассердится, когда узнает, что я снова забыла закрыть окна на ночь.

– Какой ужас! – испуганно округлила глаза Лоен. – Обезьяна утащила в джунгли вашу красивую расческу в перламутровой оправе? И сколько раз вам твердили, что на ночь надо закрывать не только окна, но и ставни!

– Да твердили, твердили, сто раз, наверное, – миролюбиво согласилась с ней Изабелла.

– Попрошу наших садовников поискать в саду под вашими окнами. Вдруг расческа еще там?

– Спасибо тебе, Лоен, – обрадовалась Изабелла, послушно скидывая руки вверх, а служанка принялась стягивать с нее ночную сорочку.

* * *

За завтраком Антонио Бонифацио скрупулезно изучал список гостей, приглашенных на прием по случаю восемнадцатилетия дочери во «Дворце Копакабана».

– Молодец сеньора Сантос! Действительно постаралась, – одобрительно хмыкнул он, пробежав еще раз глазами весь список. – Собрала лучшее из лучшего, что имеется в Рио на сегодняшний день. Кстати, большинство, кому были разо-

сланы приглашения, приняли их. Разве что семья Карвальо Гомес будет отсутствовать. И Рибейрос Барселлос тоже. Извиняются, ссылаются на свою чрезмерную занятость. — Антонио картинно вскинул брови, давая понять жене и дочери, что уж кого-кого, а его не проведешь подобными отговорками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.